

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ
И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РОССИЙСКОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБЩЕСТВО

Основано в 1866 г.

СИБИРСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

26 → 27 мая
2022 г.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ I СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Международной
научной конференции

Электронное
издание

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

**I СТЕПАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ.
АДМИНИСТРАТИВНЫЕ РЕФОРМЫ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ**

Материалы Международной научной конференции

Красноярск, 26–27 мая 2022 г.

Электронное издание

Красноярск
СФУ
2023

УДК 94:342.001.73(571.1/.5)(083)
ББК 63.3(253)53-360.6я43
С794

Ответственный редактор

Павлюкевич Руслан Витальевич

С794 I Степановские чтения. Административные реформы в дореволюционной Сибири : материалы Междунар. науч. конф. Красноярск, 26–27 мая 2022 г. [Электронный ресурс] / отв. ред. : Р. В. Павлюкевич. – Электрон. дан. (1,95 Mb). – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2023. – 245 с. – Систем. Требования : PC не ниже класса Pentium I ; 128 Mb RAM ; Windows 98/XP/7/8/10 ; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-7638-4804-5

Представлены материалы научных докладов участников Международной научной конференции «I Степановские чтения. Административные реформы в дореволюционной Сибири», которая состоялась в г. Красноярске 26–27 мая 2022 г. по направлениям: «Методы, источники и историография по административному устройству Сибири», «Опыт реформирования Сибири – изнутри и из центра», «Проблемы образования и здравоохранения в Сибири», «Сибирские власти, этносы, верования и религии», «Государственные служащие и представители управленческой элиты в Сибири до и после реформ М. М. Сперанского» и «Сибирь в системе международных отношений».

Предназначены для научных работников, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется исследуемой проблематикой.

Электронный вариант издания
см.: <http://catalog.sfu-kras.ru>

УДК 94:342.001.73(571.1/.5)(083)
ББК 63.3(253)53-360.6я43

ISBN 978-5-7638-4804-5

© Сибирский федеральный
университет, 2023

Электронное научное издание

Корректор *А. В. Прохоренко*
Компьютерная вёрстка *Е. А. Сафиной*

Подписано в свет 27.03.2023. Заказ № 18338
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Библиотечно-издательский комплекс
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел.: (391) 206-26-16; <http://bik.sfu-kras.ru>;
E-mail: publishing_house@sfu-kras.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.....	7
СЕКЦИЯ 1. МЕТОДЫ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ УСТРОЙСТВУ СИБИРИ.....	8
<i>Алексушин Г. В.</i> Историко-географическая модель российского освоения Сибири и Дальнего Востока.....	8
<i>Белгородская Л. В.</i> Эволюция визуального образа М. М. Сперанского в русском искусстве XIX – нач. XXI в.....	11
<i>Карпенко Е. В.</i> 300-летие Сибири: материалы газеты «Восточное обозрение» о сибирских инородцах.....	17
<i>Малафеев А. В.</i> Документы Енисейского губернского управления об организации тюремного дела в Енисейской губернии.....	22
<i>Рябов Ю. В.</i> Индустриализация и вестернизация: идеи и образы освоения промышленных и энергетических ресурсов России и Сибири в 1920–1930-е гг.....	27
<i>Сентябова М. В.</i> Историография сибирского детства XIX–XX вв.....	37
<i>Садыков А. К.</i> Юго-восточный фронт Пугачевского восстания на примере Чесноковского повстанческого центра.....	45
СЕКЦИЯ 2. ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИБИРИ – ИЗНУТРИ И ИЗ ЦЕНТРА...	51
<i>Ахтамов Е. А., Гергилев Д. Н.</i> Развитие железной дороги Енисейского региона в XIX–XXI вв.....	51
<i>Бакшеев А. И.</i> Сибирь в системе государственного устройства Российской империи.....	57
<i>Бурлаков В. А.</i> Судебная реформа в Восточной Сибири и учреждение нотариата в Южном Прибайкалье.....	64
<i>Головкин В. С.</i> Становление и роль Императорской Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов в истории Алтайского края в горнозаводскую эпоху.....	69

<i>Дементьев А. П.</i> Деятельность комитетов общественной безопасности Енисейской губернии по созданию системы местного самоуправления в 1917 г.....	72
<i>Долидович О. М.</i> Таможенные учреждения на юге Енисейской губернии (1915–1921 гг.).....	79
<i>Жулаева А. С.</i> Особенности управления процессами золотодобычи в Приенисейской Сибири в 1822–1870 гг.....	91
<i>Иванов А. А.</i> «Сослать в службу, в какую пригодится»: сибирская ссылка в законодательстве Петра I и М. М. Сперанского.....	96
<i>Рогачев А. Г.</i> Реформаторская деятельность М. М. Сперанского и дальнейшая стратегия развития Приенисейского региона.....	104
СЕКЦИЯ 3. ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СИБИРИ..	112
<i>Герасимов Д. А., Ступин Е. О.</i> Улучшение системы образования в дореволюционной Сибири.....	112
<i>Гусева Е. Е.</i> Проблема достижения предметных результатов в изучении истории школьниками: сравнительный анализ состояния преподавания истории в конце XIX – начале XX в.....	116
<i>Ковалев А. С.</i> Роль государства, общественных организаций и церкви в обучении и переобучении инвалидов войны в Сибири в 1915–1916 гг.....	118
<i>Николаев Д. А.</i> О социально-экономическом положении Рождественского совхоза (Дзержинского молмясовхоза) в 1927–1938 гг.....	124
<i>Почеревин Е. В.</i> Финансирование профессионального образования из средств местного бюджета Енисейской губернии в начале XX в.....	128
<i>Шаламов В. А.</i> Система управления медицинскими учреждениями Енисейской губернии в XIX – начале XX в.....	134
СЕКЦИЯ 4. СИБИРСКИЕ ВЛАСТИ, ЭТНОСЫ, ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИИ.....	142
<i>Артамонова А. Г.</i> Реализация прав коренных малочисленных народов на образование на современном этапе.....	142

<i>Задорин А. В.</i> Что нас сближает? Изучение общероссийской идентичности в Красноярском крае в 2021 г.....	146
<i>Седен А. В.</i> Формирование органов государственной власти в Тувинской Народной Республике и основные направления внутренней политики государства.....	152
<i>Хоменко Д. Ю.</i> Власть и коренные народы Енисейской губернии: от «Устава» М. М. Сперанского до административной реформы 1911 г.....	157
<i>Шестакова К. И.</i> Освоение северных территорий Енисейской губернии – Красноярского края в документах Государственного архива Красноярского края.....	163
СЕКЦИЯ 5. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СИБИРИ ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМ М. М. СПЕРАНСКОГО.....	170
<i>Болонкина Е. В.</i> Роль местных органов государственного управления в области обеспечения продовольствием населения Енисейской губернии в 1820–1850-е гг.....	170
<i>Виниченко Н. В., Горьковская З. П.</i> Формирование Петром I политической элиты «нового типа» в контексте конструирования рационального дискурса власти.....	177
<i>Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.</i> Наследники М.М. Сперанского. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Сибири 1822–1917 гг.....	184
<i>Друзяка А. В., Се Чуньхэ.</i> Судебная реформа в Приамурском генерал-губернаторстве и в полосе отчуждения КВЖД.....	189
<i>Карчаева Т. Г., Осипов С. В.</i> Чиновники лютеранского и римско-католического вероисповедания на службе в Восточной Сибири (начало XX в.).....	193
<i>Королёва С. А.</i> Представительницы знатных семей в Красноярской женской гимназии в 1905 г....	197
<i>Лойко А. И.</i> Последователи М. М. Сперанского – С. Б. Броневский и П. М. Капцевич.....	201
<i>Неупокоев И. В.</i> Институт крестьянских начальников и развитие сельских начальных училищ (на примере Тобольской губернии в 1898–1917 гг.).....	205
<i>Суржко А. В.</i> Первые советские руководители Енисейской губернии.....	211

<i>Элтеко Ю. В.</i> «Дедушка Гоштовт»: биография одного из старейших большевиков г. Красноярск.....	216
<i>Архипова А. И.</i> Социальный облик чиновничества Якутской области: губернаторы и вице-губернаторы.....	222
СЕКЦИЯ 6. СИБИРЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	225
<i>Никуленков В. В.</i> Общественная дипломатия как инструмент межрегионального сотрудничества субъектов СССР и КНР в 1950–1960-е гг.....	225
<i>Низовских А. В.</i> Пограничные проблемы на Западно-Сибирском участке российско-китайской границы в XIX в.....	236
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	242

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В 2022 г. исполнилось 350 лет со дня рождения первого российского императора Петра Великого, выдающегося государственного деятеля и ученого. В целой плеяде государственных преобразований отдельно хочу выделить губернскую реформу Российской империи, в результате которой была создана Сибирская губерния и сформированы основы её административного и территориального устройства.

Вместе с тем в 2022 г. исполняется 250 лет со дня рождения одного из крупнейших реформаторов в истории России М. М. Сперанского. В 1819–1821 гг. он занимал должность генерал-губернатора Сибири. Проведя ревизию в Сибири, М. М. Сперанский разработал и предложил комплексные реформы управления регионом и его территориального устройства с учётом многонационального состава населения, специфики и сложности хозяйственного освоения. Проведённые реформы затронули все стороны жизни Сибири, разделив её территорию на Западное и Восточное генерал-губернаторства. Также в этом году исполнилось 200 лет со дня образования Енисейской губернии, по своей сути ставшей прообразом, административной основой Красноярского края.

Данные юбилейные даты явились мотивом проведения уникальной международной научной конференции «I Степановские чтения». В этой работе приняли участие историки, философы, правоведы, краеведы со всей России и стран ближнего зарубежья. Высокий научный потенциал участников позволил по-новому взглянуть на проблемы административных реформ в Сибири, место и положение коренных ее народов, влияние центральных и региональных элит на развитие региона, историографии, методологии и источниковедения Сибири.

Труды участников конференции отражены в представленном сборнике. Его материалы позволяют определить новые тенденции и направления изучения богатой истории России в целом и Сибири в частности.

На конференции были поставлены спорные и дискуссионные вопросы, новые задачи для исследования Сибири.

Участники благодарят за высокий уровень организации работы конференции руководство Сибирского федерального университета и Красноярского регионального отделения Российского исторического общества.

Мы надеемся, что данная конференция и сборник трудов к ней станут началом новой традиции в отечественной исторической науке.

Заместитель министра образования Красноярского края,
исполняющий обязанности заведующего кафедрой
истории России, мировых и региональных цивилизаций
Гуманитарного института Сибирского федерального университета
доктор исторических наук, доцент Денис Николаевич Гергилев

СЕКЦИЯ 1

МЕТОДЫ, ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНОМУ УСТРОЙСТВУ СИБИРИ

УДК 94(571.1/.5X075.3)

Г. В. Алексушин

Самарский государственный экономический университет

Самара, Россия

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РОССИЙСКОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Аннотация. Исследован процесс освоения Сибири и Дальнего Востока Россией. Создана историко-географическая модель этого процесса. Вычленены ключевые географические факторы развития – реки. Подтверждена идея moving frontier как главного принципа освоения Сибири и Дальнего Востока.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, освоение, Россия, история, вектор, острог

Abstract. The process of development of Siberia and the Far East by Russia is investigated. A historical and geographical model of this process has been created. The key geographical factors of development – rivers – have been identified. The idea of moving frontier as the main principle of the development of Siberia and the Far East is confirmed.

Keywords: Siberia, Far East, development, Russia, history, vector, fort

Попытки проанализировать вектора и этапы [1] освоения Сибири и Дальнего Востока Россией в XVI–XIX вв. [4, с. 159; 5, с. 234–235] до сих пор точно не выявлены, по их поводу ведётся немало дискуссий. Предложу собственную авторскую концепцию историко-географической модели освоения Россией Сибири и Дальнего Востока.

Базовым принципом освоения Сибири и Дальнего Востока был moving frontier [3], по которому сеть острогов постепенно двигалась на восток, перемещая за собой границу России.

Она построена на анализе 3-х ключевых элементов – этапов, направлений движения (векторов) и баз (острогов и городов):

1а) конец XVI в., юго-восток. Отталкивались в движении на восток от укреплений (Соль Камская), созданных против юга. В конце XVI в. после освоения Волги и Заволжья россияне устремились на юго-восток вектором, на которых построили за 12 лет 4 острога: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Тара (1594) и Верхотурье (1598).

1б) 2-м вектором на рубеже XVI–XVII вв. стало осторожное продвижение вдоль уже освоенной территории от всё той же Соли Камской на восток с постройкой 4-х острогов за 14 лет: Берёзов (1593), Обдорск (1595, ныне от него «остался» Обдорский острог в Салехарде), Мангазея (1601) и Туруханск (1607).

2) На 2-м этапе на рубеже XVI–XVII вв. параллельно движению на восток, одновременно от Берёзова стали пролагать 2-й маршрут на юго-восток вдоль Оби, параллельный первому (вектор Тюмень – Тобольск). На нём возникли 5 острогов за 24 года: Сургут (1594) и Нарым (1596), Томск (1604), Кеть (1605) и Кузнецк (1618).

3) В начале XVII в. 3-м этапом освоили юго-восток (продолжение 1-го вектора), уже от вновь возникшей границы. В этой фазе на 2-х направлениях вдоль Верхней Тунгуски и Ангары поставили за 34 года 6 острогов:

3а) в одном направлении – Енисейск (1618), Красноярск (1628) и Караульный (1843);

3б) в другом – Рыбная (1628), Братск (1631) и Иркутск (1652–1661).

4) Следующий этап в 1620–1630-х гг. был восточным из 2-х параллельных направлений:

4а) по р. Нижняя Тунгуска, по ней поставили Летнее (1638), Илемпейское (1625) и Непское (1629);

4б) по р. Средняя Тунгуска поставили Закаменное (1626), Тетерское (1628) и Илимск (1630).

5) Следующим этапом стали остроги:

5а) по р. Лена на север (3-й вектор) и Вилюй на восток: Жиганск и Якутск (1632), Оленское (1633), Олекминский острог (1635), Нижнее Вилюйское (1636);

5б) и Верхнее Вилюйское (1637) и по р. Яна на юг (4-й вектор): Верхоянское (1638), Нижнеянское (1642) и Устьянское.

Далее в 3 этапа освоили:

6) р. Индигирка на юг – Зашиверское (1653);

7) р. Колыма на север и юг одновременно – Среднеколымское (1643), Нижнеколымское (1644) и Верхнеколымское (1647);

8) р. Анадырь на юг – Анадырский (1649).

9) Первые остроги на берегу Тихого океана расположились уже в середине XVII в. – движение *moving frontier* на восток завершилось физически, упершись в побережье. Так в векторе на восток появились Охотск (1648) и Тоуйский острог (1648–1657).

10) Общее движение на восток от Байкала стало последним этапом XVII в.: Верхнеангарское (1647), Баргузинский (1648), Чита и Нерчинск (1653), Селенгинск и Албазин (1665) и Верхнеудинский (Улан-Удэ, 1666).

11) Последний этап не имел векторов развития, был внутренним. В XVIII в. в Сибири началось заполнение уже освоенного пространства: появились между Омском и Красноярском Кемерово (1701) и Барнаул (1730) к югу от Томска. Остроги остались в прошлом. В середине XIX в. основали Благовещенск (1856), Хабаровск (1858), Владивосток (1860).

Последний этап был во многом связан со становлением новой системы губернаторской власти [2].

Подводя итоги, отметим, что в экспансии на восток Россия опиралась на 47 острогов (1586–1666) и 5 городов (1701–1860) на 4-х векторах развития в 11 этапов. Также очевидно, что ключевым географическим фактором освоения Сибири и Дальнего Востока были реки.

Список источников

1. Алексушин Г. В. Периодизация, стадиялизация или этапизация? / Г. В. Алексушин // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1-1. С. 198–201.

2. Алексушин Г. В. Развитие губернаторской власти в России (1708–1917 гг.): исторический опыт и уроки: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Г. В. Алексушин. М., 2008.

3. Алексушин Г. В. Развитие Самары как элемент российской «moving frontier» / Г. В. Алексушин // Социально-правовые проблемы российского государства на рубеже XXI века: материалы 1-й межвузовской научно-практической конференции, Самара, 26 октября 2001 года. Самара: Самарский юридический институт Министерства юстиции РФ, 2002. С. 13–16.

4. «Россия – священная наша держава»: прошлое с нами: учеб. пособие в 5 книгах / А. В. Горожанин, В. В. Рыбников [и др.]. Т. 1. Кн. 2. От Руси изначальной к России императорской: «дистанция огромного размера». Самара: ООО «Научно-технический центр», 2003.

5. Русь – Россия – СССР – Россия: этапы большого пути: учеб. пособие для вузов по курсу «Отечественная история» / А. В. Горожанин, В. В. Рыбников [и др.]; под общ. ред. В. В. Рыбникова. Т. 1. От Руси изначальной к году 1917: «Из мрачной глубины веков ты поднималась исполином...». Самара: ООО «Научно-технический центр», 2004.

Л. В. Белгородская
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ВИЗУАЛЬНОГО ОБРАЗА М. М. СПЕРАНСКОГО В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XIX – НАЧ. XXI в.

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции визуального образа выдающегося государственного деятеля М. М. Сперанского в русском искусстве XIX–XXI вв. Автор выделяет три этапа развития образа: имперский период, когда создано много парадных портретов и скульптур, советский и новейший период, сопровождающийся возрождением интереса к личности политика. В статье уточняются обстоятельства создания произведений искусства, посвященных «гению русской бюрократии», история бытования портретов, место живописных образов в культурной памяти россиян. Особо внимание уделено визуализации образа М. М. Сперанского в Сибири, где он был генерал-губернатором с 1819 по 1821 г.

Ключевые слова: визуальный поворот в истории, иконография М. М. Сперанского, исторические портреты в музеях России, русская скульптура, памятники М. М. Сперанскому

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the visual image of the outstanding statesman M. M. Speransky in Russian art of the XIX–XXI centuries. The author identifies three stages in the development of the image: the imperial period, when many ceremonial portraits and sculptures were created, the Soviet and modern period, accompanied by a revival of interest in the personality of a politician. The article clarifies the circumstances of the creation of works of art dedicated to the “genius of the Russian bureaucracy”, the history of the existence of portraits, the place of pictorial images in the cultural memory of Russians. Special attention is paid to the visualization of the image of M. M. Speransky in Siberia, where he was governor-General from 1819 to 1821.

Keywords: visual turn in history, iconography, M. M. Speransky, historical portraits in Russian museums, Russian sculpture, monuments to M. M. Speransky

В 1980-х гг. в гуманитарных науках произошел так называемый визуальный поворот. Одним из проявлений pictorial turn стало появление научных дисциплин и учебных курсов по визуальным исследованиям. Само название областей научного знания, связанных с визуальностью, зачастую за рубежом и в России понимается по-разному, не говоря уже об их методах, предметах, источниках и т. д. До настоящего времени не завершилось методологическое оформление этого комплекса научных дисциплин в России: визуальная история, визуалистика, визуальные исследования. В поле подобных работ включаются любые визуальные источники, включая художественные фильмы, ментальные карты и образы.

Только на рубеже XX–XXI вв. появились, по словам историка Л. Н. Мазур, первые «историко-визуальные исследования» в России. Она

пишет о том, что историческая реальность в новейших работах историков переосмысливается в контексте истории образов. Визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение технологий исторического познания и, возможно, станет причиной их кардинальной перестройки. В исторических исследованиях визуальные источники до сих пор используются крайне редко в силу специфики отражения информации и отсутствия полноценного методического инструментария, обеспечивающего возможность исторических реконструкций. Тем не менее историческая наука не может полностью игнорировать новые веяния и постепенно приобщается к проблемам изучения аудиовизуальных документов.

О визуальном повороте исторической науки свидетельствует все более широкое использование в словаре историка понятий «образ», «облик», «картина», используемых в самых разных тематических исследованиях: от традиционно историографических работ до изучения сюжетов социальной, политической, интеллектуальной истории, истории повседневности [1, с. 95]. Вместе с тем применяемое историками понятие образа пока остается слабо структурированным и в значительной степени остается неопределенным, поскольку строится не на логических принципах моделирования, а на «восприятии» (фактически визуализации) – способе познания, имеющем ярко выраженный субъективный характер с опорой на чувственный опыт. Все эти подходы к изучению исторического «образа» чего-либо (политика, врага, союзника, детства, исторической науки и т. д.) сегодня находят отражение в исторических работах, представляя собой попытку по-новому взглянуть на явления прошлого: с позиций визуального восприятия, а не логики. В этом смысле методику реконструкции и интерпретации образа можно рассматривать как способ отойти от рациональных приемов обобщения исторической информации и обращения к так называемым качественным методам познания, основанным на законах чувственного восприятия.

В исторической науке визуальный поворот совершается медленнее, чем в социологии или культурологии, он имеет свои особенности, поскольку визуальные источники традиционно рассматривались в контексте исключительно историко-культурной проблематики. Однако в последние годы, как видно, произошли заметные изменения, связанные с ростом доступности визуальных источников для сообщества историков и повышением интереса к ним. Это заставляет задуматься над используемым исследовательским инструментарием и его методологическим обоснованием [2, с. 19–21, 954–955].

Эволюция визуального образа М. М. Сперанского не была предметом научного интереса и не нашла отражения в публикациях. Авторы либо используют художественные изображения для иллюстрирования текста, либо приводят вербальные описания образа реформатора.

Автор доклада выделяет три этапа эволюции образа политика в российском искусстве. В рамках первого этапа (имперского) создавались преимущественно парадные и полупарадные портреты государственного

деятеля. В коллекции Государственного Эрмитажа в настоящее время находится самое большое количество изображений Сперанского. Их десять. Самое раннее – миниатюра 1806 г. П. А. Иванова. В ряде публикаций и информационных материалов в сети Интернет он называется «Портрет молодого Сперанского». В каталоге Эрмитажа миниатюра названа «Портрет М.М. Сперанского». В действительности на портрете изображен 34-летний седой политик, имевший к этому времени высокий чин. Миниатюра создана по поводу награждения государственного деятеля орденом Св. Владимира. Политик показан в сложном трехчетвертном повороте в черном сюртуке с крестом ордена на шее. С этой миниатюры сделано несколько списков-копий другими художниками.

Самый известный образ политика создан английским художником Дж. Доу в 1822 г. (возможно 1821 г. или 1823 г.) Политик с орденами Александра Невского (звезда) и Св. Владимира (звезда) сидит у стола, перед ним лежит карта сибирских губерний, за спиной виден городской пейзаж, который, вероятно, так считают искусствоведы Эрмитажа, является видом Иркутска. На корешке большого фолианта написано «Предназначено для Сибири». Полотно погибло в 1845 г., но, к счастью, было сделано несколько копий российскими и зарубежными художниками, которые позволили восстановить авторский замысел облика мыслителя и политика. В XIX в. портреты государственных деятелей копировались массово для публичных мест и частных коллекций. Речь идет о гравюре Томаса Райта, портрете неизвестного художника второй трети XIX в. из коллекции Эрмитажа, изображении П. Ф. Бореля, гравюре А. Василевского. В изданиях не всегда указывается, что это копии портрета работы Дж. Доу [3, с. 5]. На обложке юбилейного номера журнала Российского фонда «История отечества» помещено изображение гравюры, созданной Т. Райтом по портрету Дж. Доу, а в тексте ошибочно авторство приписано художнику П. Ф. Соколову, создавшему иное, авторское изображение политического деятеля «с натуры».

На мой взгляд, большой интерес для историка представляет копия портрета политика работы А. Г. Варнака, выполненная под руководством Дж. Доу в 1824 г. Поясное изображение позволило художнику и копиисту сосредоточить внимание на одухотворенном лице Сперанского и передаче выражения его умных голубых глаз. Портрет приобрел иркутский меценат Сукачев при невыясненных обстоятельствах. Сейчас он украшает зал Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева, названного в честь замечательного мецената. Недавно искусствоведам удалось идентифицировать и второй портрет М. М. Сперанского в этом музее, выполненный М. Васильевым, вероятно, в бытность политика генерал-губернатором Сибири в 1819–1821 гг.

Несколько портретных изображений создано в конце 1830-гг., последних годах жизни Сперанского, ставших периодом его интенсивной работы по кодификации законов, апофеозом политической карьеры, временем получения графского титула. Речь идет о портрете работы

И. И. Реймерса, написанном для альбома «Портреты воспитателей будущего императора Александра II (под номером 29!), портреты кисти В. А. Тропинина, хранящиеся сейчас в Самарском областном художественном музее и в музее политической истории (Петербург). Полотно, как полагают искусствоведы, написано в последние месяцы жизни или сразу после смерти политика (1838 или 1839 гг.). Как же полон символики язык картины: сломанные перья – неосуществленные реформы, погасшая свеча – конец жизни и завершение трудов, свиток с планом – будущая реализация замыслов. Государственный деятель вписан в высшую имперскую элиту на знаменитом полотне Г. Г. Чернецова «Парад на Царицынском лугу». М. М. Сперанский всегда выглядит закрытым человеком, «застегнутым на все пуговицы».

Как верно заметил историк Е. В. Анисимов, профессор Академии художеств А. Д. Кившенко не принадлежит к числу выдающихся живописцев своего времени. [4, с. 226]. Однако созданное им в 1880 г. полотно «Совет в Филях» вошло в историческую память россиян. Бесчисленные репродукции картины помещали в учебниках истории, картину воспроизводили много раз в виде открыток. В тот же год художник создал небольшую акварель (45х33 см.), которая сейчас активно внедряется в историческую память россиян, массово тиражируется. В 2022 г. Почта России выпустила миллионным тиражом конверт к 250-летию Сперанского, украшенный репродукцией этой работы – «Возложение Николаем I на Сперанского орденой ленты Андрея Первозванного». Вряд ли можно считать это изображение удачным. Рассмотрим его внимательно. Во-первых, историку бросается в глаза нарушение исторической реальности – Сперанский получил награду на заседании Госсювета, а не личных апартаментах императора. Причем царь снял с себя свой личный орден и наградил им законодателя. Во-вторых, главным героем работы предстает император – он высок, находится в центре композиции, хорошо написано выражение его холодного и надменного лица. Далее, обилие деталей на небольшой по размерам работе отвлекает внимание от облика Сперанского. Смущает и коленопреклонённая поза политика, а соседство собаки императора с его фигурой еще больше усиливает впечатление зависимости и услужливости государственного деятеля. Заметим, что узнав о смерти Сперанского, Николай сказал: «Я нашел в нем самого верного и ревностного слугу...» А. Д. Кившенко, можно предположить, сознательно подчеркнул услужливость и раболепие политика в правление Николая. Историк права В. А. Томсинов ссылается на записки современников, которые отмечали угодливость Сперанского, стремление ко всем приноровиться после опалы и ссылки [5, с. 452]. В 2022 г. в Санкт-Петербурге в рамках юбилейных мероприятий проходит выставка из фондов федеральных архивов. Представленная там указанная работа из фонда Центрального военно-морского музея ошибочно названа «Николай I награждает Сперанского за Свод законов».

В русской скульптуре образ реформатора представлен в императорский период среди 109 фигур горельефа памятника «Тысячелетие

России» в Великом Новгороде и в горельефе постамента памятника Николаю I в Петербурге. В 1908 г. в Иркутске установили памятник Александру III, на одной из граней постамента расположили скульптурный портрет политика.

В советский период образ политика воспроизводился исключительно в энциклопедиях и учебниках для вузов. Все рассмотренные издания Большой советской энциклопедии либо не имели иллюстративного материала, либо воспроизводили работы старых мастеров. Даже многофигурное полотно И. С. Глазунова «Вечная Россия» (1988 г.), претендовавшее на статус реабилитирующего в перестроечные годы дореволюционную Россию произведения искусства, не содержит визуализированного образа выдающегося государственного деятеля.

В начале XXI в. началось создание скульптурных портретов М. М. Сперанского. Это связано с переоценкой Великих реформ Александра II (в том числе судебной) и широким празднованием в 2022 г. 250-летия со дня рождения Сперанского. На возрожденном памятнике Александру III вновь появился бюст политика. Благодаря инициативе общественности практически одновременно в 2016 г. памятники реформатору установлены в Белгороде и Иркутске. Скульптура в Сибири выполнена по проекту А. Абрамова, А. Виноградова, М. Кирилловой и В. Акулова. Представлен не традиционный бюст, а изображение трех четвертей фигуры, это визуальное послание создателей монумента может быть прочитано зрителями в качестве символа незавершенности политических преобразований Сперанского, знака его личных потерь и неудач. Политик в минуту откровенности писал о себе с горечью: «Никогда, ни в какую эпоху жизни, не привязывались ко мне душевно люди счастливые, да и сам я к ним не прикасался» [5, с. 457].

Таким образом, нами выявлены три этапа эволюции образа политика, дана характеристика портретов М. М. Сперанского, созданных в России. На мой взгляд, историкам следует детально изучить историю бытования изображений государственного деятеля в центральных и региональных музеях страны, в зарубежных художественных коллекциях, выяснить обстоятельства создания живописных и скульптурных портретов, установить были ли это частные заказы, государственные или общественные инициативы. Открытым остается ответ на вопрос, какую оценку изображения политика получили у портретируемого и его современников.

Список источников

1. Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 95–108.
2. Роль изобразительных источников в информационном обеспечении исторической науки: сборник статей / авт.-сост. Е. А. Воронцова. М., 2019. 1 030 с.

3. Воронцово поле. 2022. № 1. 96 с.
4. Анисимов Е. В. Письмо турецкому султану. Образы России глазами историка. СПб.: Изд-во «Арка», 2013. С. 226. 359 с.
5. Томсинов В. А. Светило российской бюрократии. Исторический портрет М. М. Сперанского. Изд. 5-е, обнов. и доп. М.: Зерцало-М. 2013. 476 с.

Е. В. Карпенко
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

300-ЛЕТИЕ СИБИРИ: МАТЕРИАЛЫ ГАЗЕТЫ «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЕНИЕ» О СИБИРСКИХ ИНОРОДЦАХ

Аннотация. В статье представлен анализ материалов газеты «Восточное обозрение» за 1882 год. Первый год издания газеты, создание которой было приурочено к юбилейной дате – 300-летию Сибири, содержит сведения об истории и современном состоянии инородческого населения Сибири. В работе отражены основные проблемы сибирских инородцев в восприятии российской общественности.

Ключевые слова: Сибирь, инородцы, «Восточное обозрение», стереотип, колонизация

Abstract. The article presents an analysis of the materials of the newspaper “East Review” for 1882. The newspaper contains information about the history and modern state of people of a different kind in Siberia. The work reflects the main problems of Siberian people of a different kind in the perception of the Russian public.

Keywords: Siberia, people of a different kind, “Eastern Review,” stereotype, colonization

В 1881–1882 гг. внимание российской общественности привлекли проблемы истории и современного развития Сибири. Интерес был связан с юбилейной датой в истории российской Сибири – 300-летие региона: с походов Ермака 1581–1582 гг. началось освоение русскими Сибири. На 1881–1882 гг. был запланирован ряд мероприятий, связанных с этой датой. В 1882 году на волне интереса к вопросам развития Сибири в Санкт-Петербурге была основана газета «Восточное обозрение», редакция которой одной из задач определила освещение событий политического, экономического, социокультурного характера в регионе. 300-летие Сибири стало своеобразным рубежом в осознании российской общественностью роли региона и необходимости преобразований. Редакция газеты обращает внимание на «неизменное положение Сибири», которое едва ли может вызвать какие-либо «отрадные чувства» [1, с. 12].

Одним из центральных вопросов, затронутых редакцией газеты в первый год ее существования, стала проблема сибирских инородцев. Автор одной из статей обозначал вопрос азиатской России как «внутренний восточный вопрос», непосредственно связывая его с проблемой инородцев Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока [4, с. 1]. Российская общественность видела в решении инородческого вопроса, в том числе в «поднятии гражданственности, просвещения и способствовании гражданскому росту передовой колонии» один из важнейших путей развития не только

развития Сибири, но и государственного могущества в целом [4, с. 2]. Анализ материалов газеты «Восточное обозрение» о сибирских инородцах позволяет более глубоко понять процессы формирования образа инородца Сибири, выделить не только позицию российской общественности по отношению к инородческому населению Сибири, но и роль, которую европейская Россия отводила Сибири и ее населению в Российской империи.

На основе анализа материалов газеты «Восточное обозрение» первого года издания (1882 г.) в данной работе представлено отношение российской общественности к месту и роли инородцев в Сибири, выделены некоторые стереотипы об инородческом населении региона. Проведение анализа материалов газеты именно первого года издания преследует цель сформировать представление российской общественности о сибирских инородцах накануне 300-летия Сибири, актуализировавшего все вопросы, связанные с развитием данного региона.

В материалах газеты «Восточное обозрение» об инородцах пишут как о категории сибирского населения, которое наряду со ссыльными «уменьшают качество и состав Сибири» [3, с. 3–4], места проживания инородцев часто именуют «глухими захолустьями» и «темными уголками» [1, с. 12]. При анализе материалов газетных публикаций были выделены следующие вопросы, волнующие российскую общественность: дискуссия о цивилизаторской миссии русского человека, о роли русской колонизации в истории развития инородческого населения, качества инородцев (стереотипный образ), проблема необходимости преобразований в среде инородцев как залог эффективного развития региона.

В статье «Еще по поводу трехсотлетия Сибири» условно выделяют три ветви сибирских инородцев: финское и «тунгусско-монгольское» племя, инородцы татарского и монгольского племени [1, с. 14]. Согласно представлениям российской общественности 1880-х гг., финское племя господствует на севере Сибири, татарское – на юге, до Енисея, далее на востоке – «монгольско-тунгусское» племя [2, с. 1]. Инородческое население финского племени, частью «тунгусско-монгольское», постоянно вымирают, инородцы татарского и монгольского племени «в силу общих с русским населением промыслов и занятий почти сравнялись во всем с последними и разделяют с ним все удобства и невыгоды условий ... крестьянского населения» [1, с. 14].

В инородческом вопросе можно выделить два лагеря: одни отрицают всякую будущность других рас неевропейского типа и пророчат им вымирание, отрицают у них способности к культуре; другие – смотрят на дикарей как на известную стадию развития и открывают в дикаре те же человеческие черты и чувства, присущие белым. Редакция «Восточного обозрения» принадлежит ко второму лагерю, усматривавшему в инородческом населении Сибири перспективы будущего развития. Оценки роли русской колонизации неоднозначны. Накануне 300-летия Сибири звучит много заключений об «эксплуататорской миссии» русского завоевателя [2, с. 2]. Осуждаются методы обращения с инородцами в прошлом, на страницах

газет можно встретить заявления о «пережитках» и жестоком обращении с инородцами в настоящее время: «на Оби, Енисее, на Лене – везде господствует прежний способ обращения с инородцами» [2, с. 2]. Не всегда деятельность «белого человека» здесь оценивают как цивилизаторскую: вырубку леса в Сибири крайне негативно оценивали в качестве фактора влияния на инородческое население. Так, например, рубка леса на Алтае и развитие золотодобычи привели к тому, что «инородцы многих улусов, поближе к приискам, собираются побросать свои юрты и расстаться с привольем, чтобы уйти от хищников в горы, где их не будут тревожить» [5, с. 4]. Там же на Алтае (по ручью Кандоме, впадающему в Камкаджи) инородческое население было русскими «разорено, разграблено и, побитые нагайками и обездоленные, ограбленные инородцы разбежались в глушь тайги» [5, с. 5]. В фельетоне «Странные привязанности» весьма эмоционально раскрыто отношение к инородцу, который вынужден терпеть лишения и нападки общества «белого человека». «И это цивилизация!» – восклицает автор, протестуя против рабской судьбы инородца [9, с. 13].

Русские не смогли избежать негативных последствий колонизации: хищническое пользование имуществом инородцев привело к их обеднению и появлению новых «пагубных, порочных наклонностей» у инородцев [8, с. 10]. Однако авторы статей подчеркивают, что уровень негативного воздействия на инородческое население со стороны русских колонизаторов не имело таких печальных последствий, как в европейских колониях (чаще внимание обращают на Америку и английскую Индию). Отсутствовала нетерпимость, широко велись этнографические исследования с целью понимания быта и характера сибирских инородцев.

Поднимают на страницах газеты и проблему исчезновения, вымирания некоторых народов. Данное явление российская общественность чаще всего рассматривает как закономерный процесс: «я не видел... более жалкого и испорченного сибиряка-туземца, как остяка, и не знаю другого спасения для этого народа как сглажение его национальности, слияния с русскими и полного поглощения его последними» [8, с. 11]. Часто «вымирание» инородцев связано с метисацией или обрусением. В тех районах Сибири, «где русские не жили, а только наезжали для обирания», инородцы не переродились и остались «неразвитыми» [2, с. 2]. В данном случае речь идет об остяках, коряках, камчадалах.

Инородцы-скотоводы менее всего пострадали от русской колонизации. Скотоводство не привлекало купцов-охотников за пушниной, поэтому «татарские и монгольские племена» сохранились и даже приумножились (за счет прихода из китайских владений) [2, с. 2]. Однако на страницах «Восточного обозрения» регулярно появляются материалы, связанные с отсутствием «цивилизации» у этой категории инородцев.

Принимая всю ответственность за будущее Сибири, авторы публикаций выделяют решение инородческого вопроса в особо важную категорию преобразований. В представлениях российской общественности,

основой инородческих преобразований является обрусение инородцев Сибири, их ассимиляция: «Мы не похожи на Европу, изолированную от инородческого влияния, но находимся в процессе исторического и этнографического соседства и слияния с инородцами» [7, с. 1–2]. Преградами к процессу объединения инородцев с русским народом авторы публикаций «Восточного обозрения» видят в слабой образованности и отсталой системе управления инородцев. В 1882 году со страниц газеты звучат призывы к осуществлению судебной и управленческой реформ в отношении инородцев. Редакция газеты подчеркивает, что «двоевластие» (свое, народное и чиновное) уже давно не отвечает потребностям самих инородцев и аппарату управления Сибири [1, с. 14]. Власть нойонов, тайшей и султанов ведет к серьезному давлению на инородческое население, чиновники-инородцы также любыми способами эксплуатируют простых инородцев. Письмоводитель Степной думы соединенных разнородных племен Минусинского округа инородец Катаков, служивший с 1874 по 1880 г., пользуясь как природный инородец у местного населения большим доверием, сборы налагал сверх сметы. Первое полугодие 1880 г. он обложил инородцев сверх законных податей сбором по 81 1/4 коп. с каждой платящей души [6, с. 8]. Таким образом, важными шагами к решению инородческого вопроса являются объединение управления русских и инородцев, общие суды и земства. Кроме того, необходимо предоставить для инородцев средства к развитию: школы, низшие и средние. Автор статьи «Историческое прошлое Сибири» сокрушается: по занятиям и развитию инородцы остаются такими же, как до появления русских. Главной причиной автор считает не отсутствие способностей у инородцев, а недоступность средств к развитию [2, с. 2].

Характеризуя качества инородческого населения, можно выделить определенные стереотипы, формирующие образ инородца Сибири, отраженные в материалах газеты. Особо выделяют способности переносить всевозможные лишения, умение бороться и преодолевать препятствия. Также этнографами и обычными наблюдателями отмечены честность, правдивость и откровенность во взаимных отношениях, преданность обычаям.

В статье «Дикарь перед судом науки и цивилизации» автор старается развеять предрассудки, связанные с восприятием «дикаря» как неполноценной части человечества. Автор воспринимает «низшие расы» и инородцев как «иных», иногда «чужих», но однако полноценных представителей человечества, у которых можно что-то и позаимствовать. Задача просвещенной Европы, по мнению автора, как раз и состоит в том, чтобы избавиться от ложных стереотипов и посмотреть на «дикаря» как на «другого»: «От взгляда на инородца и отношения к нему, от признания его человеческого тождества с нами и оценки способностей зависит судьба его в истории и самый вопрос существования» [7, с. 2].

В контексте описания качеств сибирского инородца на первый план выступает цивилизаторская миссия русского народа: «Но конечно, близко то время, когда эта заветная старина должна окончательно уступить место

роковому влиянию русских, и относительно этого влияния история налагает на нас историческое откровение и за все другие, более существенные и нужные условия жизни нашей великой северо-восточной окраины, составляющей неотъемлемую часть нашего государственного организма» [8, с. 11].

Таким образом, материалы газеты «Восточное обозрение» являются ценным источником по истории развития так называемого инородческого вопроса, представляют сведения о процессе эволюции образа инородца в глазах российской общественности, подходах к политике в отношении инородческого элемента Сибири. Данные материалы представляют интерес в контексте имагологических исследований, изучения стереотипного поведения и представлений о взаимоотношениях русских и коренного населения Сибири.

Список источников

1. Восточное обозрение. № 26. СПб, 1882. С. 4–5.
2. Восточное обозрение. № 27. СПб, 1882. С. 8–9.
3. Внутренний восточный вопрос // Восточное обозрение. № 10. СПб, 1882. С. 1–2.
4. Дикарь перед судом науки и цивилизации // Восточное обозрение. № 28. СПб, 1882. С. 1–3.
5. Еще по поводу трехсотлетия Сибири // Восточное обозрение. № 15. СПб, 1882. С. 12–15.
6. Значение Сибири в русской истории // Восточное обозрение. № 31. СПб, 1882. С. 8–11.
7. Историческое прошлое Сибири // Восточное обозрение. № 4. СПб, 1882. С. 1–3.
8. Природа и человек в деле колонизации // Восточное обозрение. № 7. СПб, 1882. С. 3–4.
9. Странные привязанности // Восточное обозрение. № 31. СПб, 1882. С. 12–14.

А. В. Малафеев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ДОКУМЕНТЫ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРЕМНОГО ДЕЛА В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье рассмотрены исторические источники по организации тюремного дела на территории Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Делопроизводственные документы Енисейского общего губернского управления (до 1895 г.), Енисейского губернского управления (1895–1917 гг.) позволяют проследить пути решения встававших перед местной государственной властью вопросов содержания тюремных замков, пересылочных пунктов, хозяйственных помещений, входивших в инфраструктуру тюремного дела в Сибири.

Ключевые слова: *Енисейская губерния, тюремное дело, Сибирь, губернское правление, делопроизводство*

Abstract. The article examines historical sources on the organization of prison affairs in the territory of the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries. The office documents of the Yenisei General Provincial Administration (before 1895), the Yenisei Provincial Administration (1895–1917) allow us to trace the ways of solving the issues of the maintenance of prison locks, transfer points, economic premises that were part of the prison infrastructure in Siberia that arose before the local government.

Keywords: *Yenisei province, prison business, Siberia, provincial government, documentation*

Актуальность темы исследования объяснена высоким интересом со стороны исторической науки и широкой общественности к системе дореволюционного управления в Сибири [1–3].

Изучение архивных материалов позволяет добиться нескольких задач: изучить смысловую нагрузку источника, определить степень корректности указанной информации, определить метод создания источника, оценить вклад материала в поставленную для исследования тему. При этом темой исследования выбрано тюремное дело Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. Для рассмотрения вопроса разберем архивные дела Государственного архива Красноярского края, которые повествуют об участии губернской администрации в реализации либеральных идей в пенитенциарной системе на территории Сибири.

Первым рассмотрим «Дело об осмотре тюремных помещений г. Красноярска и обследовании условий жизни заключенных чиновником особых поручений Главного управления Восточной Сибири Соловьевым» [4, л. 1–41]. В данном архивном деле вложены несколько документов.

Данная единица хранения документов датируется 28 июня 1877 г. – 10 марта 1878 г. В данном деле находятся документы, которые освещают состояние заключённых Красноярской тюрьмы. Документы были созданы как отчётность Тюремной Комиссии. Стилистика письменного оформления текста документов говорит о наличии не менее трех лиц, их составлявших. Ими были:

1) упомянутый в заглавии архивного дела чиновник особых поручений Главного управления Восточной Сибири Соловьев, с витиеватым и узорным почерком;

2) чиновник, проводивший «рецензию» написанного, осуществлявший черновые перечеркивания целых блоков текста;

3) опытный писец, составлявший «сопутствующую» документацию аккуратным почерком, писавший текст в выверенных ровных строках примерно одного размера [4, л. 2].

Содержание служебной документации в данном архивном деле свидетельствует о том, что инспектором были обнаружены факты непригодности тюрьмы к эффективному содержанию преступников, был направлен запрос денег из казны для экстренного исправления положения. Впрочем, обеспеченность провизией и одеждой составляла более-менее удовлетворительный характер, но и здесь был ряд замечаний. Документ раскрывает недостатки состояния зданий и установленных порядков среди надзирателей [4, л. 4–20].

Как итог, документ позволяет судить о том, что условия содержания преступников не были на должном уровне, но непосредственно пропитание и снабжение этих лиц не имело недостатков по меркам того времени [4, л. 35–41].

В рамках уже сказанного не меньшую пользу приносит рассмотрение другого источника под названием «Документы по обследованию состояния тюремных замков в губернии надворным советником Приклонским» [5, л. 1–228]. Заметим, что указанный чиновник – это вице-губернатор Енисейской губернии Василий Львович Приклонский в 1895–1899 гг.

Данное архивное дело Енисейского общего губернского управления создано в июле 1889 – сентябре 1893 г. Проанализировав форму, реквизиты и стиль изложения, можно судить о следующем.

Авторов документов в данном архивном деле также было несколько:

1) начальные листы написаны ровным и аккуратным почерком опытного писца;

2) часть сообщений занесена небрежно человеком с волнистой подписью с «хвостами» и иными украшениями в буквах;

3) другая часть документов написана аккуратно, но слегка скривленным волнистым почерком;

4) ближе к середине появляется иной прерывистый почерк, полный исправлений по краю листа и близкого написания слов в небольших предложениях;

5) в конце архивного дела присутствуют документы, написанные почерком с крупными буквами, плотным порядком написания, с линиями поправок посреди текста. Проверке подвержены Ачинский, Красноярский и Канский тюремные замки [5, л. 5; 16; 74; 120; 193].

Документы по обследованию состояния тюремных замков в губернии надворным советником Приклонским свидетельствуют об их состоянии. В документах были указаны проблемы, с которыми сталкивались руководители мест заключения, также описаны условия, в которых жили заключённые и трудились надзиратели [5, л. 3–50]. Все эти факты вкупе с обнаруженными проблемами и методами их исправления указывают на достоверность и реальность данных. Анализ докладных записок позволяет судить о нареканиях со стороны проверяющих на неэффективный контроль со стороны местной власти [5, л. 51–96]. Так, наблюдались редкие посещения прокуроров и низкая организационная работа руководства тюрем [5, л. 108–201]. Как следствие, это привело к тому, что надзиратели были большей проблемой, чем сами заключённые. Кроме того, пересыльные тюрьмы страдали от переполнения, что негативно сказывалось на дисциплине каторжан. После замечаний проверки начались ремонтные работы тюремных зданий и систематизация делопроизводства.

Содержащееся в отчётах позволяет нам понять, что рассмотрение документации и отчётов по тратам в Сибири проходило долго, но местная власть на губернском уровне пыталась устранять выявленные проблемы.

Для общего понимания состояния дел в организации тюрем и сибирской ссылки нужно рассмотреть «Дело об устройстве вентиляции в Красноярской тюремной больнице» [6, л. 1–7].

В данном архивном деле находятся документы с 8 марта 1894 г. по 16 декабря 1894 г. Общий формат содержания документов – это комиссия проверка вентиляции тюремной больницы. Порядок рассмотрения данного вопроса был быстрым. Докладные записки, служебные письма короткие и по существу.

Следующая единица хранения Государственного архива Красноярского края, которую стоит упомянуть, это «Дело о приспособлении дома надзирателей под тюремную больницу в городе Енисейске» [7, л. 1–15]. В нем находятся документы с 18 февраля 1899 г. по 15 ноября 1902 г.

В данном архивном деле проведена презентация вопросов, связанных с перестройкой здания, шел процесс обсуждения наиболее рационального подхода к делу. Содержание позволяет понять то, что в Енисейске действительно была необходимость в обновлении доступных площадей для организации медицинских услуг заключённых [7, л. 4–10]. Однако хронологические рамки архивного дела позволяют судить о затянутости вопроса в течение трех лет, его длительного обсуждения, согласования сметы и плана работ.

Медицинская сторона тюремного управления – это еще и выявленное архивное дело «О строительстве психиатрического барака при Красно-

ярской тюрьме» [8, л. 1–27]. Документ датируется 2 августа 1894 г. – 22 апреля 1898 г.

Основной замысел: переписка с архитектором, инженером по поводу обустройства больничных палат для психиатрических больных при Красноярской тюрьме.

Стиль документа состоит из четырех разных вариантов, т. е. в составлении данного дела Енисейского губернского управления участвовали как минимум четыре должностных лица. Информация позволяет сделать вывод о высокой стоимости организации строительства нового отделения больницы, так как указы на траты выше 2 000 руб. по меркам того времени – большая сумма, а также об активном участии государства в контроле и уходе за соответствующей категорией заключённых [8, л. 3; 4; 9; 16].

Продолжением темы работы тюремных учреждений с заключёнными, имевшими психические заболевания, выступает «Дело о составлении проекта и сметы на ремонт помещения для душевнобольных при Красноярской тюрьме» [9, л. 1–10]. Оно было составлено с 12 февраля 1894 г. по 19 сентября 1894 г.

Его содержание говорит о необходимости сбора информации и координации действия по ремонту здания для заключённых с душевными болезнями. Обсуждение решений тюремного комитета и работа над поиском необходимых лиц для организации работ позволяют сказать о высокой степени достоверности информации. Информационная составляющая доказывает тот факт, что в силу контроля тюремного комитета тюрьмы организовывали периодические процессы строительства или ремонта уже существующих строений по жилой или медицинской необходимости [9, л. 2–6].

Вопросы повседневной жизни заключённых рассмотрены в архивной единице хранения под названием «Дело об утверждении проекта и сметы на строительство кухни и пекарни при Красноярской тюремной больнице» [10, л. 1–33].

Дело вместило в себя документы с 17 мая 1896 г. по 29 января 1900 г. Оно содержит сведения о необходимости перестройки помещений для полноценной работоспособности кухни и пекарни с целью исполнения нужд заключённых [10, л. 2–7]. Метод построения сметы, малые поправки в тексте, подписи официальных лиц и рассуждения представителей тюремного замка, а также печати говорят о достоверности документа. Архитектурный проект, о котором идёт речь в документе, позволяет определить, что нужды арестантов брались во внимание со стороны тюремной администрации. Готовность пойти на траты в 5 000 руб., так стоил проект по реорганизации здания старой кухни и пекарни с добавлением новых площадей, говорит о стремлении губернской администрации улучшать жизнь заключённых и арестантов [10, л. 23–31].

Таким образом, рассмотренные документы в архивных делах из фондов № 32 «Енгубкомитет попечительства общества о тюрьмах» и № 595 «Енисейское губернное управление» Государственного архива

Красноярского края позволяют рассмотреть «дела» как собрания документов, повествующих о реальном положении состояния тюремного дела в Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. Анализ оформления, стиля, реквизитов документов позволяет утверждать, что в рассмотрении любого вопроса всегда участвовало несколько должностных лиц, вносивших «ремарки», правки, делавших резолюции по каким-либо вопросам, а также обязательно был писец / канцелярист, оформлявший сопутствующую документацию. Как правило, в архивных делах находятся докладные записки, служебные письма, отчеты, протоколы комиссионных проверок. Они позволяют прийти к выводу о стремлении чиновников енисейской губернской администрации, в частности и вице-губернатора, и чиновников среднего звена управления, решать вопросы организации тюремного дела в положительном русле для заключенных и арестантов, и на территории Сибири, а именно в Енисейской губернии, пытаться проводить элементы тюремной реформы, одной из либеральных реформ Александра II.

Список источников

1. Гергилев Д. Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) / Д. Н. Гергилев // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 41–45.

2. Карчаева Т. Г. «Из каких мест прибыл?»: О кадровом обеспечении государственной службы в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. / Т. Г. Карчаева, М. Д. Северьянов, А. Г. Грязнухин, Т. В. Грязнухина // Былые годы. 2022. № 17 (1). С. 403–411.

3. Плех О. А. Провинциальное чиновничество России в первой половине XIX в.: отечественная историография конца XX – начала XXI в. // Вопросы истории. 2019. № 11. С. 258–272.

4. ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37А. Л. 41.

5. ГАКК. Ф. 32. Оп. 1. Д. 173. Л. 228.

6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 67. Л. 7.

7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 247. Л. 15.

8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 63. Л. 27.

9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 71. Л. 10.

10. ГАКК. Ф. 595. Оп. 59. Д. 123. Л. 33.

Ю. В. Рябов

Красноярский государственный аграрный университет,

Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ И ВЕСТЕРНИЗАЦИЯ: ИДЕИ И ОБРАЗЫ ОСВОЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИИ И СИБИРИ В 1920–1930-Е ГГ.

Аннотация. В статье через исторические параллели между эпохами Петра I и советским периодом рассматриваются ключевые образы и идеи освоения промышленных и энергетических ресурсов России и Сибири, в том числе путем вестернизации. В числе прочего затрагивается и специфика освоения гидроэнергетических ресурсов Восточной Сибири в период первых пятилетних планов. В результате делается вывод, что некогда заложенные Петром I принципы управления государством и его развития определили весь дальнейший вектор отечественной истории, пройдя красной нитью через многие начинания советской власти, и во многом остаются актуальными по сей день.

Ключевые слова: история России, история СССР, Петр I, модернизация, вестернизация, индустриализация, пятилетки, Восточная Сибирь, Ангарский каскад ГЭС

Abstract. Through historical parallels between the eras of Peter the Great and the Soviet period, the article examines the key images and ideas of the development of industrial and energy resources of Russia and Siberia, including through westernization. Among other things, the specifics of the development of hydropower resources in Eastern Siberia during the first five-year plans are touched upon. As a result, a conclusion is made that the principles of state management and development once laid down by Peter the Great have determined the entire future vector of Russian history, passing a red thread through many of the initiatives of Soviet power, and in many respects remain valid to this day.

Keywords: history of Russia, history of the USSR, Peter the Great, modernization, westernization, industrialization, five-year plans, Eastern Siberia, Angara cascade of HPP

«Два века назад Петр I посылал двух геодезистов в Северную Азию – Сибирь, дал наказ «разыскать, сошлись ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но Ост и Вест, и все по карте исправно поставить», – таким рассказом встретил в 1931 г. читателя журнала «Будущая Сибирь» очерк «Электрическое солнце социализма», повествующий об энергетических ресурсах Восточной Сибири, в частности использовании энергии сибирских рек [1, с. 61].

Подобные отсылки ко временам Петра I встречаются в литературных текстах 1920–1930-х гг. не единожды, а потому едва ли являются случайными или поверхностными. В самом деле, реформаторская деятельность Петра I, распространившаяся на все сферы русской жизни, разделила рус-

скую историю на до и после, как разделит ее позже еще раз грандиозный советский проект.

Представляется интересным провести исторические параллели и выявить, что и в какой степени было реализовано в деле строительства и развития нового советского государства «по-петровски». Принимая во внимание общую радикальность многих модернизационных реформ обеих эпох, и то, что значительная часть преобразований инициировалась исключительно сверху, попробуем рассмотреть некоторые моменты более детально.

Прежде всего, следует отметить несомненную заслугу Петра I по проведению в Российской империи областной реформы, в рамках которой 29 декабря 1708 г. была образована Сибирская губерния, а также заложены основы ее административного устройства. Так был положен новый этап в деле освоения Сибири, продолженный в XX в. новой советской властью.

В период первых пятилетних планов решение задачи по освоению Сибири было выработано путем долгих обсуждений и тщательных изысканий. Общая характеристика сибирской промышленности в середине 1920-х гг. была определена как находящаяся «в весьма слабо развитом состоянии», являясь «до сего времени лишь продовольственной и сырьевой базой» [2, с. 168]. В то же самое время решались первые вопросы экономического районирования страны, в том числе выделения Сибири в самостоятельную административную единицу – так, в 1925 г. был образован новый Сибирский край.

Особо интересным в деле развития Сибирского региона представляется тот факт, что вплоть до 1930-х гг. к промышленному освоению Сибири применялись термины «колонизация» и «колонисты». При этом отрицалась колонизация как «ограбление колоний во имя интересов метрополии (например, Сибири Центральной Россией)», так и как самовольное или упорядоченное бегство «российского крестьянина под давлением земельного утеснения на Сибирский простор» [2, с. 169].

Советская колонизация 1920-х гг. виделась как согласованная с общим планом государственного строительства СССР организация земельной площади и хозяйства в еще необжитых или малообжитых районах страны. Основной задачей становилось устройство местного, сибирского населения, «как наиболее ценного колониста, наилучше приспособленного к непосредственной (а не через труд другого человека) эксплуатации (использованию) природных богатств своего района».

На страницах журналов 1920–1930-х гг. разворачивались бурные дискуссии об идеях и наследии А. П. Щапова, предпринимались попытки анализа и поиска рационального зерна в деятельности «сибирских областников» с тем, чтобы поставить их начинания на пользу Советской Сибири.

По мере изучения природных богатств и энергетических ресурсов менялся и образ Сибири в печати и литературе. Поэты и писатели пытались отразить нелегкую жизнь обитателей края каторги и ссылки внутри «тюрьмы народов» в лице «Царской России» – героями произведений ста-

новились первопроходцы, горняки Лены и Витима, забайкальские партизаны, якуты, эвенки, ненцы, буряты и сибирские крестьяне [3, с. 230]. Через истории «жизни, омытой слезами и кровью», литераторы стремились понять и показать читателю роль и место Сибири в истории России, силу духа ее жителей, величественные красоты сибирской природы, преемственность поколений в деле борьбы за права и свободы для новой справедливой жизни. Особенно следует отметить поэтические циклы Ан. Ольхона «Большая Ангара» и «Далеко в стране Сибирской».

Вместе с этим следовали призывы покончить как с «культурой старой Сибири», выражавшейся в жестокости к людям, злоупотреблениями, взяточничеством, так и в целом уйти от самого образа ссыльного прошлого: «Нужно прекратить клевету на «каторжный Байкал». Нужно говорить сейчас не о «каторжном Байкале» <...> Нужно говорить о другом Байкале, о том, который силами природы создан, как естественный резервуар мощнейшей энергетической базы Социалистического Союза. Нужно говорить о том Байкале, вокруг которого вырастет цветная и черная металлургия <...> Об этом Байкале будем думать, об этом Байкале будем заботиться» [1, с. 60].

Наиболее значимыми певцами новой, индустриализирующейся Сибири стали поэт И. Молчанов-Сибирский, нередко противопоставлявший в своем творчестве Сибирь кандальную и Сибирь советскую, а также писатель С. Третьяков, в чьих произведениях нашли свое отражение поиски оптимального использования энергетических ресурсов Сибири, а также проекты Малого и Большого Ангарстроя, предполагавшие строительство каскада ГЭС на р. Ангаре.

В целом на протяжении 1920–1930-х гг. Сибирь виделась как «страна неограниченных экономических возможностей» [4, с. 241] и «заколдованных пространств» [5]. В. И. Ленин называл Сибирь краем великого будущего, и неслучайно именно в сибирском г. Канске в 1922 г. Вивианом Итиным было написано первое советское фантастическое произведение – «Страна Гонгури». Первый секретарь Восточно-Сибирского краевого комитета ВКП(б) М. О. Разумов отмечал: «Нет страны богаче Советского Союза, в Советском Союзе нет края богаче Восточной Сибири» [6, с. 79].

Огромный потенциал Сибири требовал как можно более скорого освоения, что было сопряжено с целым рядом трудностей. И здесь мы вновь можем усмотреть прямое сходство двух далеких эпох, выразившееся в идее о силе человеческого разума, с помощью которого можно не только познавать окружающую действительность, но и менять ее, создавать новую реальность.

Так, строя Санкт-Петербург на болотах, Петр I возводил памятник победе человеческого разума над силами природы. Молодому советскому государству необходимо было также справиться с колоссальным цивилизационным вызовом: создать невиданное доселе социалистическое государство рабочих и крестьян, призвав на помощь идеи и опыт прошлого, в том числе и эпохи Просвещения – для построения новой идеологии

и воспитания нового типа людей, разработки новых принципов хозяйствования, освоения ресурсов через борьбу с природой и ее преобразование.

Дух преобразовательских идей начала 1920-х гг. емко выразил один из теоретиков научной организации труда А. Гастев: «Всюду иду со своим молотом, зубилом, сверлом. По всему миру... Шагаю через границы, материки, океаны. Весь земной шар я делаю родиной» [7, с. 37].

Созданная в тот же период при электроотделе ВСНХ Государственная комиссия по электрификации России взяла в свои руки разработку плана электрификации Советской России. Помимо удвоения за рекордно короткие сроки (10–15 лет) выпуска промышленной продукции в стране, планом предусматривалось комплексное развитие народного хозяйства на основе электрификации, а также определялись направления развития экономики советского государства.

В свою очередь, из плана ГОЭЛРО выросла не только Государственная общеплановая комиссия, созданная 22 февраля 1921 г. декретом СНК РСФСР при Совете труда и обороны [8, с. 162], но и сама идея разработки единого общегосударственного плана развития народного хозяйства, а также способов и порядка его осуществления. Сама «плановость» несет в себе немало отголосков эпохи Просвещения, в частности о представлениях государства как четко слаженного механизма, в котором все и вся имеют свои определенные и ясные функции – этих же взглядов в осуществлении своих государственных преобразований придерживался и Петр I, изменивший «Табелью о рангах» социальную структуру общества, а также добившийся введением четко организованных коллегий быстрой реализации своих решений.

Вернемся к плану ГОЭЛРО и его специфике. Сама электрификация представлялась в эпоху первых пятилетних планов как «единый фронт борьбы человека с природой» [9, с. 32] и понималась как новая эпоха в истории человечества в целом. В ходе возведения промышленных гигантов, советский человек буквально отвоевывал у природы ее ресурсы, взрывал скальные породы, менял течение реки и ее русло, утверждаясь в новых границах – как новых индустриальных регионов, так и новой реальности.

В целом же для всего периода 1920–1930-х гг. характерен образ индустриализации как войны [11, с. 215], не только с природой: «борьба за плановое хозяйство» виделась еще и борьбой «со всем буржуазным окружением» [10, с. 7].

Темпы реализации государственных проектов обеих эпох поражают своей скоростью: стремительно рос Санкт-Петербург, в рекордно короткие сроки были возведены первые промышленные гиганты страны Советов – инженеры первых пятилеток изображались в печати настоящими чудесниками, повелевающими временем, «уплотняя» его и «втискивая в свои дни неимоверно много дел» [11, с. 215].

Во многом столь быстрое выполнение намеченных планов стало возможно благодаря обширному привлечению иностранных специалистов. Вестернизация, выразившаяся в числе прочего в активном заимствовании

технического прогресса с Запада также стало отличительной и общей чертой петровской эпохи и периода сталинской индустриализации.

Еще в 1918 г. В. И. Лениным, с призывом «черпать обеими руками хорошее из-за границы», была выведена формула: «Советская власть + прусский порядок железных дорог + американская техника и организация трестов + американское народное образование etc. etc. + + = Σ = социализм» [12, с. 550], с последовавшим через два года уточнением: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны».

Как можно увидеть, примером для подражания, в отличие от петровской эпохи, стала вовсе не Европа. В деле электрификации советские специалисты активно изучали зарубежный опыт, в первую очередь опыт США, занимавших в тот период первое место в мире по потребляемому количеству электроэнергии [9, с. 209]. Считалось, что при использовании богатого американского опыта и литературы можно «получить драгоценнейший материал для строительных вех нашего собственного генплана» [13, с. 15]. Особое внимание уделялось изучению опыта строительства и эксплуатации гидроэлектростанций в США [14, с. 123].

Интересны и сравнения с США в деле подхода к планированию хозяйства: «Америка подготовлена более других к самому глубокому пониманию нашего плана электрификации. Америка много пишет о социальной роли электрификации, о чем в Европе пишет только СССР. <...> Америка во многих случаях говорит нашим языком и, мы убеждены, завершит свою электрификацию тем, чем мы начали – сделает ее общенародным достоянием. <...> Американское производство с его специфическими особенностями <...> основано именно на электрификации в том ее понимании, какое вкладывается в нее существом нашего плана» [15, с. 188] <...> ...Сети передачи тока (даже только магистральные), нанесенные на географическую карту, представляют собою чрезвычайно интересную картину и дают наглядное представление о том, что значит электрифицировать страну. <...> мощное в целом хозяйство С.-А. С. Ш. имеет блестящую энергетическую часть соответствующего масштаба и технически объединенную в одной форме электрической энергии» [16, с. 212].

Именно США выделялись в эпоху первых пятилеток образцом для построения социалистической утопии, будучи похожими на СССР площадью территории, многообразием климатических и природных зон, богатством полезных ископаемых и стремлением к воплощению мечты человечества о свободной и благополучной жизни [11, с. 262].

Таким образом, индустриализация представлялась не только борьбой с силами природы, но и определенной вестернизацией, а конкретнее, американизацией страны.

В 1924 г., обращаясь к слушателям Свердловского университета, И. В. Сталин охарактеризовал «ленинский стиль» в партийной и государственной работе как сочетание «русского революционного размаха» и «американской деловитости», обозначив последнюю как неукротимую силу, «которая не знает и не признает преград, которая размывает своей

деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если это даже небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа». При этом, по мнению И. В. Сталина, именно «русский революционный размах» удерживал «американскую деловитость» от вырождения в «узкое и беспринципное делячество» [17, с. 188].

Без влияния США невозможно понять во всей полноте специфику советской индустриализации – именно США играли роль устрашающего соперника с одной стороны и положительного примера с другой, поставляли в СССР необходимую технику, способствовали передаче ценнейшего инженерного опыта от американских специалистов советским.

Так, под началом американского индустриального архитектора Альберта Кана был заложен автомобильный завод в Нижнем Новгороде, а сам город на период строительства завода получил прозвище «советский Детройт» [11, с. 263].

Возведение ДнепроГЭС курировал американский военный инженер, полковник Хью Линкольн Купер, при участии которого в США была построена плотина Вильсона на р. Теннесси в штате Алабама, а также Кеокукская гидроэлектростанция на р. Миссисипи, при этом первые пять гидрогенераторов для самой ДнепроГЭС были изготовлены американской компанией General Electric. Активное присутствие американской техники на стройках нашло свое отражение в емкой фразе одного из литературных героев: «Социализм – это серый «кэтерпиллер», взрывающий вековые межи» [18, с. 39].

Из задачи «догнать и перегнать Америку» выросли и «большевистские темпы», под которыми понималась работа более быстрая, чем ее делали американцы. Все крупные индустриальные проекты также ориентировались именно на американские образцы – ДнепроГЭС предстояло затмить плотину Кулиджа на р. Глобус в Аризоне, а будущая Братская ГЭС, очередной проект которой обсуждался в 1934 г., должна была превзойти дамбу Гувера на р. Колорадо [19]. Реализовать проект Большого Ангарстроя также предлагалось «по-американски», в «сверх-американские сроки» [1, с. 59].

В ходе индустриализации советские инженеры получили ценнейший опыт, который удалось не только закрепить, но и обеспечить его передачу благодаря, не без целого ряда серьезных трудностей, созданной советской властью системе образования, в том числе подготовки инженерных кадров. В этом можно увидеть не только сбывшиеся чаяния советских тружеников, И. В. Сталина и его наркомов, но и реализованную во всей полноте мечту Петра I, грезившего о России, опирающейся на технику и технологии – для чего им и были основаны школы математики и навигации, а также инженерно-артиллерийская школа, курируемая британскими специалистами. Не будет ошибкой сказать, что понятие учебы и школы были одними из ключевых понятий обеих рассматриваемых эпох.

В кино и литературе 1920–1930-х гг. также появляется образ нового советского инженера, который перенимает от американца не только подход к работе и ее темп, но и внешний вид: гладковыбритое лицо, плащ, элегантный костюм, шляпа или кепи, курительная трубка – само слово «американец» становится синонимом слова «инженер» [11, с. 265].

Во внешнем облике, в заграничном «платье» мы видим еще одну параллель с реформаторской деятельностью Петра I. В любую историческую эпоху именно одежда определяла допустимую меру телесной подвижности, подразумевая определенную серию жестов, ограничивая одни движения и санкционируя другие [20, с. 134]. Введя среди дворян и городского населения моду на европейское платье, Петр I вывел на один уровень ускорившийся темп жизни пореформенной России и самоощущение людей, получивших невиданную доселе свободу действий и движений – все это имело не только символическое, но и практическое значение.

В попытках создать эстетически привлекательную одежду, позволяющую носившему ее комфортно чувствовать себя на производстве и в повседневной жизни, советские художницы-модельеры 1920-х гг. ориентировались на функциональную эстетику конструктивизма и биомеханику [21, с. 33]. В этот же период был принят запрет на ношение инженерной формы XIX в., выражавшей «кастовость», а ее носителей клеймили «формоносцами» [11, с. 110]. На рабочем месте инженер должен был одеваться как собственно рабочий, чтобы ничто не сковывало его работу, требовавшую четкого и быстрого выполнения задач. Здесь мы видим попытки советского государства внедрить в массовый обиход как утилитарный, так и эгалитарный стили, отвечающие стремительному духу времени, что было вполне в «петровском» духе. По иронии судьбы, архитектор-модернист Ле Корбюзье отмечал, что «...Ленин и вправду руководил революционным переворотом, будучи облаченным в костюм европейского покроя» [21, с. 16], – совсем как Петр I, обновивший Россию за два века до этого.

Создаваемые для инженеров и представителей других профессий дома отдыха, дома культуры, внедрение новых практик повседневности точно так же напоминают петровские общественные пространства и ассамблеи.

Конечно, найти и привести подобных параллелей можно немало. Однако даже из вышесказанного следует, что некогда заложенные Петром I принципы управления государством и его развития определили весь дальнейший вектор отечественной истории, пройдя красной нитью через многие начинания советской власти.

Цель петровских реформ – превратить Россию в более могущественное государство, как на внутреннем, так и международном уровне – абсолютно сходится с замыслом советского проекта. Помимо этого, желание Петра I как основателя Санкт-Петербурга использовать город в качестве испытательного полигона для ряда своих начинаний [22, с. 29], многократным эхом откликается в стремлении руководителей советского государ-

ства 1920–1930-х гг. превратить всю Страну Советов в немыслимых масштабов поле экспериментов: политических, экономических, социальных, культурных – многие из которых не только доказали свою эффективность, но и опередили время.

Сама же петровская «европеизация» носила характер не слепого и бездумного заимствования, но ассимиляции или, скорее, присвоения до некоторой степени европейских практик и норм [22, с. 18]. Вопреки расхожему мнению, Петр I не «ломал Россию об колено», не уничтожал традиций и порядков, напротив сохранив многое из старого московского наследия и уклада. Такой вдумчивый подход к использованию другого опыта прочно укоренился в российской ментальности. В ходе этих преобразований Петр I сделал Россию империей, превратив ее в одну из ведущих европейских держав, которая сумела занять свое место внутри сложной системы европейских отношений.

В советский период Россия во многом повторила петровский путь и сумела его продолжить. Так, активную борьбу Советской России с пережитками прошлого нельзя понимать как полное уничтожение культурного и исторического наследия – скорее, для него была задана новая система координат и вынужденных, во многом временных, ограничений. При этом СССР, пройдя тернистый путь модернизации и вестернизации, сумел создать в период 1920–1930-х гг. материально-техническую базу социализма, огромную сложную систему, оказавшуюся в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны на порядок жизнеспособнее системы Третьего Рейха. После окончания Второй Мировой войны СССР не просто не потерял свой прежний статус в системе международных отношений, а более того стал вторым центром силы на мировой арене, встав на один уровень с США.

Начатое Петром I и продолженное его последователями освоение Сибири позволило через наработки и достижения 1920–1930-х гг. в последующие 1950–1970-е гг. покорить природу и возвести восточносибирские ГЭС, на основе которых была создана база мощных энергопромышленных районов и крупных индустриальных городов, что позволило увязать в одно целое факторы разного порядка – экономические, социально-политические, демографические, географические и многие другие. Созданные промышленные гиганты и энергетическая сеть России и по сей день работают на благо нашего Отечества.

Сегодняшнюю Россию уже невозможно помыслить вне петровских преобразований и грандиозных достижений советского проекта – обе эти эпохи дали мощнейший толчок к развитию российского государства. Усваивая опыт прошлого и опираясь на вехи своей истории, наша Родина продолжает идти путем технического и культурно-духовного прогресса, относясь с уважением и вниманием к наследию и опыту других стран и народов мира, не забывая при этом о собственной уникальности, познавая, сохраняя и приумножая ее.

Список источников

1. Самойлов Л. Электрическое солнце социализма. Очерк / Л. Самойлов // Будущая Сибирь. Литературно-краеведческий иллюстрированный ежемесячный журнал. 1931. № 1. С. 54–66.
2. Положение главных отраслей народно-хозяйственной жизни Сибири и ближайшие ее задачи // Бюллетени Госплана. 1924. № 1–2. С. 160–178.
3. Шмаков А. Творчество поэта Ан. Ольхона / А. Шмаков // Новая Сибирь. Литературно-художественный альманах Иркутского отделения Союза советских писателей СССР. 1940. № 6. С. 229–247.
4. Мекк Н. К. Будущие пути сообщения Западной Сибири / Н. К. Мекк // Плановое хозяйство. 1927. № 8. С. 241–265.
5. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р523. Оп. 3. Д. 26. Л. 3.
6. Зимин Н. А. К работам над планом III пятилетки / Н. А. Зимин // Народное хозяйство Восточно-Сибирского края. 1936. № 4. С. 76–80.
7. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара / А. К. Гастев. Петроград, 1919. 48 с.
8. Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. Декрет Совета Народных Комиссаров: ст. № 106. 22.02.1921 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. 1 198 с.
9. Кржижановский Г. М. Плановые вопросы / Г. М. Кржижановский // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 21–41.
10. Кржижановский Г. М. Электрификация и плановое хозяйство / Г. М. Кржижановский // Плановое хозяйство. Бюллетени Госплана СССР. 1924. № 4–5. С. 3–10.
11. Шаттенберг С. Инженеры Сталина. Жизнь между техникой и террором в 1930-е годы / С. Шаттенберг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 478 с.
12. Ленин В. И. Планы статьи «Очередные задачи Советской власти» / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т. 36. Март – июль 1918. М.: Издательство политической литературы, 1974. С. 543–552.
13. Кржижановский Г. М. К дискуссии о генплане / Г. М. Кржижановский // Плановое хозяйство. 1930. № 3. С. 5–17.
14. W. Z. Хроника мировой электрификации. Северо-Американские Соединенные Штаты / W. Z. // Плановое хозяйство. 1925. № 3. С. 123–130.
15. W. Z. Буржуазная пресса о плане ГОЭЛРО / W. Z. // Плановое хозяйство. 1926. № 3. С. 183–190.
16. W. Z. Электрификация – база будущего хозяйства / W. Z. // Плановое хозяйство. 1925. № 2. С. 209–221.
17. Сталин И. В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете / И. В. Сталин // Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы, 1947. С. 69–188.

18. Ажгибесов Н. Три недели с бостонкой / Н. Ажгибесов // Будущая Сибирь. Литературно-краеведческий иллюстрированный ежемесячный журнал. 1931. № 2. С. 37–45.
19. ГАИО. Ф. Р523. Оп. 3. Д. 36а (ОЦ № 13). Л. 7.
20. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни / О. Б. Вайнштейн. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 640 с.
21. Бартлетт Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе / Дж. Бартлетт. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 360 с.
22. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761 / П. Кинан. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.

М. В. Сентябова

Красноярский государственный аграрный университет

Красноярск, Россия

ИСТОРИОГРАФИЯ СИБИРСКОГО ДЕТСТВА XIX–XX ВВ.

Аннотация. Статья посвящена современным российским исследованиям по истории сибирского детства. Автор изучает генезис темы детства в российской исторической науке и рассуждает о возможности употребления термина «сибирское детство». Выделяются основные сюжеты, связанные с тематикой детства на территории Сибири.

Ключевые слова: история детства, XIX век, XX век, сибирское детство, детская повседневность, историография, исследовательские дискурсы

Abstract. The article is devoted to modern Russian research on the history of Siberian childhood. The author studies the genesis of the theme of childhood in Russian historical science and discusses the possibility of using the term “Siberian childhood”. The main plots related to the theme of childhood in Siberia are highlighted.

Keywords: history of childhood, XIX century, XX century, Siberian childhood, children's everyday life, historiography, research discourses

В российской исторической науке история детства является достаточно молодой темой. Если в мировой историографии вопросы детства и детскости начинают активно обсуждаться с момента выхода книги Ф. Арбеса «Ребёнок и семейная жизнь при Старом порядке» [1] в 1960 г., то в отечественной исторической науке полноценное изучение истории детства начинается только в 2000-х гг. В это время был опубликован ряд фундаментальных исследований, [2, 3], посвященных изучению вопросов, связанных с детьми и детством, в исторических трудах, детских воспоминаниях и детских текстах. Одновременно происходит процесс институционализации исследователей истории и культуры детства. С 2007 г. в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) при кафедре истории и теории культуры работает регулярный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», публикующий сборники трудов своих участников [4]. Периодически проводятся междисциплинарные научные конференции, посвященные вопросам «детскости» и детства и также сопровождающиеся изданием сборников статей [5, 6, 7].

Но, как указывала в 2013 г. в своей статье М. В. Ромашова, «количественный прорыв в детских исследованиях не сразу несет качественные изменения» [8, с. 109]. За прошедшие с момента этой публикации годы мы наблюдаем существенный рост как количества исследований, так и числа дискуссионных и исследовательских площадок. Увеличивается и количество историографических трудов, что свидетельствует о продолжении

формирования методологической базы истории детства как отдельной исторической дисциплины [9, 10, 11]. Научное сообщество всё ещё ведет дискуссии о тематическом круге истории детства, роли и субъектности детей в историческом процессе.

Не до конца проработанным остается вопрос о региональных особенностях истории детства, и прежде всего – детства сибирского. Выделяя Сибирь не только как географическое понятие, но и как территорию с особой исторически сформировавшейся социально-экономической средой, мы должны выделить и сибирское детство как отдельный исторический конструкт, отличающийся от детства российского уже фактом своей атрибуции. Но в то же время ряд исследователей, даже опираясь на сибирский материал, определяют сибирское детство как исключительно географическое понятие, не уделяя должного внимания специфике региона [12].

В данном исследовании предпринята попытка определить, что отечественная историческая наука «может сказать» об истории сибирского детства, какие его проблемы и аспекты на настоящий момент получили наибольшее развитие. Следует отметить, что изучение истории детства с момента своего появления в отечественной историографии имело отчётливый междисциплинарный характер. Обращаясь к истории сибирского детства, мы неизбежно будем заходить в пространство культурологии и антропологии, рассматривая вопросы материальной культуры детства, детских текстов и воспоминаний.

Одним из первых исследователей духовной культуры сибирского детства был выдающийся фольклорист и этнограф Георгий Семенович Виноградов (1886–1945 гг.). Его работы по исследованию детского фольклора были актуализированы после переиздания в 2009 г. избранных трудов под заголовком «Этнография детства и русская народная культура в Сибири» [13]. Дальнейшую работу в этом направлении продолжила М. Р. Соловьева [14]. Тему материальной культуры сибирского детства XVII–XVIII вв. поднимала Л. В. Татуарова [15].

Активно развивается исследование детских текстов и детских воспоминаний XIX – первой половины XX в., хотя стоит заметить, что Западно-Сибирский материал в этом качестве представлен гораздо больше Восточно-Сибирского. Здесь можно назвать работы Н. Н. Родигиной, Н. П. Матхановой, А. П. Павленко [16, 17, 18].

Всё большую популярность приобретает тематика истории детской повседневности в Сибири советского периода, причем в этой сфере к настоящему моменту существуют как локальные работы [19], так и диссертационные исследования. В 2018 г. прошла защита диссертации К. К. Ашеновой «Советское детство: повседневная жизнь детей Омска: 1961–1980 гг.», в которой автор разбирает повседневные практики бытования детей в рамках регламентируемого (школа, детский сад) и не регламентируемого (дом, двор) социального пространства. [20]. Похожие вопросы, но уже на материалах Томска в 2021 г. исследовала А. И. Ермолова [21]. В том же году состоялась защита диссертационного исследования

М. С. Носовой, посвященное детской повседневности в годы Великой Отечественной войны [22]. К сожалению, на материалах Восточной Сибири темы детской повседневности до настоящего момента исследовались довольно фрагментарно. Так, можно назвать локальное исследование Е. И. Андреевой и А. С. Кузьменко, посвященное повседневной жизни одного из приютов Енисейской губернии в начале XX в. [23].

Помимо комплексных исследований, посвященных сибирскому детству и детской повседневности, в отечественной исторической науке можно выделить несколько отдельных сюжетов, связанных с детством и детскими темами. Первый из них – это проблематика становления и развития систем образования, школ и детских садов. Значительное количество исследований, посвященных этой теме, долгое время проводились в рамках истории педагогики, но существует и целый ряд исторических работ. Так, в 2014 г. была опубликована коллективная монография «Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI в.)» [24], где были подробно освещены вопросы становления и развития школьного образования в Енисейской губернии и в Красноярском крае. Исследованиями народного образования в Западной Сибири XIX – начала XX в. занимались Н. Н. Журавлева, Е. В. Сизова и А. В. Васильева [25, 26, 27]. Отдельные вопросы истории сибирской школы XIX в. исследовали Н. Н. Лебедева, Ю. А. Чупилко, Н. В. Шилова, М. А. Реутова [28, 29, 30, 31]. А вот история сибирской школы в советский период в исторической науке представлена гораздо слабее. Изучением дошкольных учреждений в досоветской Сибири занималась З. У. Колокольникова [32]. Эту же тему, но в советский период, затрагивали в своих исследованиях С. А. Рафикова и Е. Н. Афанасова [33, 34].

Тесно связан с тематикой образования вопрос истории детских общественных организаций, прежде всего – пионерии. Эта тема может быть признана хорошо проработанной на материалах Восточной Сибири. В 2017 г. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО) опубликовал сборник «История развития пионерского движения в Иркутской области в XX веке» [35], в который были включены как архивные документы, так и воспоминания участников пионерского движения. Исследованием пионерии в Иркутской области занимался Е. А. Серебряков, в Красноярском крае – З. У. Колокольникова и О. Б. Лобанова [36, 37]. Историю пионерии в Республике Тыва изучали М. О. Дыртыкоол и А. В. Седен [38, 39]. Весьма интересным является исследование В. А. Шаламова «Служба здоровья юных пионеров и Красный Крест в Восточной Сибири в 1920-е гг.» [40], где автор подробно анализирует практику создания летних лагерей, детских площадок и санаториев для оздоровления пионеров.

Ещё одним достаточно хорошо изученным на сибирском материале сюжетом, связанным с проблематикой сибирского детства, следует признать историю детства как объекта заботы взрослых. Если мы говорим о периоде сибирской истории XIX – первой четверти XX в., то прежде

всего речь будет идти о благотворительности и социальном призрении. Так, в изданном в 2009 г. сборнике документов «Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.)» [41] один из разделов был уделен проблемам попечения о детях. Вопросами благотворительности в Енисейской губернии занимались Т. А. Катцина и Т. А. Кискидосова [42, 43]. Стоит отметить исследование О. М. Долидович о детях-субъектах благотворительности в Красноярске в годы Первой мировой войны, выделяющееся на общем фоне подходом к изучению детей как акторов исторического процесса [44].

В рамках советского периода истории Сибири тематика благотворительности в отношении детей сменяется государственной политикой «охраны детства», в рамках которой, с одной стороны, рассматриваются вопросы социального обеспечения детей, а с другой – затрагиваются проблемы маргинализации детства: детской преступности, беспризорности и т. п. Здесь можно назвать работы М. В. Васехи, Н. А. Баранцевой, Л. Э. Мезит и А. В. Валюновой [45, 46, 47, 48]. В 2014 г. в Сибирском федеральном университете была издана хрестоматия «“Охматмлад” и “Дети республики”: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.», благодаря которой в научный оборот было введено большое количество исторических источников, посвященных тематике охраны детства [49].

Таким образом, на настоящий момент мы можем выделить значительное количество исследований, посвященных истории сибирского детства XIX–XX вв. Однако, если некоторые темы, такие как история образования в Сибири или социальное обеспечение детей в XIX – первой половине XX в. представляются исследованными в достаточно большом объеме, то ряд других вопросов пестрят «белыми пятнами». А потому нельзя не признавать огромный исследовательский потенциал данного направления исторической науки.

Список источников

1. Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. Я. Ю. Старцева. Екатеринбург, 1999. 416 с.
2. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования / А. А. Сальникова. Казань, 2007. 255 с.
3. Борисов С. Б. Энциклопедический словарь русского детства: в 2 т. Т. 1. А–Н. Шадринск, 2008. 518 с.
4. Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. ст. и матер. / сост. Г. В. Макаревич. М.-Тверь, 2008. 386 с.
5. Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб. ст. Пермь, 2010. 300 с.
6. Конструируя детское: филология, история, антропология / под ред. М. Р. Балиной и др. М., СПб., 2011. 552 с.

7. Ромашина Е. Ю. Дети и детство в истории культуры: всероссийская научная онлайн-конференция / Е. Ю. Ромашина // Педагогика. 2021. Т. 85. № 3. С. 122–127.
8. Ромашова М. В. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события / М. В. Ромашова // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. №2 (22). С. 108–116.
9. Никонова О. Ю. Современная историография российского детства «эпохи катастроф» / О. Ю. Никонова, Е. В. Кравченко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21. № 3. С. 47–55.
10. Назарова Т. П. Категория «детство» в исторической ретроспективе / Т. П. Назарова, Л. М. Шапцева // Социально-культурные и экономические проблемы современности: материалы науч.-практич. конф. Волгоград, 2019. С. 39–45.
11. Дружкин С. М. Компаративные исследования по истории детства и трансформация образа ребенка в США и СССР 1945–1968 гг. / С. М. Дружкин, А. А. Мордвинов // Преподаватель XXI век. 2021. № 4–2. С. 308–315.
12. Очирова В. Н. Отечественные историки о военном детстве сибиряков / В. Н. Очирова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 4(76). С. 58–64.
13. Виноградов Г. С. Этнография детства и русская народная культура в Сибири / Г. С. Виноградов. М., 2009. 896 с.
14. Соловьева М. Р. Традиционная культура детства святочного периода в устных рассказах сибирских старожилов / М. Р. Соловьева // Мировая словесность для детей и о детях: 20-я Всероссийская конференция. М., 2016. С. 43–48.
15. Татаурова Л. В. Мир детства сибирской деревни XVII–XVIII веков / Л. В. Татаурова // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Павлодар, 2018. С. 122–128.
16. Родигина Н. Н. Письма сибиряков в журнал «Задуманное слово» как источник для изучения истории детства второй половины XIX века / Н. Н. Родигина // Новые исследовательские подходы в работе с историческими источниками XVIII–XXI веков: коллективная монография. Новосибирск, 2013. С. 64–84.
17. Матханова Н. П. Книга и чтение в воспоминаниях о детстве (на материалах сибирской мемуаристики XIX в.) / Н. П. Матханова // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск, 2010. С. 231–234.
18. Павленко А. П. Белый террор в Западной Сибири детскими глазами (воспоминания О. И. Остяковой) / А. П. Павленко // Вопросы всеобщей истории. 2016. № 18. С. 78–82.
19. Мезит Л. Э. Детская тыловая повседневность в сибирской провинции по эго-документам / Л. Э. Мезит // Война и судьбы молодежи:

опыт осмысления и проблемы сохранения исторической памяти: сб. науч. ст. Курск, 2021. С. 69–73.

20. Ашенова К. К. Советское детство: повседневная жизнь детей Омска: 1961–1980 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. / К. К. Ашенова. Тюмень, 2018. 28 с.

21. Ермолова А. И. Советская детская повседневность: факторы влияния и конструирования (на материалах города Томска. 1961–1985 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. / А. И. Ермолова. Томск, 2021. 25 с.

22. Носова М. С. Повседневная жизнь детей в годы Великой Отечественной войны (на примере Омской области): автореф. дис. ... канд. истор. наук. / М. С. Носова. Тюмень, 2021. 22 с.

23. Андреева Е. И. Детская повседневность по материалам отчетной документации Ольгинского приюта трудолюбия 1902–1914 гг. / Е. И. Андреева, А. С. Кузьменко // Сибирский архив. 2021. № 3(9). С. 54–62.

24. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI в.) / Г. Ф. Быконя, В. И. Федорова, С. Н. Ценюга [и др.]. Красноярск, 2014. 580 с.

25. Журавлева Н. Н. Женское образование в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. / Н. Н. Журавлева. Барнаул, 2005. 28 с.

26. Сизова Е. В. Мужские гимназии Западной Сибири в исторической динамике: XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. / Е. В. Сизова. Томск, 2011. 33 с.

27. Васильева А. В. Сельские учебные заведения низового уровня в Западной Сибири конца XIX – начала XX в. / А. В. Васильева // Казанская наука. 2014. № 4. С. 26–28.

28. Лебедева Н. Н. Система итоговой аттестации в народной школе Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв. как результат образовательной политики российского самодержавия / Н. Н. Лебедева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 27–37.

29. Чупилко Ю. А. Народное образование в Минусинском уезде Енисейской губернии в XIX – начале XX в. / Ю. А. Чупилко // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 52–57.

30. Шилова Н. В. Организация учебно-воспитательного процесса в церковно-приходских школах и школах грамоты в Восточной Сибири конца XIX – начала XX в. / Н. В. Шилова // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2013. № 2(24). С. 146–150.

31. Реутова М. А. Тема сибирской начальной школы в освещении ведомственных педагогических журналов (1907–1914 гг.) / М. А. Реутова // Философия образования. 2011. № 5(38). С. 84–91.

32. Колокольникова З. У. Учреждения дошкольного воспитания в Сибири начала XX века / З. У. Колокольникова // Известия Российского

государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 116. С. 28–37.

33. Рафикова С. А. Детские ясли в сибирских городах в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12–3(74). С. 137–140.

34. Афанасова Е. Н. Развитие сети дошкольных учреждений на территории Восточной Сибири во второй половине 1930-х гг. / Е. Н. Афанасова // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 6(65). С. 220–225.

35. История развития пионерского движения в Иркутской области в XX веке: сборник по материалам ГАНИИО / Архивное агентство Иркутской области, Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Иркутск, 2017. 640 с.

36. Серебряков Е. А. Основные этапы становления и развития Всесоюзной пионерской организации им. В. И. Ленина в Иркутской области / Е. А. Серебряков // Одиннадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения: материалы. Иркутск, 2018. С. 253–261.

37. Колокольникова З. У. Отечественные детско-юношеские организации и их работа в Приенисейской Сибири в 20-е гг. XX в. / З. У. Колокольникова, О. Б. Лобанова // Педагогика. 2021. Т. 85. № 8. С. 108–116.

38. Дыртыкоол М. О. Фотоисточники по истории пионерского движения в Туве 1920–1940-х гг. / М. О. Дыртыкоол // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 3(23). С. 172–179.

39. Седен А. В. Из истории пионерской организации Тувинской Народной Республики / А. В. Седен // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 1(70). С. 151–159.

40. Шаламов В. А. Служба здоровья юных пионеров и красный крест в Восточной Сибири в 1920-е годы / В. А. Шаламов // Иркутский историко-экономический ежегодник 2021. Иркутск, 2021. С. 243–248.

41. Благотворительность и социальное попечение в Енисейской губернии (1822–1917 гг.): сборник документов. Красноярск, 2009. 352 с.

42. Катцина Т. А. Общественное призрение и благотворительность в Енисейской губернии (1822–1917 гг.) / Т. А. Катцина. Красноярск, 2018. 199 с.

43. Кискидосова Т. А. Благотворительные учреждения в городах Енисейской губернии во второй половине 19 – начале 20 в. на страницах региональной прессы / Т. А. Кискидосова // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2021. № 4(32). С. 30–37.

44. Долидович О. М. «Акробаты благотворительности»: вовлечение детей в практику социальной работы в годы Первой мировой войны (на материалах города Красноярска Енисейской губернии) / О. М. Долидович // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2(41). С. 119–127.

45. Васеха М. В. Политика охраны материнства и младенчества 1920-х гг. и «конструирование» матерей нового типа: опыт сибирской деревни / М. В. Васеха // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 107–119.

46. Баранцева Н. А. Охрана материнства и младенчества в Красноярском крае (1920–1930-е гг.) / Н. А. Баранцева // Шестые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения: в 3 т.: материалы. Иркутск, 2012. С. 109–114.

47. Мезит Л. Э. Социальные инициативы в области охраны детства в 1920-е гг. в Енисейской губернии / Л. Э. Мезит // Современная научная мысль. 2019. № 4. С. 83–90.

48. Валюнова А. В. Организация патронатного воспитания детей в Енисейской губернии в 1920-е гг. / А. В. Валюнова // Актуальные вопросы истории России: проблемы и перспективы развития: материалы V Национальной научно-практической конференции. Красноярск, 2020. С. 18–19.

49. «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг.: хрестоматия. Красноярск, 2015. 214 с.

ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР ПУГАЧЕВСКОГО ВОССТАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЧЕСНОКОВСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Аннотация. Безуспешные попытки взятия Оренбурга, постепенное понимание бесперспективности продолжения осады в складывающейся военной обстановке и выводы из ее оценки вынудили Пугачева принять решение о создании дополнительного, Чесноковского центра восстания под Уфой. Новая база повстанцев должна была выполнить ряд текущих задач и способствовать дальнейшему развитию восстания.

Ключевые слова: тактика, осада, крепость, гарнизон, штурм, блокада, атака, артиллерия, боеприпасы, обеспечение

Abstract. Unsuccessful attempts to capture Orenburg, a gradual understanding of the futility of continuing the siege in the current military situation and conclusions from its assessment, forced Pugachev to decide to create an additional, Chesnokovsky center of the uprising near Ufa. The new rebel base was supposed to fulfill both a number of current tasks and contribute to the further development of the uprising.

Keywords: tactics, siege, fortress, garrison, assault, blockade, attack, artillery, ammunition, support

Стратегическую важность нового повстанческого центра под Уфой подтверждает назначение его руководителем И. Н. Зарубина-Чики, одного из самых авторитетных сподвижников Е. Пугачева, наделенного широчайшими полномочиями и являвшегося по сути главным руководителем восстания на Урале, в Приуральском и Западно-Сибирском регионах. На Чесноковский лагерь, часто называемый второй армией, были возложены конкретные задачи следующего характера:

а) тактические:

- организация материально-технического обеспечения Бердской базы повстанческой армии;

- овладение административным центром Уфимской провинции – городом Уфа;

- ликвидация разрозненности сил восставших в районе Уфы;

б) стратегические:

- распространение и руководство восстанием на Урале, Приуралье и в Западной Сибири [1, с. 221–222].

Пограничная, по первоначальному предназначению, крепость Уфа, расположенная на высоком берегу реки Белой, представляла собой выгодно использующий рельеф местности, укрепленный оборонительный пункт. При основании он имел форму ломаного четырехугольника, общей

площадью около 1,2 га, обнесенного городскими стенами протяженностью в 440 метров из поставленных вертикально огромных дубовых бревен [2, с. 93–94]. После пожара 1759 года, уничтожившего уфимский детинец, крепость была отстроена по плану командированного из Оренбурга инженер-капитана А. Ригельмана. Установка палисада, состоявшего из 4 реданов и 9 бастионов с пушечными платформами, велась под руководством инженер-подпоручика А. Вахтина. Оборонительная эффективность вызывает сомнение, так как крепость Ригельмана, сооруженная «из старого тыну, вокруг стоящего по старой крепости», не являлась по документам «новой» или «регулярной». Нахождение внутри Уфы не позволяет классифицировать ее как огневой рубеж в момент штурма армией Зарубина-Чижи [3]. Уфимский кремль, защищенный частоколом, с юга и востока окружали реки Белая и Сутолока, на северо-востоке – земляной вал и башни. Оборонительные сооружения Уфы в рассматриваемый период представляли собой «земляной вал, деревянную крепость с башней, палисад, 13 пикетов» [4, с. 319]. Защитные силы города составляли немногим более 1 100 человек [5, л. 459–463]. По данным А. З. Асфандиярова, силы обороняющихся насчитывали около 1434 человек и состояли из 244 офицеров и солдат, 468 отставных чинов, 233 казаков, 170 купцов и цеховых, 125 дворовых, 148 разночинцев, 43 заводских крестьян, 39 наемных работников и др. [6, с. 69] Имеющийся личный состав и арсенал из 20 пушек со значительным запасом боеприпасов, позволял коменданту крепости полковнику С. Мясоедову рассчитывать на успешную оборону до подхода правительственных войск [4, с. 319]. Осадная армия Зарубина-Чижи обладала огромным перевесом в живой силе, насчитывая при первом штурме города порядка 10 тысяч, а в отдельные моменты осады до 12–15 тысяч человек личного состава. Артиллерийский парк повстанцев составлял 25 орудий [1, с. 225–226].

Тактика осады крепостей в XVIII веке во многом опиралась на научно обоснованные принципы фортификации признанного специалиста в вопросах военно-инженерной подготовки, боевого инженера-практика второй половины XVII – начала XVIII в. Себастьяна де Вобана [7, с. 61]. Для успешной осады и взятия крепости, атакующим требовалось иметь десятикратное превосходство в силах и средствах над осаждаемыми, и при условии идеального, последовательного проведения таких мероприятий, как предложение почетной капитуляции, блокада и правильная (постепенная) атака крепости, бреширование и штурм должны были привести к итоговой капитуляции [8].

Тактика штурма Уфы была во многом аналогична действиям повстанцев под Оренбургом. Предложения почетной капитуляции, обращенные преимущественно к городским жителям, следовали неоднократно, но результата не дали. Оригинально выглядит попытка уговора жителей сдать без сопротивления, с помощью отпущенных в город захваченных ранее в плен уфимцев [5, л. 470 об.].

Неоднократные попытки штурма к взятию города не привели. Одной из причин неудачи стала неэффективная постепенная атака и, соответственно, невозможность проведения бреширования, главным образом из-за недостатка общего количества артиллерии и низкой квалификации оружейной obsługi. Наряду с этим, дефицит крупнокалиберной артиллерии видится не настолько определяющим, так как крепостные стены Уфы были деревянными и не столь защищенными и капитальными, как оборонительные сооружения Оренбурга. Тактико-технические характеристики артиллерии XVIII века позволяли вести стрельбу ядрами из полковых пушек 3–6-фунтового калибра на расстояние в 600–700 метров, картечью 300–350 метров. Полевые 12-фунтовые пушки обеспечивали максимальную дальность в пределах 800–1000 метров при стрельбе ядрами и от 50 до 400–500 метров по пологой траектории и прямой наводкой при стрельбе картечью [9]. Имевшиеся в наличии повстанцев орудия вполне позволяли нарушить целостность защитных сооружений, учитывая, что во время штурма огонь порой велся с позиций «не более как в двухстах саженях» от цели, т. е. с расстояния в 420–430 метров, что свидетельствует о достаточно эффективной дальности стрельбы [1, с. 227].

Нехватка артиллерийских боеприпасов вполне вероятна, но не выглядит критичной, так как имеющиеся запасы позволяли периодически проводить интенсивные обстрелы города [5, л. 473 об – 474]. Нехватка пороха более существенна для проведения подкопа и подвода под стену мины с осуществлением взрыва, который рекомендовался при недостатке тяжелых пушек или в случае невозможности установки батареи для бреширования. Недостатком минирования является большее время, необходимое для подкопа под крепостные стены, увеличенный расход пороха и необходимость в опытных минерах, способных подвести мину точно под стену, рассчитав необходимую мощность заряда [8]. Дефицит пороха и отсутствие специалистов-подрывников, неудачный опыт подкопа в Яицком городке, вероятно, явились вескими основаниями для отказа от подобных действий при проведении осады Уфы.

Фактор практически десятикратного превосходства в живой силе повстанцев над осажденными реального преимущества не принес. Боевые возможности Чесноковского центра были сильно ограничены нехваткой ручного огнестрельного оружия, преимущественно у башкир, и слабой выучкой командного и личного состава, применительно к специфике осадного боя [1, с. 229].

В конечном итоге зная о тяжелом положении города, Зарубин-Чика решил взять осажденных измором. Подобная тактика имела право на успех только в случае безупречно организованной блокады с организацией внешней и внутренней линий блокирования. Второй армии сделать этого не удалось. Блокада Уфы была организована крайне неэффективно, циркумвалационная и контрвалационная линии практически отсутствовали. Это давало возможность не только организовывать вылазки заготовитель-

ных команд для пополнения городских запасов продовольствия, фуража и дров, но и наносить урон отрядам восставших [1, с. 228].

Причины неудачи повстанцев под Уфой достаточно известны. Одним из важнейших факторов поражения военного характера видится низкий уровень знаний вопросов военного искусства и отсутствие практического опыта вождения войск у предводителей движения, опиравшихся при проведении боевых действий преимущественно на применение так называемой военной хитрости [10, с. 174]. Достаточно отчетливо это проявилось и в противостоянии Зарубина-Чики и Михельсона под Уфой.

И. И. Михельсон является, пожалуй, самой яркой фигурой русской армии, действовавшей против восставших. Талантливый военачальник, закончивший службу в звании генерала от кавалерии, обладал огромным опытом боевых действий. Начав офицерскую службу в 3-м мушкетёрском полку под командованием будущего генерал-аншефа А. И. Бибикова, ярко проявил себя в Семилетней войне. Выдающуюся отвагу показал, командуя эскадрой Астраханского карабинерного полка в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Принимал участие в поражении маршалка Пулавского и осаде Краковского замка в ходе борьбы с барскими конфедератами, за что был переведен в Санкт-Петербургский карабинерный полк и поощрен чином подполковника. В декабре 1773 года в составе полка направлен на соединение с войсками генерал-аншефа Бибикова, отправленного Екатериной II для усмирения пугачевского бунта [11]. Полководческий талант Михельсона, его энергичность и продуманность действий, особенно яркие на фоне его предшественника генерал-майора А. Л. Ларионова, наиболее полно соответствовали трем суворовским принципам военного искусства – глазомер, быстрота, натиск [12, с. 151–153].

Ключевым фактором победы правительственных войск является то, что инициативой владел Михельсон. Зарубин-Чика был вынужден реагировать на перемещения его отряда, так как тактически верное его действие с выдвижением передового подразделения и выставлением сторожевого поста Михельсон разгадал и преодолел с легкостью, сумев подойти к Зубовке и укрепиться на рубеже перехода в атаку. Как итог в целом грамотно задуманное Зарубиным-Чикой встречное сражение с трехсторонним ударом по правительственным войскам, повстанцы проиграли.

Основными причинами поражения являются не только слабое вооружение башкир и прекрасное оснащение правительственного отряда, но и выучка солдат и офицеров отряда Михельсона [13, с. 36]. Русское военное искусство XVIII века предусматривало, что в ходе длительного и ожесточенного боя главную роль играет пехота, способная в случае затруднения наступления перейти к обороне с последующей контратакой. Боевая подготовка пехотных частей велась в соответствии с требованиями «Обряда службы» Румянцева и суворовского «Полкового учреждения». Румянцев акцентировал внимание на непрерывности ведения огня в линейном строю и прицельной стрельбе при расчлененном боевом порядке. Суворов, рассматривая многосторонность боя, опирался на подготовку

к атаке, ведении огневого боя, атаки и преследования отступающего противника. Изменения в тактике требовали от солдата как стойкости и мужества, так и проявления разумной инициативы, умения вести наступательный и оборонительный бой [14, с. 289–291].

Кавалерия, благодаря своей мобильности, способная вести самостоятельные действия в значительном отрыве от своих войск, преодолевая в короткое время большие расстояния, главным образом использовалась для внезапных ударов по флангам и тылам противника. Классическим примером является рейд казаков атамана Платова и кавалерийского корпуса генерала Уварова в Бородинском сражении, позволивший перегруппировать русские войска [15, с. 236]. Наряду с этим, в зависимости от складывающейся обстановки, от русской кавалерии требовалось умение действовать как в конном, так и в пешем строю [16, с. 176].

В силу вышеуказанных обстоятельств, поражение повстанцев в бою у Зубовки и неудачная осада Уфы представляются достаточно логичными. Неопытность в осадном деле, неумение перегруппировать огневой удар артиллерии по наиболее уязвимым участкам обороны противника отличали повстанцев на протяжении всего периода восстания, в том числе и под Уфой. Низкий уровень воинской дисциплины не позволял качественно провести блокирование осажденных населенных пунктов. В конкретном бою у Зубовки, итоги которого способствовали общей неудаче при осаде Уфы, Зарубин-Чика, основу войска которого составляла башкирская конница, не имел возможности полноценного ее боевого применения. Этому способствовало как слабое ручное огнестрельное вооружение башкир, неумение ведения боя в пешем порядке, так и затруднения, которые неизбежно бы возникли при попытке осуществления рейдового удара по флангам и в тыл противника в силу наличия снежного покрова, типичного для этого времени года и существенно затруднявшего любой маневр на поле боя. Широкий круг задач, возложенный Пугачевым на Чесноковский центр восстания и не определявший главного направления, вынуждал Зарубина-Чика отвлекаться на их выполнение, упуская из виду основную, стратегическую цель. Важно, что восставшим противостояла сильнейшая на то время армия Европы, укомплектованная профессиональным личным составом, имевшим боевой опыт, полученный в войнах Российской империи XVIII века. Все это привело к неудачным боевым действиям второй армии, а в итоге к поражению восстания.

Список источников

1. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева / под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1966. Т. 2. 512 с.
2. Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.
3. Захаров В. Н. Из истории уфимской крепости после пожара 1759 г. // URL: <https://ufagen.ru/node/28830> (дата обращения: 09.07.2020).

4. Гвоздиков И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа: «Китап», 1999. 512 с.

5. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1 100. Оп. 1. Кн. 7.

6. Асфандияров А. З. Чесноковский лагерь под Уфой – второй повстанческий центр Крестьянской войны 1773–1775 гг. // Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Уфа, 1977. С. 67–74.

7. Яковлев В. В. Эволюция долговременной фортификации. М.: Госвоениздат, 1931. 285 с.

8. Веремеев Ю. Г., Мартыненко Ю. И. Стратегия и тактика осады крепостей // URL: <https://armi.armor.kiev.ua/taktik/voina-17.php> (дата обращения: 20.07.2020).

9. Шарковский А. Полевая артиллерия конца XVIII века // URL: <https://warspot.ru/496-polevaya-artilleriya-kontsa-xviii-veka> (дата обращения: 20.07.2020).

10. Мауль В. А. Вожак как сумма народного негодования // Новое прошлое. 2017. № 2. С. 172–177.

11. Ореус И. И. Иван Иванович Михельсон, победитель Пугачева. 1740–1807 // Русская старина, 1876. Т. 15, № 1. URL: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-127/3.htm> (дата обращения: 22.07.2020).

12. Суворов А. В. Наука побеждать. М.: Эксмо, 2019. 320 с.

13. Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева / под ред. В. В. Мавродина. Л.: Издательство ЛГУ, 1970. Т. 3. 488 с.

14. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке (Очерки) / Акад. наук СССР. Ин-т истории. М.: Воениздат, 1958. 645 с.

15. Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб.: Тип. Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1843. Ч. II. 236 с.

16. Марков М. И. История конницы. Тверь.: Типо-Литография Ф. С. Муравьева, 1890. Ч. 4. О. I. 390 с.

СЕКЦИЯ 2

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИБИРИ – ИЗНУТРИ И ИЗ ЦЕНТРА

УДК 94(470)

Е. А. Ахтамов¹,

Д. Н. Гергилев²

^{1,2} Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия

РАЗВИТИЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА В XIX–XXI ВВ.

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые события в истории развития железнодорожного транспорта енисейского региона. Авторами проанализированы предпосылки и исторические условия, обуславливавшие темпы развития железнодорожной сети на каждом историческом этапе, показана значимость отдельных лиц, оказавших существенное влияние на развитие железной дороги в Енисейском регионе.

Ключевые слова: Красноярская железная дорога, Восточно-Сибирская железная дорога, Енисей, транспортная инфраструктура

Abstract. The article considers the key events in the history of the development of the railway transport of the Yenisei region. The authors analyzed the prerequisites and historical conditions that determined the pace of development of the railway network at each historical stage, showed the importance of individuals who had a significant impact on the development of the railway in the Yenisei region.

Keywords: Krasnoyarsk railway, the East Siberian railway, Yenisei, transport infrastructure

На протяжении долгого времени, вплоть до конца XIX века, единственным путём, связывающем Сибирь с европейской Россией, был Сибирский тракт. Этот путь имел огромное экономическое и политическое значение: сибирский тракт использовался купцами для перевозки торговых грузов, по нему передвигались переселенцы из европейской части страны, по нему конвоировались ссыльные. Население, проживавшее вблизи тракта, было занято его обслуживанием.

В 1837 году Павел Петрович Мельников, в будущем первый министр путей сообщения России, писал в одном из отчетов по изучению зарубежного опыта строительства и эксплуатации железных дорог: «Глубоко убеждён, что железные дороги необходимы России, что они, можно сказать,

выдуманы для неё более, нежели для какой-либо другой страны Европы... Нет никакого сомнения, что в такой пространной стране, как Россия, железные дороги призваны не только возвысить ценности, как в государствах Европы, а создать их, ибо естественные богатства наши остаются непроезжими и бесценными от неимения для них надлежащего сбыта» [1, с. 5].

Спустя пять лет, в результате усилий Особого Комитета предварительного составления и рассмотрения проекта железной дороги, было принято решение о строительстве за счет казны Петербургско-Московской дороги. Её открытие состоялось 1 ноября 1851 г. В 1865 г., когда протяженность железных дорог составляла около трех тысяч километров, было образовано Министерство путей сообщения. Строительство Великого Сибирского пути началось в 1891 г. Он протянулся на 6 500 километров от Челябинска до Владивостока.

Одновременно с прокладкой Западно-Сибирской линии от Челябинска и далее на восток проходили геологические исследования Средне-Сибирского участка – от Оби в направлении на Красноярск и Иркутск. В 1893 г. было образовано управление постройки Средне-Сибирской железной дороги во главе с инженером Николаем Межениновым и резиденцией в Томске. Работы проходили очень высокими темпами, для чего использовался труд ссыльнокаторжных. Летом 1895 г. на Средне-Сибирском участке работало 1 377 наиболее благонадежных ссыльных и каторжан Енисейской и Иркутской губерний [1, с. 16]. На Средне-Сибирской железной дороге применялись рельсы весом 18 фунтов. Их вес был недостаточным для увеличения скорости до 50 километров в час. Отдельные перегоны (Минино-Красноярск) укладывались иными, 22-фунтовыми рельсами, доставленными из Англии. Предполагалось, что Транссибирская магистраль со временем перейдет на более тяжелый тип рельсов.

Многочисленные реки и речушки пересекали маршрут от Челябинска до Владивостока. На трассе было возведено 28 мостов через большие и малые реки, всего 86 километров мостов. В 1899 г. в эксплуатацию был введен мост через Енисей, ставший выдающимся инженерным сооружением. В 1900 г. за мост через Енисей на Всемирной выставке в Париже автор проекта Е. К. Кнорре получил золотую медаль.

Строительство Сибирского железнодорожного пути было завершено в 1903 г. Эффект от введения в строй железной дороги превзошел все ожидания. Как писали современники: «Когда Сибирская железная дорога открыла выход на европейские рынки сибирскому сырью, то через это окно в Европу хлынули грузы с таким сильным напором, который опрокинул все расчеты творцов великого Сибирского пути, выдвинув на очередь постройку второй колеи. На десятый год эксплуатации Сибирская железная дорога уже считала коммерческие грузы <...> в 150 миллионов пудов» [2, с. 64].

В конце 1880-х гг. руководство железнодорожным делом было разделено между тремя ведомствами: Министерством путей сообщения, Министерством финансов и Государственным контролем. Министр Михаил Иванович Хилков не был согласен с таким раздроблением. Он, в частности, писал императору Николаю II в 1897 г.: «С тех пор как руководство тарифами и всей финансовой стороной дела отошло из ведения министерства, оно перестало быть руководителем железнодорожного дела. В настоящее время Министерство путей сообщения в железнодорожном ведомстве ограничено до степени специально-технического ведомства» [1, с. 6].

Однако положение не менялось. Только в 1918 г. был принят декрет о централизации управления на железнодорожном транспорте. В решении Транспортной плановой комиссии за 1922 г. было записано: «... поскольку железнодорожный транспорт является неразрывной частью народно-хозяйственного механизма, план Народного Комиссариата путей сообщения должен составляться так, чтобы транспорт шел всегда несколько впереди остальных отраслей хозяйства» [1, с. 6]. Это решение во многом предопределило то приоритетное развитие транспорта, которое имело место в предвоенные и послевоенные годы.

К 1917 г. положение на железнодорожном транспорте было тяжелым. Министр путей сообщения Н. В. Некрасов докладывал Временному правительству о том, что состояние железных дорог становится угрожающим, они не получают нужного количества угля, количество неисправных паровозов составляет 23 % [1, с. 67]. Положение на сибирских железных дорогах было еще более тяжелым. Более четверти паровозов были неисправны, перевозки грузов значительно сократились. По сравнению с 1916 г., в 1917 г. погрузка снизилась почти на 25 % [1, с. 67]. В 1917 г. железнодорожные рабочие Енисейской губернии принимали активное участие в стачечном движении, способствовали установлению советской власти в Сибири.

После гражданской войны железнодорожное хозяйство Сибири находилось в глубочайшем упадке: были разрушены мосты, повреждены вагоны, паровозы. Красноярские железнодорожные мастерские не могли справиться со своими задачами. Так, в декабре 1921 г. они отремонтировали лишь 69 вагонов вместо 265 по плану. По данным Наркомата путей сообщения, в конце 1921 г. Томская железная дорога, куда входила Красноярская железная дорога, располагала лишь однодневным запасом угля. На производительности труда также отрицательно сказывалась нехватка квалифицированных рабочих.

В сентябре 1921 г. Народным комиссаром путей сообщения был назначен Ф. Э. Дзержинский. 3 октября 1921 г. вышло постановление Сибревкома, в соответствии с которым в Омске было создано управление Сибирского округа путей сообщения. Ранее в административном отношении существующие границы Красноярской железной дороги входили в состав Томской железной дороги, которая имела протяженность от Иркутска

до Новосибирска. Теперь же, с созданием Сибирского округа, Красноярская железная дорога стала составной частью округа с границами от Челябинска до Иркутска. Округ был разделен на восемь линейных отделов с центрами в Тюмени, Челябинске, Омске, Новосибирске, Барнауле, Томске, Красноярске, Иркутске. В период восстановления разрушенного железнодорожного хозяйства такая децентрализация была оправдана, хотя все линейные отделы подчинялись округу.

По мере восстановления железных дорог линейные отделы укрупнялись. Так, с 1 июля 1923 г. Красноярский линейный отдел был присоединен к Иркутскому, но с 1 января 1921 г. территория Красноярской железной дороги вновь включается в состав Тоской железной дороги, так как было создано три управления железных дорог: Омское, Томское и Забайкальское.

В ноябре 1923 г. состоялось открытие новой железной дороги, территориально входящей в состав Красноярской. Строительство этой линии было начато еще в 1914 г. Эта дорога связала центр Хакасии Абакан с основной линией Сибирской железнодорожной магистрали.

1930-е гг. стали временем ускоренной индустриализации страны. В сельском хозяйстве происходила коллективизация. В этот период быстро нарастал объем перевозок на железнодорожном транспорте, что требовало проведения коренной реконструкции магистрали. Больше средств стало вкладываться в капитальные работы на железной дороге. Капитальный и средний ремонт железнодорожного пути был необходим для использования более мощных паровозов, которые были способны резко поднять скорость, вес поездов и увеличить пропускную способность железной дороги.

В феврале 1936 г. произошло выделение Красноярской железной дороги из состава Восточно-Сибирской. Приказ, подписанный народным комиссаром путей сообщения Л. Кагановичем 28 февраля 1936 г. назывался «О разделении Уссурийской и Восточно-Сибирской железных дорог на самостоятельные дороги: Дальневосточную, Амурскую, Восточно-Сибирскую и Красноярскую».

За годы Великой Отечественной войны железные дороги Сибири и Дальнего Востока не пострадали непосредственно от боевых действий, но война наложила свой отпечаток на все стороны их работы. Путь Красноярской железной дороги, подвижной состав, средства связи, оборудование локомотивных и вагонных депо были значительно изношены. Техническое состояние дороги не позволяло обеспечить высокие скорости и четкую организацию движения поездов. В четвертой пятилетке (1946–1950 гг.) на восстановление и развитие железнодорожного транспорта государство выделило одну шестую часть всех капитальных вложений в народное хозяйство. Была проведена реконструкция путевого хозяйства, были удлиненны пути станций, внедрены средства автоматики, телемеханики и связи, произошло пополнение подвижного состава новыми локомотивами и вагонами.

В результате выполнения плановых заданий четвертой пятилетки, высокой трудовой активности железнодорожников, в 1950 г. грузооборот на Транссибирской магистрали возрос по сравнению с 1940 г. в 1,5 раза, а на Красноярской железной дороге в 1,8 раза, в два раза возросло отправление угля, леса, зерна, строительных и других грузов [16, с. 112].

В 1956 г. правительство приняло постановление о необходимости внедрения электровозов и тепловозов. На 1956–1957 гг. был принят план электрификации железных дорог. К 1960 г. были закончены работы по электрификации основной линии, что позволило увеличить как скорость движения, так и вес поездов до 3 600 тонн.

С конца 1940-х – начала 1950-х гг. в Красноярском крае быстрыми темпами развивалась тяжелая промышленность: строились алюминиевый и прокатный заводы в Красноярске, глиноземный и нефтеперерабатывающий в Ачинске, возводились Красноярские ГЭС и ГРЭС-2, Назаровская ГРЭС, развивался лесоперерабатывающий комплекс. Развитие производительных сил в крае требовало расширения транспортных связей. В эти годы было начато строительство первого участка Южно-Сибирской магистрали Междуреченск – Абакан, железной дороги на Абазу, линии Ачинск – Лесосибирск и Красная Сопка – Кия-Шалтырь. В конце 1950-х гг. началось строительство восточного участка Южно-Сибирской магистрали Абакан – Тайшет.

В мае 1961 г. в соответствии с постановлением правительства СССР Красноярская железная дорога вошла в состав Восточно-Сибирской железной дороги. В связи с объединением дорог управление Красноярской железной дороги было расформировано. Ряд руководителей служб, отделов и инженерно-технических работников был переведен в управление Восточно-Сибирской железной дороги [3, с. 94].

В период нахождения Красноярской железной дороги в составе Восточно-Сибирской магистрали продолжалось начатое в середине 1950-х гг. строительство линий: от Ачинска до Маклаково, от Енисея до Дивногорска. Осуществлялась реконструкция старой линии от станции Решоты до станции Новобирюсинская.

С начала 1970-х гг. на территории Красноярского края началось освоение Березовского угольного месторождения. Планом предусматривалось создание двух угольных разрезов, на угле которых должны были работать две ГРЭС. Для обеспечения перевозок угля и строительных грузов для разрезов и ГРЭС, в связи с недостаточно пропускной способностью участка Ачинск – Красная Сопка, правительством и Министерством путей сообщения было принято решение о строительстве на этом участке второго пути. На станции Дубинино был построен путь для погрузки угля, подвозимого с разреза самосвалами. Железная дорога начала работу по развитию станции Дубинино, строительству подъездного пути на разрез. Работы выполнялись трестом «Красноярсктрансстрой» и другими подразделениями Минтрансстроя [4, л. 6].

В 1979 г. Красноярская железная дорога был выделена из состава Восточно-Сибирской железной дороги. Начальником Красноярской железной дороги был назначен Геннадий Матвеевич Фадеев. В этот период были построены и введены в эксплуатацию вторые пути на участке Ачинск – Красная Сопка, части линий Абакан – Междуреченск, Абакан – Тайшет, начато строительство под второй путь Нанхчульского тоннеля, построен обход Красноярского железнодорожного узла.

В годы перехода к рыночным отношениям, в связи со снижением хозяйственной активности, отпала необходимость строительства вторых путей, новых линий и других объектов, предусмотренных постановлениями. Тем не менее ряд планировавшихся ранее проектов не потерял своей актуальности, и при росте грузооборота, начавшегося в начале 2000-х гг., возникла необходимость в их реализации.

Со времени ввода Транссибирского пути в эксплуатацию многое изменилось в жизни страны: социально-экономический строй, жизнь и быт отдельных семей и целых народов. Красноярская железная дорога за этот период претерпела значительные изменения. Этот участок Транссибирской железнодорожной магистрали в разное время входил в состав Великой Сибирской магистрали, Западно-Сибирской, Томской, Восточно-Сибирской железных дорог. Будучи самостоятельной, Красноярская железная дорога достигла такого уровня, при котором смогла способствовать обеспечению быстрого экономического развития.

Список источников

1. Стальное звено Транссиба. 100 лет Красноярской железной дороге 1899–1999 / сост. В. В. Чагин, В. Г. Саклаков. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1998. 464 с.
2. Настоящее и будущее Западной Сибири // Право и финансово-промышленная жизнь Сибири. Ноябрь, 1915. С. 64–81.
3. Железнодорожный транспорт Восточной Сибири: из XIX в XX век: в 2-х т. / под общ. ред. В. Г. Третьякова. Иркутск: Изд-во Облмашинформ, 2001. Т. 2. 480 с.
4. ГАКК. Ф.Р. 1478. Оп. 3. Д. 1597. Л. 12.

А. И. Бакшеев

Красноярский государственный медицинский университет

им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого

Красноярск, Россия

СИБИРЬ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация. В статье рассмотрены исторические процессы изменения административно-территориальной политики Российской империи в управлении сибирским регионом в XVII–XIX вв. Проанализированы административно-территориальные реформы, которые были осуществлены в Сибири на протяжении XVIII–XIX вв. Сделан вывод, что для административно-территориальной политики Российской империи в Сибири были характерны излишняя централизация, бюрократизация и концентрация власти.

Ключевые слова: *Сибирь, Российская империя, административное управление, административно-территориальная политика, административная реформа, губерния, наместничество, губернатор, городское самоуправление*

Abstract. The article examines the historical processes of changing the administrative-territorial policy of the Russian Empire in the management of the Siberian region in the XVII–XIX centuries. The administrative-territorial reforms that were carried out in Siberia during the XVIII–XIX centuries are analyzed. It is concluded that the administrative-territorial policy of the Russian Empire in Siberia was characterized by excessive centralization, bureaucratization and concentration of power.

Keywords: *Siberia, Russian Empire, administrative management, administrative-territorial policy, administrative reform, province, viceroyalty, governor, city self-government*

Одним из существенных направлений осуществления реформ сегодняшней системы государственного устройства в Российской Федерации является повышение результативности деятельности администраций на всех уровнях управления. Осуществляя попытки использовать в данной сфере опыт западных стран, не стоит забывать, что у России есть собственные достижения в этой сфере. Административно-территориальная политика современной России невозможна без осознания прошлого опыта, определения собственных законов развития, выявления совокупности сформировавшихся правоотношений.

Актуальность данного исследования обуславливается в то же время необходимостью соблюдения исторической преемственности государственного развития. Изучение административно-территориальной политики Российской империи в Сибири дает возможность понять состояние в целом государственного управления, соответствие особенностей регионального управления реалиям каждого исторического периода [1, с. 107].

Во все времена Сибирь одновременно с общими для российских окраин чертами характеризовалась и собственными, специфическими особенностями. Будучи наиболее удаленной от центральных регионов России, она отличалась как социально-экономическими, так и этно-культурными особенностями [2, с. 859].

После вхождения в состав Российского государства Сибирь изначально находилась в ведении Посольского приказа, а начиная с 1599 г., подобно остальным восточным регионам, перешла под управление Приказа Казанского дворца [3, с. 85].

Процесс присоединения все новых территорий Сибири не прекращался на протяжении всего XVII в. Сибирская пушнина стала одним из основных источников доходов государственной казны, что привело к необходимости создания специального отдельного органа управления регионом. В связи с этим, в 1637 г. был создан Сибирский приказ, просуществовавший вплоть до второй половины XVIII в. Первым *судьей* (начальником) Сибирского приказа стал князь Б. М. Лыков. В дальнейшем на этот пост назначались наиболее значимые члены российской правящей элиты. Последним из перечня известных фамилий в 1706 г. стал М. П. Гагарин, который после административной реформы занял пост первого губернатора новообразованной Сибирской губернии [4, с. 137].

Административное управление в Сибирском крае, как и в центральной России, сначала было воеводское, потом губернское по особым наказам и, наконец, губернское по Общему учреждению о губерниях. При этом основной административной единицей в Сибири, как и во всей Российской империи, оставался уезд, которых к концу XVII в. было сформировано 20 единиц.

Особое место в административно-территориальной политике Российской империи в Сибири XVII–XVIII вв. принадлежит Тобольску, городу, основанному еще в 1587 г., который, прежде всего, по причине своего выгодного расположения превратился в административный центр Сибирского региона. Его положение еще более упрочилось после размещения в нем в 1621 г. архиепископской кафедры. Тобольский воевода фактически превратился в главного регионального представителя Сибирского приказа. В результате этого сложилось положение, когда воеводы остальных городов Сибири по предписанию центральной власти были обязаны согласовывать с тобольским воеводой все наиболее значимые местные вопросы, о чем последний информировал Москву. При этом определение статуса Тобольска как основного административного центра Сибири подтверждалось тем, что его воеводами становились представители элиты, близкие к правящей династии Романовых [5, с. 161].

Областная реформа (1708 г.) Петра I переустроила управление Сибирским краем. Управление Сибирью из Москвы посредством Сибирского приказа постепенно стало неэффективным, что привело к образованию среди восьми учрежденных в 1708 г. российских губерний, и Сибирской губернии, центром которой по-прежнему был Тобольск. Областная ре-

форма не упразднила Сибирский приказ, но последний стал своего рода представительством в столице сибирского губернатора. Уездное деление губернии сохранилось, но отныне ими управляли так называемые коменданты, которые отныне назначались не из центра, а напрямую губернатором, перед которым были и подотчетны.

Областная реформа 1719 г. приблизила местное управление Сибири к общероссийскому. В первый период реформы (1719 г.) Сибирская губерния была поделена на три провинции: Соликамскую и Вятскую в Приуралье и собственно сибирскую – Тобольскую. В свою очередь, провинции были поделены на дистрикты (уезды). В дальнейшем в 1724 г. из Тобольской провинции были выделены Енисейская и Иркутская провинции [5, с. 203]. В период областной реформы 1719–1724 гг. в сибирских городах было организовано городское самоуправление (магистраты, ратуши) [5, с. 217].

Сибирская губерния, вследствие значительной протяженности своей территории, была трудно управляема, что привело к передаче в 1727 г. приуральских провинций Казанской губернии. В итоге в 1736 г. Сибирская губерния была поделена на две независимые административно-территориальные единицы. Под управлением сибирского губернатора оказались Тобольская и Енисейская провинции, а Иркутская провинция оказалась в подчинении особого вице-губернатора, непосредственно подчинявшегося Сибирскому приказу. Так был заложен первый камень в фундамент разделения Сибири на Западную и Восточную [6, с. 101]. Учрежденная в 1737 г. в составе Сибирской губернии Исетская провинция в 1744 г. также была передана Оренбургской губернии.

Власть на уровне провинций и уездов была сосредоточена у комендантов и воевод, которые являлись абсолютными хозяевами подведомственных земель. Собственно административное управление реализовывалось посредством провинциальной/уездной канцелярии. Низшее звено административной власти на местах представляли волостные приказные избы под руководством назначаемых воеводами приказчиков, которые осуществляли контроль над общинным крестьянским самоуправлением [7, с. 16].

В период 1730–1763 гг. общее управление Сибирью снова перешло в руки Сибирского приказа, а с 1763 г. в начальный период правления Екатерины II, вопросы управления Сибирью стали распределяться по различным соответствующим коллегиям (после 1802 г. – министерствам). Столичные ведомства, работавшие в сфере своих непосредственных интересов, нередко приводили к хаосу жизнь в регионе. Непоследовательность правительства в управлении Сибирью выражалась то в распределении региональных вопросов по разным столичным ведомствам, то в их концентрации в едином специальном учреждении – Сибирском приказе, а позднее Сибирском комитете, каждый из которых обладал различным объемом полномочий. По мнению столичной администрации, все это было связано

со слабой эффективностью местной губернской власти, а также значительными злоупотреблениями этой власти [7, с. 18].

Осенью 1764 г. в Сибирском крае образуются Сибирская и выделенная из ее состава Иркутская губернии, губернаторы которых получают весь прежний объем прав по управлению подчиненными им территориями.

Начало административной реформе при Екатерине II положило издание «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.). Изначально императрица решила не распространять действие этого документа на сибирский регион, однако впоследствии административное устройство в Сибири также стало определяться этим положением.

Поэтому в 1782–1783 гг. в ходе осуществления административной реформы, инициированной «Учреждениями», в Сибирском крае были образованы Тобольское, Иркутское и Колыванское наместничества под управлением генерал-губернаторов, которые в свою очередь были поделены на области.

Управление краем стало характеризоваться 4-ступенчатой системой. На верхнем уровне располагалось наместничество (генерал-губернаторство), которое осуществляло верховное руководство и надзор в целом по огромному региону; на губернском уровне (глава – губернатор) решались административно-хозяйственные, финансовые и полицейские задачи; на окраинах губерний образовывались области с соответствующими уровнем административно-управленческими функциями; на низшем уровне находилось уездное управление [8, с. 122].

При осуществлении своих полномочий губернские и окружные органы управления опирались на органы самоуправления в городах и сельской местности.

В Сибирском крае городское самоуправление было введено значительно позже, чем в центральной России – только после введения в действие в 1785 г. «Жалованной грамоты на права и выгоды городам Российской империи». В соответствии с этим документом, городское самоуправление крупных городов края состояло из собрания «градского общества» (созывалось каждые три года) и действующей на постоянной основе «общей градской думы», включающей главу города и шесть «гласных», по одному представителю от каждого сословного собрания, а также выборного судебного органа – магистрата.

Большинство уездных сибирских городов были признаны «малоллюдными» и не получили местного самоуправления в полном объеме. Они управлялись городскими управами (ратушами) под руководством городских старост. Итогом реформы стала передача функций городского самоуправления в руки наиболее обеспеченных слоев населения – купечества и зажиточного мещанства [9, с. 131]. Причем практическая роль городского самоуправления была незначительна, оно не имело права самостоятельного решения большинства хозяйственных вопросов без губернаторского одобрения.

Следует отметить, что в фундамент губернской реформы Екатерины II были положены определенные элементы децентрализации, проявлявшиеся в организации и усилении роли дворянского самоуправления, определенном контроле с его стороны местной администрации, которая, как правило, была из них же и сформирована. Однако в Сибирском регионе эти элементы децентрализации были незначительны, вследствие немногочисленности сибирского дворянства. Итогом стало усиление властных полномочий имперской администрации [10, с. 126].

В 1796 г. произошло упразднение наместничеств, и Сибирь оказалась разделенной на Тобольскую и Иркутскую губернии. Тем не менее сибирское административное деление, при котором губернии состояли из областей, области – из уездов/округов, а последние – из волостей, по-прежнему отличалось от общероссийского.

Значительные изменения в административно-территориальной политике произошли в правление Александра I, когда в 1805 г. Иркутское губернское правление, объединившись с казенной палатой, получило название Иркутского губернского правительства и было разделено на исполнительную и казенную экспедиции. Отдельно в Якутском крае был учрежден особый орган гражданского управления – Якутское областное правление [11, с. 10].

После формирования в 1802 г. системы министерств сфера управления в государстве разделилась по отраслевому признаку, а гражданские губернаторы перешли в подчинение МВД [11, с. 11].

Летом 1822 г. Александр I подписал десять законодательных актов, составивших особое «Учреждение для управления Сибирских губерний». Согласно данному «Учреждению», азиатская часть Российской империи была поделена на Западно-Сибирское (центр – Тобольск) и Восточно-Сибирское (центр – Иркутск) генерал-губернаторства. Вошедшие в состав генерал-губернаторств губернии были поделены на округа, которые в свою очередь делились на волости и инородческие управы [12, с. 32].

В каждом генерал-губернаторстве создавались свои органы управления и судопроизводства. Особенностью административного управления в Сибири стало создание при органах управления (главное, общее и частное губернские управления) коллегиальных совещательных органов в виде советов. Однако они нисколько не ограничивали единоличную власть генерал-губернаторов.

Аналогичная управлению генерал-губернаторствами модель была создана и на нижестоящих уровнях: губернском и окружном.

Важнейшим нормативным актом, принятие которого ознаменовало новую реформу местного управления и который определил обязанности губернаторов в Российской империи, стал «Общий наказ гражданским губернаторам» от 3 июня 1837 г. Согласно данному документу, губернатор получил официальное наименование «хозяина губернии», его права значительно расширились, в особенности в сфере управления своей территорией. В «Наказе» определялась двойственность деятельности губернатора,

с одной стороны, как высшего представителя государственной власти и блюстителя законов, а с другой – как администратора. Таким образом, губернатор одновременно верховенствовал в губернском правлении, осуществлял права ревизии и надзора, а также реализовывал административно-хозяйственные полномочия через различные комитеты, приказы и комиссии [13, с. 8].

Вместе с тем предусматривалось, что действие «Наказа» не будет распространяться на Сибирский край, как имеющий свои особые учреждения. Несмотря на это, часть положений «Наказа» была реализована в практической деятельности гражданских губернаторов Сибири.

Следующим этапом административной реформы Николая I стало опубликование в 1845 г. «Учреждения губернских правлений», где были подробно прописаны все аспекты деятельности gubernского правления. Подобно «Наказу» новое «Учреждение» не распространялось на Сибирь, Западная и Восточная части которой по-прежнему управлялись согласно «Сибирского учреждения» от 1822 г.

Таким образом, можно сделать вывод, что для административно-территориальной политики Российской империи в Сибири была характерна излишняя централизация, бюрократизация и концентрация власти. В своем подавляющем большинстве высшие должностные лица Сибири превращались в подлинных хозяев региона.

Список источников

1. Бакшеев А. И. Анализ проблем определения функций государства в период НЭПа. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 3. С. 102–110.

2. Baksheev A. I., Panasenko G. V., Aisner L. Yu., Bershadskaya S. V., Musat R. P., Rakhinsky D. V. Government regulations of industry in nep Russia during the period 1921–1923 and how it worked in practice with particular reference to Siberia // Opcion. 2018. Т. 34. № 85. С. 854–867.

3. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев и др. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 696 с.

4. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917 / под общ. ред. Б. В. Грызлова, гл. ред. Н. Ф. Самохвалов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.

5. Дамешек И. Л., Дамешек Л. М., Зиновьев В. П., Ремнев А. В., Суворова Н. Г., Шахеров В. Л., Шиловский М. В. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение. 2007. 368 с.

6. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995. 237 с.

7. Коновалов И. А. Управление и административно-территориальное устройство Сибири в XVIII в. // Вестник Омского университета. 2002. № 4. С. 15–19.

8. Гаращенко А. Н. Законодательная база взаимоотношений генерал-губернаторов и гражданских губернаторов и особенности ее действия в Восточной Сибири в период от «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) до середины XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 118–128.

9. Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудаков О. В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск, 2003. 196 с.

10. Бакшеев А. И. Проблемы функционирования советского государственного аппарата Сибири в первой половине 1920-х гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2011. № 1(9). С. 123–131.

11. Бакшеев А. И. К вопросу о характере «колониальной зависимости» Сибири в XIX – первой четверти XX в. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 1. С. 9–13.

12. Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С. Особенности административно-территориального положения России в начале XIX века (на примере Сибири) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 30–33.

13. Алексеев С. А., Михеева Ц. Ц. Управление губерниями по «Наказу губернаторам» 1837 г. // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2008. № 2. С. 5–12.

В. А. Бурлаков
Нотариальная палата
Республики Бурятия

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ И УЧРЕЖДЕНИЕ НОТАРИАТА В ЮЖНОМ ПРИБАЙКАЛЬЕ

Аннотация. Нотариальные органы, действующие в южном Прибайкалье на территории современной Республики Бурятия, имеют достаточно длительную историю, уходящую корнями в XVII в. На протяжении всего периода развития нотариального института в регионе он был безусловно поддержан как предпринимательским сообществом в лице купцов и промышленников, так и представителями других слоев населения, нуждавшихся в законном удостоверении юридически значимых актов. Статья посвящена анализу условий и особенностей образования нотариальных органов в системе Читинского окружного суда в период осуществления мероприятий судебной реформы в Восточной Сибири.

Ключевые слова: южное Прибайкалье, нотариат, нотариус, судебная реформа, Читинский окружной суд

Abstract. Notarial authorities operating in the southern Baikal region on the territory of the modern Republic of Buryatia have a fairly long history, dating back to the 18th century. Throughout the entire period of development of the notarial institution in the region, it was unconditionally supported both by the business community represented by merchants and industrialists, and by representatives of other segments of the population who needed legal certification of legally significant acts. The article is devoted to the analysis of the conditions and features of the formation of notarial bodies in the system of the Chita District Court, which took place during the implementation of judicial reform measures in Eastern Siberia.

Keywords: southern Baikal region, notary, judicial reform, Chita district court

Изучение опыта развития нотариата в различных исторических условиях сегодня призвано выполнять свою роль в воспитании преемственности, особого корпоративного духа нотариата, основанного на чувстве профессионального долга, справедливости, компетентности и равенстве перед Законом. История развития института нотариата в общенациональном и региональном измерении сегодня является важной составной частью работы органов самоуправления ФНП России. В теоретическом осмыслении собранных документальных материалов существенную роль сыграли исследования российских историков регионального нотариата [4; 5; 6; 7; 9; 10; 11].

История нотариата современной Республики Бурятия включает в себя периоды действия публичных нотариусов и маклеров при городских органах местного самоуправления, нотариусов при Читинском окружном суде, нотариусов при народных судах Дальневосточной республики, государственный нотариат в составе органов юстиции РСФСР. Формирование

условий для учреждения органов нотариата тесно связано со становлением административно-правовой системы в Прибайкалье, включавшей органы регионального государственного управления и местные органы власти, в том числе органы самоуправления коренного местного населения.

Характерной чертой, воспроизводившейся в истории нотариата ряда регионов Сибири и Дальнего Востока России является то, что отставание в принятии решений со стороны центральных и региональных органов государственной власти компенсировала «местная инициатива» со стороны купечества, органов городской власти и органов местного самоуправления. В частности, ряд важнейших решений об учреждении органов нотариата здесь были приняты «снизу», либо местными корпоративными органами, объединившими свободных предпринимателей, либо городскими Думами, и лишь спустя некоторое время были либо санкционированы, либо отклонены центральными или региональными органами государственной власти [6, с. 134; 11, с. 39–45]. В результате местные нотариусы и маклеры при городских ратушах и магистратах действовали в условиях законодательной неопределенности, а сама нотариальная функция достаточно долго была распылена между различными органами государственного и местного управления.

Формальную и законодательную определенность органы нотариата обрели здесь лишь после 1 июля 1897 г., с проведением мероприятий по реформированию судебной системы и созданию новых органов юстиции в соответствии с «Уставами и установлениями Александра II». Формирование при суде самостоятельного нотариального учреждения стало одной из частей судебной реформы, начавшейся с Указа Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. Судебным Уставом – Учреждением о судебных установлениях было определено нахождение нотариусов при судебных местах и под надзором судебных мест [5, с. 83; 10, с. 821].

В первые дни от вступления на престол, 15 мая 1896 г. Николаем II был подписан Величайший Рескрипт Министру юстиции, статс-секретарю, тайному советнику Николаю Валериановичу Муравьеву, направленный на преобразование судебной части в Сибирских губерниях. В частности, он подчеркивал, что «...заселение и упорядочение Сибири сделали значительные успехи, в чем я лично убедился при посещении в 1891 г. С тех пор, под влиянием начатой постройки рельсового пути от Урала к Великому океану и других мероприятий, направленных к удовлетворению различных нужд Сибири, развитие в ней гражданской жизни настолько продвинулось вперед, что современным насущным потребностям уже вовсе не соответствует устарелый и несовершенный судебный строй... Своеобразие естественных и бытовых условий этого края, существенные отступления от правил, применяемых во внутренних губерниях, ставит особые задачи вызывающие необходимость допустить в устройстве и порядке действия нового Сибирского суда» [3].

Торжественное открытие новых судебных установлений на началах судебных уставов 1864 г. состоялось в губернском городе Иркутске 2 июля

1897 г. Создание Иркутской судебной палаты и входящих в ее состав окружных судов: Иркутского, Томского, Красноярского, Читинского, Благовещенского, Приморского, Порт-Артурского и др., стало одним из завершающих этапов судебной реформы, как справедливо отмечали историки, лучшего творения императора Александра II.

Новообразованной Иркутской судебной палате непосредственно подчинялся и Читинский окружной суд Забайкальской области, в компетенцию которого вошла и территория современной Бурятии. В ходе реформы судебных учреждений в Восточной Сибири были образованы нотариальные конторы новой формации.

Как предписано было Положением о нотариальной части, в структуре судебного установления Читинского окружного суда состоял нотариальный архив под заведыванием старшего нотариуса. В судах Сибири исполнение обязанности старшего нотариуса и заведывание нотариальным архивом возлагались поочередно на одного из членов суда. В свое время должность старшего нотариуса Читинского окружного суда исполняли члены суда М. П. Белоровский, П. Д. Попов, П. Д. Ляпустин, М. К. Лысый-Лысовский, В. И. Смигальский и др.

Приказом исполняющего дела Старшего Председателя Иркутской судебной палаты, действительного статского советника В. А. Гурчина от 25 сентября 1898 г. № 67, опубликованном в официальной части «Иркутских губернских новостей» было установлено, что «определяется на должность нотариуса Читинского окружного суда по г. Верхнеудинску канцелярский служитель Петр Яковлев Шангин» [8]. Его нотариальная контора открыла двери для всех желающих в 1899 г. в доме Скрынниковой по Почтамтской улице (ныне Соборная). По прошествии нескольких лет, вследствие улучшения благосостояния нотариуса, контора поменяла адрес, переместившись в собственный дом супруги нотариуса, Екатерины Филипповны Шангиной, на угол улиц Большой (Ленина) и Закалтусной (Профсоюзная).

Ввиду превышения спроса на нотариальное свидетельствование над возможностью его потребления, в 1905 г. Министерством юстиции в штат нотариусов по Верхнеудинску была добавлена еще одна единица. Увеличение числа нотариальных вакансий было обосновано и мотивировано губернскими властями с тем, чтобы в нотариальной среде не создавалось конкуренции, и каждый нотариус получал бы достаточный для исполнения своих обязанностей доход.

По успешным результатам испытания приказом председателя Иркутской судебной палаты 6 октября 1904 г. А. А. Вержбицкий назначен нотариусом по городу Мысовску. Приказом старшего председателя Иркутской судебной палаты № 33 от 15 июля 1905 г. был назначен на открывшуюся дополнительно вторую должность нотариуса в Верхнеудинске. После сложения полномочий П. Я. Шангиным освободившееся место занял читинский мещанин Николай Иванович Белозерцев, «1881 года рождения, вероисповедания православного, образование получивший домашнее, узами

брака не связанный». Приказом старшего председателя Иркутской судебной палаты от 6 октября 1904 г. назначался нотариусом города Баргузина, имевшего статус города Забайкальской области.

До переезда в Баргузин Н. И. Белозерцев около шести лет прослужил старшим письмоводителем в конторе Читинского нотариуса Иннокентия Ивановича Соболева. Характеризовался работодателем как «человек безусловно трезвый, честный и исполнительный, всегда на службу являвшийся аккуратно, характера не злобливового, а доброго. Письменную и нотариальную часть знающий хорошо» [1]. В Баргузине он служил в должности нотариуса всего два года (назначен 6 октября 1904 года, приказом от 27 октября 1906 г. переведен нотариусом в г. Верхнеудинск) [2]. Вакантные должности нотариусов были замещены, однако в течение дореволюционного периода наблюдалась определенная «ротация» нотариусов, связанная со стремлением занять должности в относительно крупных городах Забайкалья.

В историю российских нотариальных учреждений вписали свои имена такие выдающиеся деятели нотариата, как П. Я. Шангин, С. Д. Макаренко, А. А. Вержбицкий, Н. И. Белозерцев, В. Х. Олехнович, И. И. Луковкин, С. А. Росушевский и др.

Само учреждение органов нотариата в Забайкалье и его развитие были тесным образом связаны с общественно-экономическим развитием региона. Начиная с августа 1899 г., поезда, следующие по Транссибу, регулярно стали доставлять к перрону Верхнеудинского вокзала множество прибывшего на постоянное жительство разного люда из ближних и дальних мест. Прокладка железной дороги внесла значительные коррективы в экономический статус городов региона. Железная дорога одновременно экономически «убила» Кяхту и сделала Верхнеудинск независимым от Иркутска торговым центром, к которому тяготели забайкальские города. Оказавшись в очень выгодном положении – на пересечении железнодорожной магистрали, судоходной Селенги и трактов на Кяхту и Баргузин, в центре густонаселенного и хлебородного района, он стал крупнейшим в Забайкалье экономическим центром и транспортным узлом. Экономическая модернизация пореформенного периода, в орбиту которой целенаправленно была втянута и Сибирь, в значительной степени изменила ее экономическое «лицо».

Свободная конкуренция в торговле, формирование рыночной инфраструктуры, интенсификация золотодобычи, укрупнение промышленных предприятий, прокладка Транссибирской магистрали способствовали быстрой капитализации региона, стремительному ускорению денежных оборотов, «приближению» Центральной России к Сибири. Этому процессу в немалой степени помогло учреждение в Прибайкалье органов нотариата, установление законных и принятых большинством населения правил гражданского оборота, закрепление и защита прав собственников посредством нотариального засвидетельствования.

Список источников

1. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 43.Оп. 2. Д. 95. Л. 7.
2. ГАЗК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 65. Л. 53–53 об.
3. Домерщиков М. П. Временные правила о применении судебных уставов в губерниях и областях Сибири, с законодательными мотивами и разъяснениями / сост. с разреш. г. министра юстиции, чл. консультации при М-ве юст. М. П. Домерщиков. Неофиц. изд. СПб.: Н. К. Мартынов, 1897. С. 1, 2.
4. Друзяка А. В. История нотариата на Дальнем Востоке России: в 2-х т. Т. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 212 с.
5. Друзяка А. В. Организационная трансформация публично-правового института нотариата на Дальнем Востоке России (1879–1990-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 11 (61): в 3-х ч. Ч. II. С. 82–86.
6. Друзяка А. В. Нотариат в Приамурском генерал-губернаторстве: особенности формирования, деятельность (1897–1917 гг.) // Клио. 2015. № 1. С. 133–137.
7. Жулаева А. С., Карчаева Т. Г., Немтушкина М. А., Северьянов М. Д. Нотариат Красноярского края: история и современность / ред. кол.: А. С. Жулаева, Т. Г. Карчаева, М. А. Немтушкина, М. Д. Северьянов. Красноярск: ИД «Класс Плюс», 2018. 288 с.
8. Иркутские губернские ведомости. 14 октября 1898.
9. Карчаева Т. Г., Жулаева А. С., Задорин А. В., Северьянов М. Д. Нотариат Республики Хакасия: история и современность. Абакан: 2019. (Золотые страницы российского нотариата). 286 с.
10. Карчаева Т. Г., Жулаева А. С., Северьянов М. Д. Судебный нотариат и нотариусы Енисейской губернии в 1897–1917 гг. // Былые годы. 2019. № 52. Вып. 2. С. 821–829.
11. Карчаева Т. Г. Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии / Т. Г. Карчаева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 1 (73). С. 39–45.

В. С. Головки¹,
В. В. Исаев² (научный руководитель)
^{1,2} Алтайский филиал РАНХиГС
Барнаул, Россия

СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ В ИСТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОРНОЗАВОДСКУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос роли Императорской Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов в истории Алтайского края во второй половине XIX – начале XX в. В работе проведен анализ деятельности Канцелярии на территории Алтайского края. Целью работы является определение роли деятельности Канцелярии в истории Алтайского края.

Ключевые слова: Алтайский край, Барнаул, Императорская Канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов, Демидов, Томская губерния

Abstract. The article discusses the role of the Imperial Chancellery of the Kolyvano-Voskresensk mining plants in the history of the Altai Territory in the second half of the 19th and early 20th centuries. The paper analyzes the activities of the Imperial Chancellery of the Kolyvano-Voskresensk mining plants in the Altai Territory. The aim of the work is to determine the role of the activities of the Imperial Chancellery of the Kolyvano-Voskresensk mining plants in the history of the Altai Territory in the second half of the 19th and early 20th centuries.

Keywords: Altai Territory, Barnaul, Imperial Office of the Kolyvano-Voskresensk Mining Plants, Demidov, Tomsk Province

С середины XIX в. Императорская Канцелярия Колывано-Воскресенских горных заводов была главным органом власти на территории Алтайского уезда, который в свою очередь входил в состав Томской губернии.

Основание горных заводов на территории Томской губернии связано с фамилией Никиты Демидова, который основал в Барнауле сереброплавильный завод.

До середины XIX в. на Барнаульском сереброплавильном заводе выплавляли 90 % всего российского серебра, таким образом, он являлся крупнейшим предприятием страны по производству металлов, в частности серебра, практически не имея конкурентов [1, с. 263]. Вопрос конкуренции, а точнее монополии демидовского завода, изменился еще в 1721 г., во время противостояния между Демидовым-старшим и государственной властью, в лице управляющего уральскими заводами Татищевым, который в 1720–1721 гг. проводил политику развития казенных предприятий, которые в дальнейшем передавались в частные руки. В результате

конфликта Демидов потерял монополию, что в дальнейшем существенно повлияло на учреждение Императорской Канцелярии.

После смерти сына Никиты Демидова, Акинфия, завод был национализирован. Именно с этого хронологического отрезка идет отсчет времени существования Императорской Канцелярии Колывано-Воскресенских горных заводов. В 1830 г. Колыванские заводы, оставаясь собственностью Кабинета Его Величества, были переданы в ведение Министерства финансов. В 1831 г. Колывано-Воскресенские заводы были переименованы в Алтайские.

С отменой крепостного права в России горнозаводская промышленность Алтая, основанная на крепостнической системе производственных отношений, вступила в полосу кризиса. В 1892 г. было принято решение о закрытии сереброплавильного производства на Алтае. Барнаульский сереброплавильный завод изменил свой профиль и после модернизации стал лесопильным заводом.

С преобразованием в 1828 г. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Горное правление завершилась в основных чертах эволюция главного ведомственного учреждения округа. Прежде всего, был утвержден де-юре принцип единоначалия в управлении за счет придания присутствию Горного правления совещательного характера. Решающим голосом в нем обладал только начальник заводов, остальные четыре советника, с 1856 г. – пять, совещательным голосом – с правом предъявления протеста в Кабинет в случае несогласия с мнением председателя. В целом единоначалие в большей степени, чем коллегиальность, соответствовало запросам горнозаводского производства. Оно оперативно ускоряло процесс принятия важных решений.

В организационно-структурном плане Горное правление больше, чем Канцелярия горного начальства, соответствовало уровню зрелого бюрократического организма. Его ядро состояло из четырех, а с 1856 г. пяти, отделений, которые в свою очередь дробились на 12–15 ячеек-столов. Каждый такой стол заведовал строго определенным кругом дел. По штатам 1849 г., кроме двух секретарей, делопроизводителей и многочисленного обслуживающего персонала, в рабочий аппарат органа входили: аудитор по следственным и судебным делам, экзекутор, бухгалтер, контролер, архивариус, архитектор, механик. В целом успешная деятельность этого учреждения зависела от квалификации его 133 штатных сотрудников, с 1856 г. – 171, содержание которых обходилось заводской казне более 17 тыс. руб. серебром. В непосредственном подчинении Горному правлению состояли руководители Главной чертежной и лаборатории, инспектор врачебной части, управляющий окружным училищем, горный ревизор частных золотых промыслов.

С 1822 по 1863 г. глава окружной администрации был наделен полномочиями томского гражданского губернатора. Хрестоматийным стало утверждение генерал-губернатора Западной Сибири А. О. Дюгамеля: «Эта комбинация была ошибочна во всех отношениях; она была главной причиной того, что Томская губерния всегда управлялась хуже всех остальных

Российских губерний» [2, с. 165], т. е. на территории Алтайского горного округа в системе административного управления, по сути, существовало двоевластие.

Отдельного внимания заслуживает структура должностных лиц. В 1830–1864 гг. высшее должностное лицо кабинетских заводов по образцу Уральского горнопромышленного района именовалось главным начальником. Проводя значительную часть времени в Томске, в инспекционных поездках по территории округа и губернии, он осуществлял общее руководство предприятиями Алтая и освобождался от ответственности за текущие дела в Горном правлении. Обязанность вникать во все подробности управления горнозаводским производством и людьми была возложена на местного горного начальника и его помощника, являвшегося старшим советником Горного правления. При главном начальнике состояли особый канцелярский отдел из правителя дел, его помощника, нескольких, с 1834 г. – адъютанта и обер-офицера для особых поручений.

Список источников

1. Исаев В. В. Культурно-исторический потенциал горнозаводской эпохи города Барнаула как уникальный ресурс регионального туризма Алтайского края // Географические исследования Сибири и Алтае-Саянского трансграничного региона: материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 262–267.

2. Пережогин А. А. Макроуровень местного управления кабинетских заводов Западной Сибири (1747–1863 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. С. 159–166.

А. П. Дементьев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО СОЗДАНИЮ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1917 Г.

Аннотация. Рассматривается деятельность комитетов общественной безопасности Енисейской губернии по правовому оформлению местных органов власти в период марта – апреля 1917 г. Проанализированы инструкции, постановления и проекты комитетов, регламентирующие порядок формирования и функции органов местного самоуправления.

Ключевые слова: революция, КОБы, Енисейская губерния, самоуправление, нормотворчество

Abstract. This paper considers the activity of the public safety committees of the Yenisei's Gubernia on the legal registration of local authorities in the period of March – April 1917. The instructions, resolutions and projects of the committees which regulate the procedure for the formation and functions of local self-government bodies are analyzed.

Keywords: revolution, public safety committees, the Yenisei's Gubernia, self-government, rulemaking

В ходе Февральской революции 1917 г. в Российской империи за несколько дней был ликвидирован общественно-политический строй, существовавший в России более трёх столетий. На местах, возникший вакуум власти, заполнили различного рода общественные комитеты, получившие обобщенное название – комитеты общественной безопасности (КОБы). В их деятельности нашел отражение демократический потенциал российского общества [1, с. 299].

В период марта – апреля 1917 г. происходил поиск оптимальной модели организации власти на местах. КОБы, вынужденные функционировать в условиях отсутствия какой-либо правовой базы, сами определяли свою структуру, форму организации, функции. В результате система организации власти на местах в первые послереволюционные месяцы отличалась большим разнообразием. Например, в Томской губернии в марте 1917 г. губернский КОБ разработал и реализовал проект создания органов местного самоуправления – губернского, уездных и городских народных собраний. В губернии была создана специфическая модель местного самоуправления. Законодательная власть сосредоточивалась в руках сельских, волостных, уездных, городских и губернского народных собраний, исполнительная – в соответствующих исполнительных комитетах [2, с. 39]. Но-

вая структура органов местной власти оформилась к середине лета 1917 г. и просуществовала до создания земских органов осенью 1917 г. [3, с. 117].

В данном контексте представляет интерес опыт «самочинного» нормотворчества комитетов Енисейской губернии. Несмотря на обилие публикаций по истории КОБов [1, 4, 5] их деятельность по правовому оформлению местных органов власти в губернии является малоизученной.

В городах Енисейской губернии КОБы были образованы с 3 по 5 марта на совместных заседаниях городских дум и представителей общественных организаций. Практически сразу после крушения монархии они взяли на себя властные функции по управлению общественной жизнью, выразили доверие Временному правительству и заявили о полном признании нового строя, призвав все учреждения работать в обычном режиме. КОБы инициировали упразднение старой администрации и полиции, создание народной милиции, института участковых комиссаров для наблюдения за общественным порядком и спокойствием. Контроль над деятельностью правительственных учреждений осуществляли уполномоченные комитетами комиссары.

Комитеты возникали как органы, сформированные на многопартийной и коалиционной основе; с первых дней они привлекли к себе внимание всех организаций, учреждений и политических партий. В мае 1917 г. Красноярский КОБ заявлял, что «имеет в своем составе представительство от всех слоев населения города» [6, 3 мая]. Численность комитета в марте – апреле 1917 г. достигла порядка 180 чел., в нем было представлено около 100 различных общественных организаций, по норме представительства – 1–2 человека от организации [7 л. 3]. В большинстве это были демократические организации работников образования, служащих и рабочих, солдат воинских частей, потребительские общества, различные культурные, просветительские, благотворительные организации, а также партии эсеров, социал-демократов, кадетов [8, л. 1–5].

В партийном отношении в составе и руководящих органах КОБов преобладали социалисты различных направлений. Председателем красноярского КОБа был выбран известный общественный деятель В. М. Крутовский, который являлся беспартийным, но разделял взгляды эсеров; Минусинского – народный социалист П. А. Бахов. В Енисейске комитетом руководил меньшевик К. Г. Петунин, его заместителем стал большевик А. Г. Перенсон, секретарем – большевик С. М. Иоффе.

Существенное влияние на социальный и партийный состав комитетов в марте – начале мая 1917 г. оказало их взаимодействие с Советами рабочих и солдатских депутатов, которые для координации усилий и проведения совместной работы направляли в них своих представителей. Так, 6 марта было организовано Соединенное исполнительное бюро КОБа и Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов в составе 12 человек (6 от КОБа и 6 – от Совета). Председателем Соединенного бюро был выбран В. М. Крутовский, заместителями – эсер В. Я. Гуревич и большевик А. Г. Шлихтер [9, с. 121]. Данное бюро стало действовать как

губернский орган власти. По примеру Красноярска соединенные бюро комитетов и Советов были созданы в Канске и Енисейске [10, с. 33–36].

В процессе создания и практической деятельности комитетов выработывалась и закреплялась их структура. В Минусинске деятельностью комитета руководил исполнительный совет в составе председателя, товарища председателя, секретаря и пяти членов; в Канске и Красноярске – исполнительное бюро. В Енисейске для осуществления власти комитета была избрана исполнительная комиссия в составе председателя, товарища председателя, казначея и шести членов.

В условиях отсутствия обновленного законодательства о местном самоуправлении КОБы первоначально настаивали на временном пополнении городских дум представителями демократических организаций или проведении новых выборов. Так, в Минусинске демократизация состава думы выразилась в пополнении ее представителями демократических организаций: десять человек от Совета рабочих и солдатских депутатов, пять – от КОБа, по трое от кооперации и союза учителей, двое от союза увечных воинов [11, 26 апреля].

В Красноярске КОБ для организации демократических выборов в думу в середине марта создал подготовительную комиссию по техническим вопросам с полномочным участием в ней представителей от Совета, КОБа и городской думы. В комиссию было избрано по два представителя от каждого учреждения. 28 марта проект положения о выборах в городскую думу был принят комиссией и поступил на рассмотрение указанных организаций.

Проект был основан на принципах всеобщего избирательного права, которое получали все граждане, достигшие 18 лет, никаких ограничений для лишенных прав и недееспособных не предполагалось. Город планировалось разделить на 15 избирательных участков, а список кандидатов могла выставить любая группа граждан, численностью от 10 человек. Предполагалось избирать по 1 гласному от 500 жителей города [6, 2 апреля]. Проект не был реализован ввиду того, что 15 апреля Временное правительство приняло «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум».

Минусинск стал единственным городом в губернии, где были организованы всеобщие, равные и тайные выборы в КОБ. Местная печать озвучивала идею, что только через выборы можно в большей степени отразить настроения населения. Согласно разработанному КОБом положению, в выборах могли участвовать лица обоего пола, достигшие 20-летнего возраста. От выборов отстранялись умалишенные, ограниченные в правах по суду за уголовные преступления и иностранные подданные. От каждого 150 граждан города в комитет выбирался 1 депутат [11, 2 апреля].

Всего было избрано 37 человек. Как констатировала газета «Свобода и труд», комитет состоял из представителей «самой широкой и крайней демократии» [11, 20 апреля]. Из 18 членов нового Минусинского КОБа,

чью партийность удалось установить (48,6 % от общего числа): 3 человека являлись энесами, 7 – эсерами, 8 – социал-демократами [11, 15 апреля].

С первых дней революции в деревне развернулся процесс ликвидации волостных и сельских правлений, упразднения крестьянских начальников и образования выборных крестьянских комитетов, получивших название КОБы – по подобию городских комитетов. Сельские КОБы создавались как самими крестьянами на сельских и волостных сходах, так и по инициативе городских и уездных комитетов, которые создавали специальные инструкции для крестьян и отправляли агитаторов в деревню. Так, по инициативе Канского КОБа и Совета солдатских депутатов в уезд были направлены 30 человек из гарнизона, которые должны были организовать выборы в волостные комитеты [12, 11 апреля].

Солдаты должны были действовать в соответствии с инструкцией по организации крестьянского самоуправления, созданной общими усилиями Канского Совета солдатских депутатов и КОБа в начале марта 1917 г. [12, 11 апреля]. Крестьянам предлагалось создавать сельские общественные комитеты в составе не менее 3-х человек. Члены комитета должны были вступить в исполнение обязанностей: старосты – председатель комитета, писаря – секретарь комитета и начальник сельской милиции – помощник председателя комитета. Волостные комитеты избирались выборными от каждой деревни. Они должны стать во главе всех организаций в пределах волости, кроме волостных и мировых судов.

Данная инструкция не отличалась подробностью, не были прописаны порядок избрания комитетов и их полномочия. Тем не менее КОБы стали самой массовой и влиятельной крестьянской организацией. Уже 22 апреля в Минусинском уезде волостные комитеты были созданы в 67 % волостей [11, 26 апреля]. К маю 1917 г. КОБы были созданы во всех волостях и в большинстве сел Енисейской губернии.

По требованию крестьян КОБы сосредоточили всю полноту власти в селе или волости, выполняли административные, экономические, иногда судебные функции. Именно с ними крестьянство связывало свои надежды на переустройство жизни и улучшение условий хозяйствования. Они явились исполнителями воли сельских сходов, придавая их решениям законный характер [13, с. 31]. КОБы в сельской местности будут действовать вплоть до осени 1917 г., до создания волостных земских управ, а в ряде мест и до лета 1918 г.

В апреле 1917 г. Красноярский КОБ предпринял попытку разработать обширное законодательство для организации в губернии постоянных выборных органов местной власти. На обсуждение съезда представителей сельских обществ и комитетов Красноярского уезда (7–10 апреля 1917 г.) была вынесена инструкция «Об устройстве сельских, волостных, уездных и губернского органов временного гражданского самоуправления Енисейской губернии» [14, с. 85–86]. Съезд, проходивший под идейным влиянием эсеров, утвердил инструкцию. Съезд крестьян Ачинского уезда 15 апреля 1917 г. также утвердил данную инструкцию, но в рамках уезда [15, 25 апреля].

В инструкции определялось, что власть на местах должна принадлежать сельским, волостным, уездным и губернскому общественным собраниям. Их исполнительными органами являлись комитеты соответствующего уровня.

К участию в собраниях допускались лица обоего пола, достигшие 18 лет, проживающие в поселении не менее 6 месяцев, кроме лишенных и ограниченных по суду в правах, «глухонемых, не имеющих возможности выразить свою волю, и лиц, признанных в установленном порядке слабоумными или умалишенными» [16, с. 3]. Обсуждению и решению собраний подлежали все дела, касающиеся управления, благоустройства и общественной безопасности определенной территории.

Комитеты, заменяли собою органы прежнего управления на местах и должны были заведовать охраной общественной безопасности, местным благоустройством. Действия комитетов подлежали контролю собраний, которые могли устранить и заменить их членов. При этом решения собрания не подлежали ничьему утверждению и могли быть отменены только в случае нарушения законодательства [16, с. 4].

Волостное собрание формировалось путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования из расчета 1 представитель от 50 граждан; уездные – 1 представитель от 1 000 граждан; губернское – 1 от 5 000 граждан. Из своей среды волостные и уездные собрания избирали комитеты соответствующего уровня в составе председателя, не менее 2-х членов и 2-х кандидатов к ним. Срок полномочий комитетов составлял – 1 год. Губернский комитет должен был состоять из председателя и не менее 4-х членов и 2-х кандидатов к ним. Инструкция также определяла порядок деятельности комитетов и собраний, регламентировала порядок реализации их полномочий, и ведения заседаний [16, с. 6,9,11].

Сущность этой реформы заключалась в проведении демократических выборов, формировании собраний различных уровней и избранию ими исполнительных комитетов. В результате органы местного управления обрели бы легитимный статус и на практике реализовался принцип разделения властей. Однако в жизнь данная инструкция проведена не была, ввиду решения вопроса о местном самоуправлении Временным правительством, которое запретило проведение выборов в различные местные комитеты по постановлениям, разработанным на местах.

Инициативы КОБов по созданию местного законодательства вызвали неоднозначную оценку среди политических сил. Кадеты были убеждены, что законодательная прерогатива до созыва Учредительного собрания должна принадлежать исключительно Временному правительству. Поэтому они резко осудили проект красноярского КОБа «Об устройстве сельских, волостных, уездных и губернского органов временного гражданского самоуправления Енисейской губернии». По их мнению, стремясь придать этому документу силу закона комитет присваивал себе законодательные функции центрального правительства, что в конечном счете «приведет к анархии». Либералы критиковали проект, в том числе, за излишние

полномочия комитетов, что могло привести к произволу: «от него так и пахнет временщиной грозного» - писала «Свободная Сибирь». По мнению кадетов, подобные нормативные акты могли создаваться только в форме инструкции, развивающей «общие положения закона или же обычая» [6, 29 марта].

В конечном итоге, к лету 1917 г. в условиях усиливающегося радикализма масс и начавшегося размежевания общественно-политических сил комитеты потеряли социальную опору и ушли с политической арены. Историк В.П. Булдаков назвал замену КОБов другими политическими институтами «роковой институциональной подвижкой» русской революции, так, как только комитеты несли в себе идею всенародного согласия [17, с. 180].

Таким образом, в период марта – апреля 1917 г. КОБы Енисейской губернии проводили активную деятельность по созданию новой системы местной власти. В первую очередь, была проведена демократизация состава городских дум и разработаны инструкции по созданию КОБов в сельской местности. Жители Минусинска первые в губернии провели всеобщие, равные и тайные выборы в местный комитет. Итогом нормотворческой деятельности комитетов стала разработка проекта устройства сельских, волостных, уездных и губернского органов временного гражданского самоуправления Енисейской губернии. В результате реализации проекта органы местного управления обрели бы легитимный статус в период демократического этапа революции и на практике реализовался принцип разделения властей. Однако воплотить в жизнь данный проект КОБы губернии не успели. Вопрос о местном самоуправлении был разрешен Временным правительством централизованно.

Список источников

1. Герасименко Г. А. Первый акт народовластия в России: Общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М.: Ника, 1992. 349 с.
2. Дробченко В. А. Народные собрания Томской губернии 1917 года: опыт реформы власти на региональном уровне // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Сборник научных статей / науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2014. С. 29–66.
3. Дробченко В. А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск, 2010. 550 с.
4. Захарова К. Л. Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна – лето 1917 г.) // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны: сибирская специфика. Сборник научных статей. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 3–28.
5. Дементьев А. П. Правительственные комиссары и Комитеты общественной безопасности в Енисейской губернии в 1917 г.: к вопросу о взаимоотношениях // Енисейская губерния – Красноярский край: 190 лет истории: VII краеведческие чтения. Красноярск, 2012. С. 113–117.
6. Свободная Сибирь (Красноярск). 1917.

7. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 36.
8. ГАКК. Ф. Р-1756. Оп. 1. Д. 9.
9. Гуревич В. Я. Февральская революция в Красноярске // Вольная Сибирь. Прага, 1927. № 2. С. 112–132.
10. За власть Советов: сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918 г.). Красноярск, 1957.
11. Свобода и труд (Минусинск). 1917.
12. Наш голос (Красноярск). 1917.
13. Зыкова В. Г., Якимова Т. В. Общественно-политическая жизнь сибирского крестьянства в 1917 г. // Из истории социальной и общественно-политической жизни Советской Сибири. Томск, 1992. С. 24–40.
14. Бабикова Е. Н. Двоевластие в Сибири. Томск, 1980. 158 с.
15. Ачинские известия (Ачинск). 1917.
16. Постановления съезда представителей от сельских обществ и комитетов Красноярского уезда, Енисейской губернии (7–10 апреля 1917 г.). Красноярск, 1917. 42 с.
17. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 376 с.

О. М. Долидович
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ТАМОЖЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ (1915–1921 ГГ.)

Аннотация. В статье рассматривается создание таможенных учреждений на юге Енисейской губернии в 1915 г. и их деятельность в годы Первой мировой войны, революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Их открытие стало частью общей геополитической стратегии Российской империи на центральноазиатском направлении в начале XX в. Целью являлось расширение сферы политического и экономического влияния в Монголии и Туве, совершенствование системы охраны границы в таможенном отношении.

Ключевые слова: *Восточная Сибирь, Гражданская война, Енисейская губерния, Минусинская таможня, Монголия, Первая мировая война, Тува, Усинский таможенный пост, Урянхайский таможенный пост*

Abstract. The author considers the creation of customs institutions in the south of the Yenisei province in 1915 and their activities during the First World War, the revolutionary events of 1917 and the Civil War. The opening of the customs in Minusinsk, the customs outpost in Uryankhai and the Usinsk customs post became part of the general geopolitical strategy of the Russian Empire in the Central Asian direction at the beginning of the 20th century. The goal was to expand the sphere of political and economic influence in Mongolia and Tuva, improve the system of border protection.

Keywords: *Eastern Siberia, Civil War, Yenisei province, Minusinsk customs, Mongolia, First World War, Tuva, Usinsky customs post, Uryankhai customs post*

Согласно современным исследованиям, после Русско-японской войны главный вектор азиатской геополитики России смещался с Маньчжурии на более безопасное и менее конкурентное центральноазиатское направление. На территории Монголии и Тувы интересы России сталкивались с интересами Китая [1]. Русский торговый капитал в условиях дефицита оборотных средств, состояния путей сообщения, транспорта и связи не выдерживал конкуренции с китайскими купцами, которые торговали западноевропейскими промышленными изделиями [2]. Тем не менее экономическая слабость уравнивалась успехами российской дипломатии. В 1911 г. Монголия объявила о выходе из Цинской империи и обратилась к Российской империи за поддержкой в формировании самостоятельного государства. В 1913 г. в результате российско-китайских переговоров в Кяхте Монголия получила права широкой автономии [3]. В 1912 г. провозгласила независимость Тува, а в 1914 г. Россия приняла ее под протекторат. Тува вошла в административное подчинение Енисейской

губернии под названием Урянхайского края. Учреждался пост комиссара по делам Урянхайского края, который являлся представителем иркутского генерал-губернатора и российского министра иностранных дел. Началось строительство первого города Тувы и ее административного центра – Белоцарска (современный Кызыл) [4, 5, 6]. Объявление протектората даже породило идею создания отдельной губернии в Саянах и южной части Приенисейского края и преобразования Минусинска в губернский город [7]. Однако все это не привело к ликвидации притязаний на Монголию и Туву со стороны Китая [8]. Наличие постоянного тувинского населения в Усинском пограничном округе (был создан в 1886 г. в южной части Енисейской губернии на границе с северной Монголией) обусловило территориальные претензии Тувы к этому региону [9].

В таких сложных условиях на рубеже XIX–XX вв. серьезному реформированию подвергалась система таможенной службы Восточной Сибири: создавалась специальная таможенная стража взамен казачьей и invalidной команд, в связи с изменением грузопотоков по Транссибирской магистрали открывались таможни I класса в Челябинске, Тюмени и Красноярске, вводились должности окружных ревизоров на Иркутской таможенной линии и др. Приграничные с Тувой и Монголией русские земли в бассейне Енисея входили в состав Минусинского округа Енисейской губернии. Здесь на внешней границе не существовало специализированной таможенной охраны, контроль за ввозом и вывозом товаров осуществляла полиция и акцизные органы. До 1909 г. функции таможни выполнял минусинский казначей при содействии Семипалатинского таможенного округа, позднее – акцизный надзиратель [10, с. 75., 11].

В 1913 г. состоялось заседание Государственной думы под председательством иркутского генерал-губернатора Л. М. Князева. Обсуждались вопросы торговли с Монголией и Урянхайским краем. Для контроля за движением товаров на юге Енисейской губернии было решено учредить таможенный надзор. 9 марта 1915 г. министр финансов направил рапорт Сенату об открытии Минусинской таможни II класса (в составе управляющего, контролера V разряда, трех досмотрщиков), таможенной заставы в Урянхае (управляющий, три досмотрщика) и Усинского таможенного поста (управляющий, три досмотрщика) в подчинении Семипалатинского таможенного инспектора. Выделялось 600 рублей на содержание четырех лошадей (по две на Урянхайский и Усинский таможенные посты) [12].

Инструкция для действия таможенных учреждений, расположенных на юге Енисейской губернии, была утверждена министром финансов 11 ноября 1915 г. Товары досматривались в Минусинской таможне, где владелец получал провозные ярлыки и мог следовать через Урянхайскую таможенную заставу, которая, сверив наличный груз с ярлыками, делала отметку. Разрешенные к вывозу в Урянхайский край и Монголию товары пропускались беспошлинно, но их следовало предъявить при отправке из Минусинска с оплатой канцелярского сбора – 20 копеек с 1 000 рублей оценки. От сбора освобождались товары, оцененные на сумму менее

50 рублей. Еще одна проверка следовала на Усинском таможенном посту. Грузы пошлинные и запрещенные, не предъявленные для таможенного досмотра, конфисковались. Дела о контрабанде вела Минусинская таможня, в то время как Усинский и Урянхайский посты только направляли туда протоколы и описи задержанных вещей. Китайские и монгольские товары были освобождены от оплаты таможенной пошлины, за исключением чая, но все равно подлежали регистрации. К ввозу в Россию были запрещены хлебное вино, водка, карты и все товары, ввоз которых не допускался по европейской границе. У пересекавших границу пассажиров проверялись паспорта [12, л. 106.].

Все финансовые операции (расходы на оплату труда, по найму и содержанию помещений и др.) создававшиеся таможенные посты должны были осуществлять через Минусинское казначейство. Таможенный инспектор Семипалатинского участка писал 8 августа 1915 г.: «Из трех, вновь учреждаемых на юге Енисейской губернии таможенных учреждений, только одна Минусинская таможня находится в местности, где имеется Казначейство. Это же – Минусинское казначейство – является ближайшим и по отношению к двум другим учреждениям – Урянхайской таможенной заставе и Усинскому таможенному посту, которые, однако, удалены от него на 350–440 верст весьма трудного, на значительном своем протяжении верхового пути, пересекающего Саянский горный хребет. Это обстоятельство в связи с отсутствием, как в месте нахождения новых учреждений, так и вообще по южному склону Саян почтовых и телеграфных учреждений, делает невозможным установление непосредственной связи их с Минусинским казначейством, на котором будут сосредоточены все необходимые для содержания их кредиты, почему распоряжение этими кредитами возлагаю впредь до указания опыта на Минусинскую таможню» [12, л. 14].

Задача вооружения и обмундирования штата новых таможенных служащих в условиях войны стала настоящей проблемой для таможенного инспектора Семипалатинской области. На вооружение досмотрщиков требовалось: в Минусинскую таможню – три шашки и три револьвера с 300 патронами, в Урянхайскую заставу и Усинский пост – по три шашки, по две винтовки с 200 патронами и по три револьвера с 300 патронами. В конце 1915 г. из запасов Департамента таможенных сборов в Минусинск было отправлено 9 шашек. В январе 1916 г. минусинские таможенники составили акт о том, что клинки полученных шашек были ржавыми, а ножны – расколотыми или сломанными, их пришлось сразу отдать в ремонт. Огнестрельное оружие (четыре 4,2-линейные винтовки пехотного образца и девять револьверов Смита и Вессона) пришло почтой из Артиллерийской части Омского военного округа, также не новое, а «бывшее в употреблении» [13, л. 1–5].

В марте 1916 г. Управление отдельного корпуса Пограничной стражи уведомило Департамент таможенных сборов о том, что не сможет заготовить обмундирование для таможенных чинов Енисейской губернии

до конца 1917 г., так как фабрики, выпускавшие ткани для обмундирования, работали исключительно на нужды военного и морского ведомства. Таможенный инспектор Семипалатинской области получил предписание изыскать возможность изготовить форму для таможенников в местных мастерских и прислать соответствующую смету. К маю 1916 г. из Пограничного центрального вещевого склада пришли вещи лишь для шести сибирских таможенников (мундиры, шаровары, шинели, фуражки и др. — предназначавшиеся для таможенников, которые были призваны на военную службу) [13, л. 1–5].

Бессменным управляющим Минусинской таможни стал коллежский асессор К.А. Киселев. Управляющему при создании таможни было положено жалование 428 рублей в месяц, к лету 1919 г. оно уже составляло 519 рублей. Контролер в 1919 г. получал 445 рублей в месяц, досмотрщики — по 255 рублей. Призванные по мобилизации на фронт сотрудники таможен в период нахождения в войсках сохраняли за собой должности по гражданской службе с правом их занять по увольнении из войск. Их семьи имели право на получение казенного пособия (кроме семей вольнонаемных служащих) [14, л. 5–6, 43–48].

Товарного движения в больших масштабах через Минусинскую таможню, заставу в Урянхае и Усинский пост не предвиделось изначально. Одной из главных причин было отсутствие дорог. Например, сообщение с Усинским округом производилось на вьючных лошадях, по горным тропам. Зимой также через горы и по льду Енисея, когда он совершенно замерзал. В 1911 г. началось строительство тракта от села Григорьевка Минусинского уезда до села Усинского Усинского округа Енисейской губернии протяженностью 170 верст. Однако к 1917 г. он не был закончен в полном объеме. Торговля шла интенсивно лишь в течение трех зимних месяцев, в другое время года практически замирая. К примеру, в январе 1916 г. общая стоимость вывоза товаров через Минусинскую таможню составила 43 553 рубля, вывоза драгоценных металлов — 2 648 рублей, ввоза — 2 556 рублей. Таможенные сборы за месяц составили 56 рублей, транзитных товаров не было, случаев контрабанды не выявлено. В сентябре 1916 г. были вывезены лишь ценные металлы на сумму 8 486 рублей [15, л. 1–3, 88]. Тем не менее, согласно распоряжению Совета министров, в условиях войны таможенные пункты должны были работать без выходных и праздничных дней [16, л. 9].

Согласно циркуляру Департамента таможенных сборов от 2 марта 1916 г. в Маньчжурию, Монголию и Западный Китай разрешалось вывозить: макароны, крупы, соль, чай (кроме зеленого байхового), перец, табак, лес, цемент, известь, нефть и изделия из нее (кроме бензина), уксус, хлопчатые ткани (кроме окрашенных в защитный цвет), галантерейные товары, войлок. Кроме того, в Маньчжурию можно было ввозить: молочные продукты (кроме сливочного масла), рыбу, птицу, дичь, кожаные изделия, меха (кроме бараньих, овечьих, козьих), одежду из шерсти, изделия из металлов (кроме платины, золота, меди). Рис, овощи (кроме сушеных), обувь

(кроме высоких сапог), каменный уголь, гудрон, лекарства – при условии, что отпуск товаров через таможенную не превысит среднегодовой нормы вывоза 1912 и 1913 гг. По железной дороге пропускали лишь те товары, которые шли на станции Китайской Восточной железной дороги и на юг от Харбина до Куанчендзы. В Монголию разрешалось вывозить (только русским купцам): хлеб любой (в зерне), картофель, рис, отруби и корма для животных, сухари, обувь, цветное сукно, серебро в слитках, изделия из металлов (кроме платины, золота, меди). Выделанную кожу юфть (специально для монгольской обуви), писчую бумагу – при условии, что отпуск товаров через каждую таможенную не превышал среднегодовой нормы вывоза 1913–1915 гг. Мешки и брезенты для упаковки сырья должны были вернуться обратно в течение 6 месяцев, за них следовало внести залог в размере полной стоимости [17, л. 80]. В декабре 1916 г. был запрещен свободный вывоз керосина в Маньчжурию, Монголию и Западный Китай [18, л. 2.]. К вывозу в Урянхайский край были разрешены: пшеница, овес, ячмень, мука и крупа всех сортов, гречиха, рис, просо, сухари, макароны, горох, картофель, крахмал, овощи, консервы, масла растительные, чай, табак, спирт, рыба и икра, обувь, семена, цемент и известь, асбест, деготь, смола, керосин, скипидар, соли и кислоты. Запрещенные к вывозу товары: резина, бертолетовая соль, дубильные вещества, порох, железо, медные изделия, свинец. Вывоз сахара из России разрешался только по акцизным удостоверениям [17, л. 230]. Через Минусинскую таможенную в Урянхайский край пропускали поставлявшиеся охотничьи ружья, дробь, порох, которые были необходимы русским промысловикам [16, л. 10].

В условиях Первой мировой войны деятельность таможенных служащих существенно осложнилась целым рядом дополнительных обязанностей. К примеру, частным лицам был запрещен вывоз из России золота в монетах и золотых изделий на сумму более 500 рублей. Китайские граждане пытались вывозить золото под видом массивных украшений – колец, браслетов, серег и др. 26 июля 1916 г. инспекторы таможен по границе с Китаем получили секретное предписание Департамента таможенных сборов вести тщательный досмотр багажа и лиц, пересекавших границу: «Помощник Гласного начальника Петроградского военного округа уведомил департамент, что по полученным им агентурным сведениям, через границу с Китаем, особенно через Маньчжурскую таможенную в больших количествах вывозится контрабандным путем золото, серебро и другие, запрещенные по обстоятельствам военного времени, товары» [17, л. 1–233, 143.]. Согласно распоряжению Департамента таможенных сборов следовало задерживать некоторые товары на адреса частных лиц, поскольку они были необходимы военному ведомству. Например, такое распоряжение пришло в январе 1916 г. относительно сырого нафталина и бертолетовой соли [16, л. 5].

Запрещался ввоз в Россию промышленных изделий из враждебных государств. Был составлен специальный реестр российских компаний и компаний из нейтральных и дружественных стран, которые занимались

поставкой в Россию товаров из Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии [19, л. 1–14]. Германские товары пытались провозить под видом товаров союзных или нейтральных государств. Например, печатные машинки ввозились без фабричных клейм фирм-производителей, тогда как на американских и английских машинках всегда ставились клейма. Проволоку и гвозди из Германии ввозили под французскими этикетками на коробках, семена фирмы «Эрнст Бенари» распространяла датская фирма «Ольсенс Энке». Торговый дом «Карл Нординг» отправлял из Копенгагена в Россию немецкие товары (карандаши, велосипеды, электрические лампы и др.) через торговых агентов в Финляндии. Из Шанхая отправлялись по почте партии поддельных лекарств немецкого происхождения под этикетками известных фирм, которые вели торговлю английскими лекарствами (Иванов и Сыновья, Р. В. Джонсон и сыновья и др.) [16, л. 16].

В годы войны сотрудники Минусинской таможни проверяли грузы «Сибирской компании», которые вывозились по Енисею за границу, чтобы среди них не было запрещенных к вывозу из страны по причине военного времени [17, л. 106.]. Компания Й. Лида совершила рейсы в устье Енисея в 1914, 1915 и 1916 гг. [см. подробнее 20].

По просьбе Военного министерства таможенные учреждения Семипалатинского таможенного инспекторского участка должны были задерживать бежавших в Китай пленных австрийцев и немцев [16, л. 27].

После Февральской революции 1917 г. Временное правительство приняло решение не реорганизовывать таможенную службу. В деятельности Минусинской таможни и таможенной заставы в Урянхае не произошло значительных изменений. В Усинском пограничном округе существовало порто-франко на ввоз монгольских и китайских товаров (кроме чая, за который взималась пошлина). Сохранялся запрет на ввоз в Россию алкоголя, в частности китайского [18, л. 66, 69].

К лету 1917 г. среди служащих таможен широко распространялась идея создания общероссийской профессиональной организации с целью защиты социальных прав и экономических интересов: «Через профессиональную организацию предполагалось решить целый ряд задач: добиваться улучшения материального положения прежде всего малообеспеченных (занимающих «низшие должности») членов союза; предоставления сотрудникам и семьям врачебной помощи «при минимальных затратах», а лучше бесплатной; решать жилищную проблему за счет предоставления казенных квартир не только чиновникам, но и досмотрщикам; обеспечить доступ к бесплатному образованию всех ступеней и создать возможности для самообразования через открытие при таможне библиотеки, организацию чтений и т. д.; разработать «пенсионный устав» с учетом местных особенностей; регулировать продолжительность рабочего дня; создать «примирительные камеры» (товарищеские суды) для разрешения возникающих между членами союза недоразумений» [21, с. 91]. На съезде в сентябре того же года был создан Всероссийский союз таможенных служащих. Однако организация отделения союза в Семипалатинском таможен-

ном округе была затруднена. В марте 1918 г. управляющий таможенными заставами округа писал: «Отдаленность таможенных учреждений Семипалатинского участка одно от другого и от управления участком, малочисленность личного состава местных учреждений, в особенности в настоящее время, когда часть служащих находится еще в армии, крайняя трудность сообщений по грунтовым дорогам, медленность письменных сношений и, наконец, невозможность созыва общего собрания всех служащих участка являются серьезными препятствиями к организации местного Семипалатинского отдела Всероссийского таможенного союза с соблюдением всех положений «Инструкции» для местных отделов названного союза. Тем не менее польза объединения всех служащих таможенных учреждений в самостоятельный отдел настолько очевидна, а значение Всероссийского таможенного союза и необходимость сношений с ним через местный отдел в такой мере важны в интересах каждого служащего, в особенности в наших далеких и глухих окраинах, богатых разнообразием местных условий и особенностей жизни и службы, что, по моему мнению, необходимо теперь же приступить к организации Семипалатинского отдела союза, причем придерживаясь лишь в основных чертах требований упомянутой «инструкции», осуществив эту задачу в пределах возможности, создаваемой вышеприведенными местными, исключительно неблагоприятными условиями» [22, л. 31–32]. Вследствие отсутствия возможности созвать общее собрание служащих не только участка, но и отдельных его районов из-за отдаленности таможенных постов, недопустимости отъезда от места службы, он предлагал провести письменное голосование и выбрать служащих, желавших вступить во Всероссийский таможенный союз.

После событий Октября 1917 г. Семипалатинское таможенное управление находилось в подчинении Таможенного отдела Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства. К зиме 1919 г. белогвардейские части, потерпев ряд поражений, стали отступать по всей линии фронта на восток. Проблемы со снабжением, нехваткой лошадей они планировали решить в том числе за счет восстановления активных торгово-экономических связей с Монголией и китайской провинцией Синьцзян. Однако даже те скромные объемы торговли, которые продолжали осуществляться, были почти полностью прекращены [23].

Сотрудники Минусинской таможни, Урянхайской заставы и Усинского поста продолжали свою обычную работу: взимали акцизы (с табака и папирос, гильз, бумаги, шерстяных тканей с востока), занимались сбором статистических данных (о количестве ввезенного и вывезенного товара, поступлениях, личном составе и деятельности таможен) и передавали их в Экономический отдел, боролись с контрабандным провозом спирта и чая и др. В июле 1918 г. были повышены оклады служащих таможен. Однако материально-техническая база непрерывно ухудшалась. Истощились запасы бандеролей, их заменяли бумагой. Управляющие таможенными заставами и постами доносили, что сложно приобрести лошадей для разъез-

дов, не хватало средств на их содержание. В июне 1919 г. Департамент таможенных сборов вынес предписание зачислять на казенное довольствие и использовать для разъездов вьючных и тягловых лошадей, задержанных с контрабандными товарами [24, л. 71].

В сентябре 1919 г. министры иностранных дел и торговли и промышленности признали необходимым перенести Урянхайскую таможенную заставу из Белоцарска в село Верхне-Усинское Енисейской губернии. Одновременно был усилен личный состав Минусинской таможни двумя стражниками при двух лошадях [24, л. 95]. Доходы Минусинской таможни за 1919 г. составили лишь 28 447 рублей [25].

После установления в Петрограде и Москве власти большевиков в Октябре 1917 г. на территории, подконтрольной Советскому правительству, таможенная служба была реорганизована. Согласно декрету Совета народных комиссаров от 29 мая 1918 г. временно до пересмотра Таможенного устава таможенные учреждения переходили под управление Народного комиссариата по финансовым делам по Департаменту таможенных сборов. К ведению центральных властей относилось право устанавливать размеры таможенных пошлин, конфискации неоплаченных пошлиной товаров, назначения, увольнения и передвижение по службе сотрудников. Областные и местные советы рабочих и крестьянских депутатов могли лишь наблюдать за деятельностью таможен через специально назначаемых комиссаров, не вмешиваясь в нее. Пропускные пункты по проверке паспортов выезжающих за границу и въезжающих в страну учреждались в местах действия таможенных пунктов. Порядок охраны государственной границы разрабатывался совместно Ведомством пограничной охраны, Департаментом таможенных сборов и местными советами рабочих и крестьянских депутатов [26, л. 7].

Декретом Совета народных комиссаров 19 июня 1918 г. Департамент таможенных сборов переименовывался в Главное управление таможенного контроля в подчинении Народного комиссара торговли и промышленности. Разрабатывались и вводились новые законоположения, регулировавшие деятельность таможен: «Временные правила о порядке пропуска следующих через границу лиц и принадлежащих им вещей, и о льготах, предоставляемых разным лицам и учреждениям», «Декрет о конфискации таможенными учреждениями товаров, денег и разного рода предметов», «Правила о ввозе и вывозе международных посылок по почте», «Инструкция о применении премиальной системы вознаграждения задержателям контрабандных товаров» и др. [26, л. 8].

Согласно постановлению Совета Рабоче-Крестьянской обороны от 10 октября 1919 г. и циркуляру Главного управления таможенного контроля от 6 февраля 1920 г., охрана государственной границы осуществлялась путем привлечения внутренних войск и Красной Армии. В целях эффективной борьбы с контрабандой военные совместно с таможенными служащими должны были усилить контроль за приграничной полосой. Следовало увеличить численность контрольных наблюдательных пунктов

и их личного состава. Совместно с местными отделами Всероссийской чрезвычайной комиссии таможенные учреждения усиливали досмотр пересекавших границу пассажиров. Всех, у кого не было соответствующих разрешений или паспортов, привлекали к ответственности как шпионов. Таможенным сотрудникам надлежало вести статистику относительно того, какие товары чаще всего перевозились контрабандным способом, кто являлся их поставщиками и контрабандистами [26, л. 62].

После перехода власти к советам, служащие Минусинской таможни обращались с запросами к советскому правительству с просьбами предоставить подробную информацию, указаниями какого именно ведомства они должны руководствоваться относительно тарифных ставок на товары, оплаты труда служащих, кредитов на содержание учреждений и т.д. До получения распоряжений Минусинская таможня работала при Уездном финотделе в здании Казначейства. 28 февраля 1921 г. Управление Таможенного контроля и пограничной охраны Сибири при Народном комиссариате внешней торговли РСФСР направило циркуляр всем таможенным учреждениям Сибири: «Из поступающей в Управление переписки усматривается, что не все таможенные учреждения Сибири имеют достаточно ясное представление о высших органах таможенной власти, как в центре, так и на местах. Ввиду этого Управление дает знать этим учреждениям для сведения и руководства: 1) что центральным органом таможенной власти является Таможенно-материальное управление Народного комиссариата внешней торговли, находящееся в г. Москве / Ильинка, 14 /, а областным – Управление Таможенного контроля и пограничной охраны Сибири при Уполномоченном Наркомвнешторга в Сибири, находящееся в г. Омске / Тарская, 12 /» [27, л. 75].

В связи с введением в действие декрета Совета Народных комиссаров о национализации внешней торговли (сделки с иностранными государствами и отдельными заграничными торговыми предприятиями могли осуществляться только специально уполномоченными органами), Сибирский революционный комитет в июне 1920 г. постановил, что деятельность таможен в регионе будет заключаться в приеме, регистрации, проверке, складировании, хранении и транспортировке предназначенных к ввозу и вывозу товаров. Однако основной задачей стала борьба с контрабандой. С целью усиления таможенного контроля проектировалось создание новых таможенных постов на реке Амыл и в селении Арбаты. Таможенники Минусинской таможни получили предписание составить подробную карту района с нанесением на ней всех существовавших таможенных постов, обозначить все наблюдательные пункты, которые следовало создать, перечислить сотрудников, которым можно поручить расследование движения товаров и контрабанды, примерную смету на проведение соответствующей работы. И главное – наблюдать: если контрабанда усилится, немедленно составить донесение через заведующего Семипалатинским таможенным округом [26, л. 22].

В марте 1921 г. было принято решение об упразднении Минусинской таможни. Сотрудники были переведены в Урянхайский таможенный пункт, К. А. Киселев стал его заведующим [28]. Причинами закрытия стало укрепление охраны границ и слабый товарооборот. В соответствии с секретным приказом заведующего Отделом управления Сибирской таможенной пограничной охраны от 3 декабря 1920 г., для усиления пограничного контроля в Сибири граница делилась на три участка – правый или Зайсанский до реки Бугузун, притока реки Чуи, далее средний или Минусинский участок до поселения Монды, и Иркутский до пересечения границы с рекой Селенгой. Охрана этих участков возлагалась на начальника 26-й стрелковой дивизии, у которого в подчинении находилась первая бригада 13-й кавалерийской дивизии, командующего 5-й армией Восточного фронта и командующего войсками Восточного Сибирского округа, которому подчинялись 22-я дивизия Войск внутренней службы и Енисейский пограничный полк, а также части 35-й дивизии и Иркутский пограничный полк. [27, л. 194–195]. При этом внешний товарооборот оставался нерегулярным и незначительным. В связи с монополизацией внешней торговли все таможенные операции были вынесены на линию государственной границы. Деятельность Минусинской таможни была признана нецелесообразной, поскольку в это время в Восточной Сибири действовали также Кяхтинская и Мондинская (Ханхинская) таможни.

Создание Минусинской таможни, заставы в Урянхае и Усинского поста Семипалатинского таможенного участка в 1915 г. являлось частью общего реформирования таможенной службы на восточных рубежах страны на рубеже XIX–XX вв. Российское правительство стремилось усилить контроль за движением товаров через границу, наладить учет внешнеторгового оборота, что было необходимо для выработки обоснованной налоговой политики, укрепления экономических позиций в Монголии и Урянхайском крае. Кроме того, в этом регионе стояли задачи по обеспечению государственной безопасности (борьба с контрабандой и нарушениями границы, защита от расхищения природных ресурсов и др.). Деятельность новых таможенных пунктов на юге Енисейской губернии протекала в условиях Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г. и Гражданской войны. Она продемонстрировала слабость экономической экспансии России на этом направлении вследствие недостаточной заселенности прилегающих территорий, отсутствия промышленного производства и развитой инфраструктуры (транспортной, торговой и др.).

Список источников

1. Зубков К. И. Восточный вектор российской геополитики в 1913 г. // ЭКО. 2013. № 12. С. 38–55.
2. Старцев А. В. Организация и инфраструктура русской торговли в Монголии во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Монго-

лия: новый взгляд на историю (дипломатия, экономика, культура). Иркутск: Байкальский государственный университет, 2015. С. 143–180.

3. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» начала XX в. в российской историографии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/zch1_soderzhanie/Zch-1-12.pdf

4. Дубровский В. А., Москаленко Н. П. Тува и Россия // Этнографическое обозрение. 1995. № 6. С. 93–102.

5. Дацышен В. Г. Китайцы в Туве в начале XX века // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 143–159.

6. Доржу З. Ю. К вопросу об установлении протектората России над Тувой в 1914 г. // Власть. 2014. № 4. С. 157–161.

7. Дацышен В. Г. Танну-Тува Урянхай и Россия – 1914 год // Родина. 2014. № 7. С. 9–15.

8. Самдан А. А. Вторжение китайского и монгольского отрядов в Туву (1918–1919 гг.) // Новые исследования Тувы. 2017. № 4. С. 143–152.

9. Дацышен В. Г. Особенности истории усинских тувинцев // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 23–44.

10. Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 216 с.

11. Акишин М. О., Дацышен В. Г. Таможенные учреждения // «Историческая энциклопедия Сибири». Иркипедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://irkipedia.ru/content/tamozhennye_uchrezhdeniya_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009

12. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска» (далее – МКУ АГМ). Ф. 46. Оп. 1. Д. 3. Документы по организации работы таможни (инструкции, положения, объявления, переписка). 1915–1916. Л. 1–136.

13. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 10. Документы по вопросам вооружения и обмундирования служащих таможни (указания, ведомости, акты, переписка). 1916–1917. Л. 1–63.

14. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 25. Документы по финансовым вопросам (ведомости, реестры, квитанции, переписка). 1919. Л. 1–124.

15. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 8. Документы о деятельности таможни. 1916–1917. Л. 1–109.

16. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 7. Документы по вопросам торговли и перевода товаров через таможню (приказы, инструкции, объявления, переписка). 1916–1917. Л. 1–233.

17. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 9. Документы по вопросам торговли и перевода товаров через таможню (приказы, инструкции, объявления, переписка). 1916–1917. Л. 1–233.

18. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 15. Документы о деятельности таможни. 1917. Л. 1–117.

19. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 12. Руководящие указания вышестоящих организаций. 1917. Л. 1–14.

20. Долидович О. М., Федорова В. И., Жулаева А. И. Конфликт имперских и региональных интересов по вопросу о введении режима беспошлинной торговли в устьях сибирских рек в годы Первой мировой войны // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. № 51 (1). С. 395–405.

21. Беляева Н. А. Таможенные учреждения Приамурья в 1917 г.: общественная жизнь и профессиональная деятельность // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4. С. 87–93.

22. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 13. Документы по организации Всероссийского союза таможенных служащих (резолуции, воззвания, указания, протокол, подписные листы, переписка). 1917–1918. Л. 1–48.

23. Бармин В. А. Из истории сотрудничества российских консулов в Сынцзяне с омским правительством А. В. Колчака в 1918–1920 гг. // Гражданская война в Сибири: материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции / под ред. Д. И. Петина, Т. А. Терехиной. Омск, 2013. С. 5–8.

24. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 22. Руководящие указания вышестоящих организаций. 1919. Л. 1–99.

25. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 28. Документы о деятельности таможни (статсведения, ведомости, переписка). 1920–1921. Л. 1–35.

26. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 27. Руководящие указания вышестоящих учреждений и переписка с ними о перенесении места расположения таможни к границе. 1920. Л. 1–205.

27. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 33. Руководящие указания вышестоящих организаций и переписка с ними по административно-хозяйственным вопросам. 1921. Л. 1–97.

28. МКУ АГМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 34. Документы об упразднении Минусинской таможни (указания, телеграммы, переписка). 1921. Л. 1–46.

А. С. Жулаева
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОЦЕССАМИ ЗОЛОТОДОБЫЧИ В ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ В 1822–1870 ГГ.

Аннотация. В работе рассмотрен процесс складывания системы управления и административного надзора за золотодобычей в Енисейской Сибири в 20–70-е годы XIX века. Автором проанализированы правовые формы осуществления финансового контроля за частной золотодобывающей отраслью в исследуемый период времени.

Ключевые слова: *золотодобывающая промышленность, Приенисейская Сибирь, реформы Сперанского М. М., административный надзор, финансовый контроль*

Abstract. The paper considers the process of folding the management system and administrative supervision of gold mining in Yenisei Siberia in the 20-70s of the 19th century. The author analyzes the legal forms of financial control over the private gold mining industry in the time period under study.

Keywords: *gold mining industry, Yenisei Siberia, M.M. Speransky's reforms, administrative supervision, financial control*

Актуальность темы исследования обусловлена особым местом в истории человечества золота как единого в мире эквивалента выражения стоимости товаров. Золотопромышленная отрасль сыграла большую роль в социально-экономическом развитии удаленной от центра страны, «глухой» Приенисейской Сибири.

Проект М. М. Сперанского «Учреждения для управления Сибирских губерний», подписанный 22 июля 1822 г. императором Александр I, предусматривал реформирование системы управления Сибирью от губернатора до самого низшего чина на основе синтеза гласности, системы льгот и поощрений, а также бдительности и надзора. Сибирские же земли относились к ведению кабинета его величества. Представление о том, как нужно управлять и распоряжаться сокровищами, которые до поры бережно хранила в себе сибирская тайга, сформировалось «наверху» не сразу.

Золотодобыча в Сибири должна была быть в срочном порядке узаконена и регламентирована. Как следствие, в 1833 г. Кабинет министров издал положение «Об устройстве золотых промыслов в округах Минусинском и Ачинском». Экспедиции по поиску золота стали снаряжаться государством, а также крупными чиновниками, купцами и заводчиками.

Происходит создание бесчисленных партий и, как следствие, открытие огромного количества золотых (россыпных) месторождений.

Попытки внедрения нового порядка в структуры управления Сибири столкнулись с «качеством человеческого капитала на местах». Дошло немало свидетельств современников о нравах царивших в среде золотодобытчиков. В «Отечественных записках» за 1847 г. П. Небольсин указывал: «Они друг на друга смотрели, как на незваных гостей, отбивающих один у другого кусок хлеба... они старались, где только было возможно, повредить постороннему искателю и обмануть его...» [1, с. 5].

Поэтому, к сожалению, полностью изменить сложившуюся десятилетиями систему «махрового» чиновничьего произвола не удалось даже такому уникальному реформатору – государственнику, каким бесспорно явился в Сибирь Михаил Михайлович.

До 1835 г. действовал запрет правительства на поиски частными лицами золота восточнее Енисея, чем активно пользовался генерал-губернатор Восточной Сибири А. С. Лавинский, пресекая все попытки частных разведывательных поисков. Как свидетельствует майор Саблин в «Горном журнале» за 1874 г., «... к 1835 году кончились все безуспешные попытки, предпринятые со стороны казны для отыскания россыпей в Восточной Сибири...». А частные лица насаждают, донимают власти просьбами – дозвоьте рискнуть... Один из самых настойчивых – Степан Баландин. У него уже устойчивый авторитет, за него ходатайствует перед новым генерал-губернатором Восточной Сибири Броневским сам начальник Горного штаба Чевкин. ...Последовал блистательный фейерверк открытий... [1, с. 10].

На тот момент уже 13 лет существовала отдельная Енисейская губерния, благодаря реформам Сперанского выделенная из Томской, что также стимулировало поисковое движение энтузиастов на восток за енисейским золотом. Города: Красноярск, Минусинск, Канск, Ачинск и Енисейск быстро стали центрами золотопромышленности региона.

Вспыхнувшая «золотая лихорадка» привлекла в непроходимо-бездорожный таежный регион тысячи смельчаков, поверивших в свою удачу. Мечта о богатстве у большинства разобьется о тяжелый каторжный труд, быструю истощаемость золотоносных мест. Власть в лице полицейского управления вынуждена была оперативно реагировать на рост криминогенности в среде рабочих на золоторудных приисках. По мнению генерал-губернатора Руперта «золотопромышленность производит в низшем классе народа, особенно среди ссыльных, порчу нравов в высшей степени» [2, с. 8]. Подчас и сами владельцы золотоносных мест, «ошалев» от огромных денег, вели себя противозаконно. Вот заголовки статей тех лет: «Гон за фартом», «Золотая горячка», «Игрища хищников»... Гонка за золотом идет на пределе и за пределом человеческих сил, лишь бы успеть – кто успел, тот победил [1, с. 2].

Однако важно отметить, что развитие золотопромышленности, увеличив социальную мобильность населения, положительно повлияло на развитие и других отраслей экономики региона, в первую очередь торговли, сельского хозяйства, а также, по мнению Сенатора Толстого: «золо-

топромышленность оказала полезное влияние удерживая ссыльнопоселенцев от бродяжничества» [2, с. 8].

Архивные документы, хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края, содержат большой массив дел об отводе золотосодержащих местностей разным категориям, не имевшим ни «связей», ни капиталов, но подавшим заявку в Канцелярию окружных горных инженеров, и получившим официальное разрешение [3].

Хлынувший в Енисейскую тайгу азартный и непрозрачный поток золотоискателей с позиции государственной системы не мог быть пущен на самотек. Большое значение для структурирования золотодобычи имели законы 1837–1839 гг. Правительство в 1838 г. приняло меры по законодательному регулированию порядка найма рабочих, организации надзора за приисками. Усиливались воинские команды, направляемые для поддержания порядка в районах золотодобычи.

Положение о золотопромышленности, изданное в 1839 г., разрешало заниматься золотым промыслом только дворянам, потомственным, почетным купцам 1 и 2 гильдии, прочие классы не могли принимать участие в золотом промысле в качестве хозяев-предпринимателей. 1840 г. [4, с. 2].

После разрешения частного поиска золота была установлена горная подать в размере 15 % от валовой добычи золота. Ставка будет изменена с 1837 по 1840 г., закрепившись в размере 24 % для приисков Северо-Енисейского округа и 20 % для всех остальных приисков Сибири. Кроме того, с 1838 г. с золотодобытчиков начал взиматься дополнительный сбор (4 рубля с каждого добытого фунта золота) на содержание на приисках полиции и казачьей стражи.

На этом налоговые реформы не завершились. Казна нуждалась в золоте, поэтому прииски были разделены на разряды от прибыльности от 5 до 35 %. Изменения вносились в 1849, 1854, 1858 гг.

В 1870 г. был принят «Закон о частной золотопромышленности», расширивший налоговый список. Свободное обращение золота было разрешено в 1895–1897 гг., а горная подать была заменена промысловым налогом, который впоследствии стал исчисляться не от валовой выручки, а от размера прибыли. Уже к середине XIX столетия Сибирь стала основным золотодобывающим регионом Российской империи (с 1831 по 1850 г. добыча золота в Сибири возросла с 45 до 1296 пудов (почти в 29 раз).

Но существовала и обратная сторона у процесса активизации золотодобычи в регионе. Прииски притягивали к себе совершенно разные слои населения, повышая криминогенность региона, попытки местной администрации усилить надлежащий надзор подчас разбивались о стремление населения приисков к быстрому обогащению, а в случае постигшей неудачи, не желающее возвращаться ни к земледелию, ни к другому постоянному, требующему забот занятию [5, л. 3.].

Реагировать на рост криминогенности в среде рабочих приисков вынуждены были и чиновники полицейского управления. Да и сами вла-

дельцы золотоносных мест, подчас ошалев от огромных денег, вели себя достаточно буйно, а подчас и экстравагантно, чем доставляли беспокойство не только представителям власти, по долгу службы вынужденным реагировать, но и обычным обывателям [6, с. 42].

Вследствие введения в 1822–1870-х гг. ряда правовых норм в отношении частной золотопромышленности, в Сибири были сформированы отдельные системы государственных контрольно-надзорных органов, действующие без должного взаимодействия друг с другом. Таким образом, сложились три вида административного надзора за частным сектором золотодобывающей отрасли:

1) горный надзор, осуществляемый Министерством финансов и подчиненными ему органами в вопросах, связанных с землеотводом и недропользованием;

2) полицейский надзор, осуществляемый провинциальной администрацией посредством подчиненного ей полицейского аппарата;

3) жандармский надзор [7].

Таким образом, сибирская золотопромышленность, ставшая значимой частью финансового сектора российского государства, достаточно быстро попала под бдительный перекрестный контроль его надзирающих органов.

К 1870-м гг. произошли изменения в системе надзора со стороны жандармерии: уже в 1858 г. были ликвидированы должности «приисковых» жандармских офицеров, в 1867 г. – значительно изменена структура Корпуса жандармов (с 1875 г. – Отдельного корпуса жандармов, ОКЖ), а в 1870 г. из Устава о частной золотопромышленности исчезло понятие «жандармский надзор» [8].

В заключение важно подчеркнуть, что специфика изучаемого региона внесла свои коррективы в особенности взаимодействия между непосредственными золотодобытчиками, собственниками (арендаторами) золотоносных участков и местной администрацией. Массовая добыча золота на новооткрытых месторождениях характеризовалась стихийным наплывом старателей и часто хищническими методами добычи. Административно-фискальная система управления процессами золотодобычи в Приенисейской Сибири в 1822–1870 гг. не может быть квалифицирована как эффективная, что несколько не умаляет вклад смельчаков – первопроходцев в развитие российской золотодобывающей промышленности.

Список источников

1. Хроника большого золота // Журнал русского географического общества: «Вокруг света». URL: <https://www.vokrugsveta.ru/vs/article/4215/> (дата обращения 23.05 2022).

2. Люди – события – годы. Северо-Енисейская фотохроника / под ред. Л. Васильевой. Красноярск, 2001. 589 с.

3. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. 470. Оп. 1. 1 515 д.; Ф. 543. Оп.1. 336 д.; Ф. 544. Оп. 1. 388 д.; Ф.547. Оп. 1. 290 д.

4. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. / под ред. Л. П. Бердникова, В. Г. Дацышена. Красноярск. СФУ. 2016. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1-D0%91%D0%91%D0%9A63%2F%D0%9A+978-704698337>

5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18 089.

6. Шитова Т. В. Полиция в административной правоохранительной системе Сибири в XIX – начале XX в. Красноярск, 2006.

7. Именной указ, объявленный управляющему военным министерством шефом жандармов «О назначении особого штаб-офицера Корпуса жандармов для наблюдения за золотыми приисками в Восточной Сибири» (9 мая 1842 г.) [№ 15621] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1843. Т. XVII. Отд. 1-е.

8. Бакшт Д. А. Жандармский надзор за золотопромышленностью в Енисейской губернии (Енисейский округ) во второй половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность: сб. науч. тр. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 82–90.

А. А. Иванов

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

«СОСЛАТЬ В СЛУЖБУ, В КАКУЮ ПРИГОДИТСЯ»: СИБИРСКАЯ ССЫЛКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕТРА I И М. М. СПЕРАНСКОГО

Аннотация. Рассмотрена история развития Сибирской ссылки. Несмотря на значительный опыт применения, ссылка вплоть до XVIII в. была плохо организована, проводилась бессистемно. Первым монархом, взявшимся за упорядочение ссылки, был Петр I, а затем, уже в следующем веке, М. Сперанский. Благодаря их деятельности ссылка обрела законодательную основу, стала одной из основных мер в охранительной практике государства.

Ключевые слова: *Петр Великий, М. Сперанский, Сибирская ссылка и каторга*

Abstract. The history of the development of the Siberian exile is considered. Despite significant experience in use, the link until the XVIII century. was poorly organized, carried out haphazardly. The first monarch to undertake the ordering of exile was Peter I, and then, in the next century, M. Speransky. Thanks to their activities, the exile gained a legislative basis, became one of the main measures in the protective practice of the state.

Keywords: *Peter the Great, M. Speransky, Siberian exile and hard labor*

Ссылка, одно из самых древних наказаний на Руси, практиковалась уже в начале XI в. При этом изгнание преступника, или так называемый поток, применялось не только за уголовные, но и политические преступления. В «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина первый случай политической ссылки отмечен уже в 1023 г., когда Великий князь Ярослав (Мудрый), усмиряя мятеж в Суздале, наказал виновных «одних смертию, других ссылкой» [1, с. 17].

Ссылка в Сибирь была начата сразу после похода Ермака. При этом изначально, наряду с наказанием, сибирская ссылка выполняла роль колонизационную: обширные территории требовалось заселить русским людом, а порубежье – защитить от «недружеских племен», с оружием в руках отстаивавших свою независимость. Такая ссылка напоминала больше искупление вины ценой опасной и трудной службы в новых, еще необжитых местах. Способности человека, знания и опыт, а не его вина, определяли и место конкретного наказания.

В это время ссылка имела три вида: в службу, в посад и на пашню. Ссылавшиеся в службу приверстывались в Сибири в дети боярские, в казаки конные или пешие и подчинялись общему ее порядку, установленному для прочих служилых людей с немногими ограничениями. Первоначально ссылка в службу преобладала над ссылкой в пашню. Так, почти це-

ликом в службу верстались ссыльные литовцы и черкасы (запорожские или украинские казаки), шедшие в Сибирь большими партиями. В первой половине XVII в. центром концентрации ссыльных в западной части Сибири был Тобольск, затем, позже, Енисейск. Первые ссыльные в Прибайкалье появились в северной части, по всей видимости, в Илимском воеводстве. О систематической ссылке в эти края можно говорить применительно к 1640-м гг.

История Енисейска и Иркутска также напрямую связана с политической и уголовной ссылкой. Среди первых жителей этих острогов было много людей, сосланных сюда или в казачью службу, или в посад. Упомянем здесь лишь имя А. А. Барнешлёва (Бурнашлёва), иностранца, принадлежавшего к богатой английской семье. Барнешлёв вел переговоры с окружением царя о возможном строительстве в Москве протестантских кирок, однако в 1645 г. он неожиданно угодил в опалу и был сослан в Енисейск. Здесь он принял православие, был поверстан в дети боярские и занимался поиском полезных ископаемых, нашел руду недалеко от города. Во второй половине 1660-х гг. Барнашлёв был назначен стрелецким и казачьим головой в Байкальские остроги, под его руководством был возведен новый Иркутский острог, здесь он командовал гарнизоном, а затем стал якутским воеводой. В Сибири успешную карьеру делали многие политические ссыльные [2, с. 32–34].

В конце XVII в., несмотря на столетний опыт применения ссылки в Сибирь, эта карательная и охранительная мера осуществлялась московским государством крайне плохо. Сибирская ссылка велась бессистемно, неорганизованно. Какого-либо «пропитания» арестантам, отправленным в ссылку, не полагалось. Вместо этого им разрешалось христарадничать. Пересыльных и этапных тюрем не существовало, не было и этапного пути, и специальных конвойных команд. Назначенные в ссылку, отправлялись за Урал по мере накопления в сопровождении «посыльщиков» – казаков, снаряжавшихся специально для конвоирования из центра страны в «украинные места». При этом нередко посыльщиками становились люди, следующие в Сибирь по своим делам, ничего общего с этапированием арестантов не имевших. В этом случае обязанности конвоя такие сопровождавшие выполняли попутно. Собственных документов у ссыльных не имелось, невозможно было определить, за что и куда он высылается. Зачастую и сам ссыльный не знал, куда его ведут, так как в указе значилось: «сослать в службу, в какую пригодится».

Пенитенциарные потребности страны, а также дальнейшее освоение обширной территории Сибири и Дальнего Востока, настоятельно требовали систематизации наказания ссылкой. Эта работа была начата Петром I. Прежде всего, следует подчеркнуть, что в отличие от других венценосных особ династии Романовых, для Петра ссылка была не только удалением преступника на окраины империи, а в первую очередь наказанием тяжелым трудом. Вот почему в период правления Петра получила значительное распространение практика замены смертной казни ссылкой в тяжелые работы.

Петр I значительно расширил и масштабы ссылки. Так, в артикуле Воинском, к примеру, больше половины статей предполагали «лишение живота» или шпицрутены, а ссылка назначалась сравнительно редко и выступала наказанием второстепенным: из 250 статей ссылка полагалась лишь в девяти случаях. Однако внимательный анализ этих случаев свидетельствует, что именно они практиковались достаточно часто и, главное, захватывали самые широкие слои населения, тем самым значительно увеличивая число ссыльных. Артикул 63-й был направлен против уклонения от рекрутской повинности. «Кто себя больным нарочно учинит, или суставы свои переломает, и к службе непотребными сочинит, или лошадь свою самовольно испортит в том мнении, чтоб отставлену быть от службы, оному надлежит ноздри распороть, и потом его на каторгу сослать». Артикул 189-й предусматривал ответственность за «грабительство и воровство»: «Ежели кто в воровстве пойман будет, а число краденного более двадцати рублей не превзойдет, то надлежит вора в первую шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцотью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу». Толкование к этому артикулу полагало наказание и тем, «которые в воровстве помогали, или о воровстве ведали, и от того часть получили, или краденое добровольно приняли, спрятали и утаили» [3, с. 359, 362].

Продолжительный путь в Сибирь настоятельно требовал должной организации: определенного порядка отправления, строительства специальных помещений для ночлега арестантам, постоянной конвойной команды. Понимая важность этой масштабной задачи, Петр I выступает инициатором строительства пересыльных тюрем. Вот наказ верхотурским воеводам от 1 сентября 1697 г.: «А для присланных вновь в сибирские города всяких ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссыльных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей, а как приспееет время отпуску их в низовые сибирские города, и их отпускать в те города по московским росписям, кого куда сослать будет указано... по тому же за караулом. А на Верхотурье и в слободах новоприсланных ссыльных людей, без указу великого государя и грамот из Сибирского приказа, не оставливать и на всякие чины и пашню не верстать» [4, с. 349].

Указ примечательный. Документ не только обязывает строить пересыльные тюрьмы в Сибири, но и создавать при них команды из «служивых людей» для «бережения» и препровождения арестантов по Московскому тракту. При этом ссыльные должны следовать к месту назначения в определенные дни («как приспееет время»), с необходимыми документами — «московскими росписями», в которых бы значилось, куда идет ссыльный, что исключало бы возможность оставления его по дороге и «использования» не по назначению. Как видим, Петр последовательно создает законодательную основу ссылки, стремится придать ей регулярный, систематический характер.

Наконец, с именем Петра Великого связано учреждение нового, до этого не практиковавшегося в России вида ссылки – каторги. В каторгу, т. е. на тяжелые работы, ассоциировавшиеся с трудом невольников на гребных судах (каторгах, галерах) в античное время и в средневековье, при Петре стали отправлять как уголовных преступников, так и ни в чем не повинных людей. Тысячи крестьян сгоняли на сооружение морских портов на Балтике, строительство судов, в том числе и галерных. О масштабах ссылки на каторгу может свидетельствовать то, что только в Рогервик, порт и крепость на берегу Финского залива, ежегодно поступало до 600 каторжных [5, с. 168].

Используя каторгу как источник для получения дешевой рабочей силы, Петр принял ряд указов для ее распространения и в Сибири. В январе 1708 г. предписывалось селить крестьян с женами и детьми на заводских пашнях. Указ Петра от 18 января 1721 г. «О покупке купечеству к заводам деревень» разрешал «как шляхетству, так и купецким людям к ... заводам деревни покупать ... дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотложно...», при этом крестьяне прикреплялись к заводам «вечно», их дети также обязаны были с подросткового возраста работать здесь же. В апреле 1722 г. Петром принят Указ «О ссылке преступников в Дауры на серебряные заводы; и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях». «Которые ныне освобождены от каторжной работы, говорилось в документе, – и определены послать в Сибирь в дальние города, оных послать и впредь таковых посылать с женами и детьми в Дауры на серебряные заводы...» [6, с. 709, 736].

Каторжные строили сибирские крепости, широко использовались на горнодобывающих, железоделательных, винокуренных, солеваренных, фарфорофаянсовых и стеклоделательных заводах и полотняных фабриках, на сооружении дорог. С известной долей преувеличения можно сказать, что именно каторжные, отправляемые в Сибирь Петром I и последующими монархами, стали основой для формирования промышленных рабочих обширного региона.

Петр Великий, всемерно укрепляя могущество империи, для развития новых, порубежных земель активно использовал и труд пленных, и в первую очередь шведов. Так, в 1711 г. в Сибирь было сослано от 20 до 25 тыс. солдат армии Карла XII. Сначала каролины размещались на Волге, затем были отправлены за Урал. Самое большое число пленных – до одной тысячи человек – осело в Тобольске, однако кроме этого шведов размещали в Нарыме, Березове, Таре, Томске, Енисейске, Туруханске, Иркутске, Нерчинске, Якутске, Селенгинске, Илимске, Киренске. На местах постепенно складывалась система надзора за столь значительным контингентом поселенцев: сибирские власти были обязаны наблюдать за их размещением, предотвращать возможные побегы, выплачивать «кормовое довольствие», а также собирать их письма, написанные на родину. При этом вся корреспонденция сначала сосре-

тачивалась в Петербурге, просматривалась на предмет отсутствия «секретных сведений» и лишь затем отправлялась за границу [7, с. 44]. Подчеркнем особо: именно на таких принципах строился затем полицейский надзор в Сибири за декабристами, народниками, социалистами XIX – начала XX в.

После смерти Петра процесс упорядочения наказания ссылкой был приостановлен, ссылка, скорее, «прирасталась» количественно, чем менялась к лучшему ее организация. Значительно увеличил масштабы сибирской ссылки указ от 13 декабря 1760 г. «О приеме в Сибирь на поселение от помещиков, дворцовых, синодальных, архиерейских, монастырских, купеческих и государственных крестьян, с зачетом их за рекрут». Как известно, помещикам предоставлялось право самостоятельно определять состав преступления своего крепостного и наказывать его ссылкой в Сибирь. Местом для ссылки первоначально был определен Нерчинский уезд. Партии ссыльных должны были идти через Калугу по Оке и Волге до Казани, от Казани Камою до Нового Усолья, далее пешком до Верхотурья, затем по сибирским рекам до Тобольска и через Томск до Иркутска и Нерчинска. По подсчетам А. Д. Колесникова, с 1761 по 1782 г. в Сибирь, согласно «рекрутским указам», было отправлено не менее 35 тыс. душ мужского пола. Если учесть, что нередко мужчины следовали в ссылку с семьями, можно предположить, что за 20 лет в регион прибыло около 50 тыс. ссыльных и членов их семей [8, с. 348, 350].

Ссылка в Сибирь все более становилась «массовым явлением» русской жизни. Между тем ее организация по-прежнему страдала непоследовательностью, отсутствием централизованного руководства, а главное – единой законодательной базы, способной сделать ее важнейшей частью государственной внутренней политики. Существенное «упорядочение» сибирской ссылки предприняли только в 20-х гг. XIX в., что было связано с именем М. М. Сперанского.

Действительный статский советник, автор ряда проектов по переустройству России, сподвижник Александра I, М. М. Сперанский знал о сибирской ссылке не понаслышке: попав в опалу, в 1812 г. он был отправлен в Нижний Новгород, а затем в Пермь, где испытал немало тягот лишнего власти «знатного» политического ссыльного. Затем его вернули в большую политику, а в марте 1819 г. поручили возглавить ревизию Сибири, назначив сибирским генерал-губернатором. Живя в Иркутске, Сперанский вместе с будущим декабристом Г. С. Батеньковым, подготовили пакет реформ, обеспечивавших управление и правовое развитие далекой окраины, вошедший в историю как «Сибирское учреждение». Сибирские реформы Сперанского 1822 г. не только дали значительный импульс социально-экономическому, политическому и культурному развития края, но стали первым опытом регионального законодательства, созданного на сибирском материале [9, с. 12].

Частью «Сибирского учреждения» были «Устав о ссыльных» и «Устав об этапах в сибирских губерниях», призванные внести в «ссылочное

дело» столь недостающий правовой и управленческий порядок, обеспечить материальными, финансовыми и людскими ресурсами. Прежде всего, в уставах были определены общие принципы, полномочия и характер работы органов управления ссылкой. Согласно законодательных актов, для приема, распределения и учета ссыльных, создавался Тобольский приказ, на местах – ряд экспедиций о ссыльных: казанская, томская, енисейская и иркутская, а на самом Московском тракте и его ответвлениях – этапные и полуэтапные помещения, располагавшиеся друг от друга на расстоянии в 15–30 верст – именно столько могли пройти арестанты за световой день. [10, с. 433–469].

Тобольский приказ о ссыльных получал из судебных учреждений России специальные извещения о приговоренных к каторге и ссылаемых на поселение. На основании этих документов приказ и распределял всех направляемых на каторгу и в ссылку уже по конкретным губерниям Сибири. Само распределение отнимало много времени, что приводило к длительному ожиданию и скоплению в городе массы ссыльных. Приказ обвиняли в излишней бюрократической волоките, медлительности, отсутствии строгой отчетности, и даже в регулярной задержке денежных средств, пересылаемых вслед за ссыльными до места приписки [11, с. 203–208].

Высочайше утвержденный Устав о ссыльных, имея 435 параграфов, прежде всего, четко прописал виды этого наказания: «Ссылка в Сибирь есть двоякая: 1) в каторжную работу; 2) на поселение. Та и другая определяются не иначе, как приговором судебных мест». При формировании этапных партий составлялся партионный список, с которым ссыльные и следовали в Сибирь. Устав впервые подразделял каторжан на разряды согласно тяжести совершенных ими преступлений – для работы на заводах, для строительства дорог, служащих в качестве прислуги, живущих сельскохозяйственным трудом, наконец, больных, о которых следовало проявлять заботу.

Согласно Уставу, все сосланные в Сибирь делились на несколько разрядов. В зависимости от разряда определялась и продолжительность ссылки, а также льготы, права и обязанности осужденных. Одним из главных, стержневых, условий нового Устава стало требование обязательного труда. Таким образом, надо признать, что впервые за более чем двухсотлетнее существование сибирской ссылки были сделаны реальные шаги к упорядочению этого института, к уменьшению произвола местных чиновников. Впервые у ссыльных появились и документы – статейный список с указанием имени и фамилии, места рождения и наименованием преступления, за которое он осужден.

К «Уставу о ссыльных» примыкал «Устав об этапах в сибирских губерниях», который предусматривал устройство «от границы Пермской губернии с Тобольскою до города Иркутска» этапных тюрем. На этапы распределялись команды из «регулярного пехотного войска» – «один офицер, два унтер-офицера, 1 барабанщик и 25 рядовых пеших солдат». § 42 предусматривал, что каждая команда сопровождает арестантов в течение че-

тырех суток, а на пятые возвращается назад, сдав партию следующей команде. В уставе подробно расписывались права и обязанности этапного начальника: следить за порядком, делать регулярную «поверку» арестантам, в случае «неповиновения» ссыльных, «привести в послушание легким телесным наказанием» и проч. [12, с. 471].

Несмотря на четкое разделение ссыльных по разрядам и, как казалось, детально проработанный порядок этапирования, поселения и трудоустройства, уставы уже в первый год после утверждения и вступления в юридическую силу, показали свою практическую несостоятельность. Упорядочив систему этого наказания, Сперанский не учел главного – все возмраставших масштабов ссылки, а также того, что местные промышленные предприятия просто не в силах были обеспечить работой такое количество осужденных. Так, если в 1812–1821 гг. за Уральский камень было отправлено 39761 чел., то в следующем десятилетии – 91709, а в 1832–1841 гг. – еще 78 823. Всего же с 1807 по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [13, с. 30]. Значительный и практически неконтролируемый приток ссыльных в Сибирь в короткое время сделал Устав 1822 г. устаревшим. Однако Устав не был отменен, но постоянно дополнялся, статьи, несоответствующие действительности, заменялись другими, современными. В следующей редакции Устав о ссыльных был издан в 1857, затем в 1909 и 1913 гг.

Как следует из изложенного материала, ссылка – одно из древних наказаний, применявшееся в нашей стране с XI в. Сибирская ссылка появилась сразу же после присоединения огромного региона к Московскому государству. Ссылка в Сибирь всегда преследовала, по крайней мере, две цели – наказание и изоляцию преступного элемента с одной стороны, и штрафную колонизацию и экономическое освоение окраины, с другой. Начало упорядочения ссыльного дела положил Петр I, законодательно определив необходимость строительства пересыльных тюрем, организацию этапных команд, систему надзора на месте поселения. При Петре появилась и каторга как часть ссылки, подразумевавшая тяжелый принудительный труд.

Дальнейшее правовое обеспечение ссылки в Сибирь предпринял М. М. Сперанский, который совместно с Г. С. Батеньковым подготовил и реализовал уставы о ссыльных и этапах, значительно укрепившие правовую базу этого наказания, способствовавшие улучшению управления ссылкой и превращению ее в важную часть внутренней политики государства. Между тем реальные объемы уголовной ссылки в Сибирь сделали уставы мало пригодными для практического применения. Тем не менее эти уставы, постоянно совершенствуясь, просуществовали вплоть до 1917 г. Сибирской ссылке недоставало должной организации, правового обеспечения и денежных средств для полноценной реализации в качестве составной части пенитенциарной системы.

Список источников

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. II–III. М.: Изд-во «Наука», 1991. 832 с.
2. Гурулев С. А. Первые иркутяне. Иркутск: ИОГАУК АЭМ «Тальцы», 2011. 412 с.
3. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / ответ. ред. А. Г. Маньков. М. Юр. лит-ра, 1986. 511 с.
4. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII–XIX вв. Новосибирск, 2004. 568 с.
5. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. СПб., 1889. 504 с.
6. Законодательство Петра I / ответ. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М.: «Юридическая литература, 1997. 878 с.
7. Шебалдина Г. В. Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII века. М.: Российский гос. гум. ун-т, 2005. 209 с.
8. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX в. Омск, 1973. 419 с.
9. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Перцева Т. А. Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.
10. Высочайше утвержденный Устав о ссыльных // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29 128. СПб., 1830. С. 433–469.
11. Рощевская Л. П. Последний осколок приказной системы // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 203–208.
12. Высочайше утвержденный Устав об этапах в Сибирских губерниях // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXXVIII. № 29129. СПб., 1830. С. 471. С. 469–486.
13. Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. 207 с.

РЕФОРМАТОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ М. М. СПЕРАНСКОГО И ДАЛЬНЕЙШАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ПРИЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. На рубеже XVII–XVIII вв. Петр I направил Россию по пути имперской модернизации. Его наследники сделали свой, подчас противоречивый вклад в этот процесс. Реформы Александра I и его важнейшего сотрудника М. М. Сперанского всколыхнули не только Россию, но и дошли до её важнейшей части – Сибири. Определилась тем самым и стратегия развития Енисейской губернии.

Ключевые слова: *Петр I, Александр I, М. М. Сперанский, Енисейская губерния, Приенисейский край, А. П. Степанов, Сибирь*

Abstract. At the turn of the XVII–XVIII centuries. Peter I directed Russia along the path of imperial modernization. His heirs made their own, sometimes controversial contribution to this process. The reforms of Alexander I and his most important collaborator M. M. Speransky stirred up not only Russia, but also reached its most important part – Siberia. Thus, the strategy for the development of the Yenisei province was also determined.

Keywords: *Peter I, Alexander I, M. M. Speransky, Yenisei province, Yenisei region, A.P. Stepanov, Siberia*

Петр I, 350-летие со дня рождения которого отмечает наша международная научно-практическая конференция «Административные реформы в дореволюционной Сибири», создал в дальнейшем мощный, похожий одновременно на военный и часовой, механизм имперской модернизации России. В результате губернской реформы Петра I возникает и важная часть этого механизма – Сибирская губерния.

Наследники Петра I в XVIII–XX вв. на российском царском троне в той или иной степени продолжали линию петровских преобразований, которые можно определить как «догоняющие» общецивилизационный мировой прогресс.

Автор данного доклада посвятил проблемам Российской модернизации целый ряд монографий, научных статей и учебных пособий. В них рассматривается, в том числе и в виде докторской диссертации, вся совокупность реформ Петра I, Екатерины II, Александра I, Александра II и других российских государей. Детально изучен в этих работах такой важнейший фактор государственной и общественной модернизации, как сибирский регион и Приенисейский край. Значительное внимание уделяется теме «М. М. Сперанский и Сибирь» [1].

В предлагаемом докладе автор предпринимает попытку конкретно показать, как реформаторская деятельность М. М. Сперанского связана с дальнейшей стратегией и тактикой развития Приенисейского региона.

М. М. Сперанский родился 100 лет спустя после рождения великого русского самодержца в 1772 г. в скромной семье православного сельского священника. В 1791 г. он окончил Александро-Невскую семинарию в Петербурге. Карьера Сперанского развивалась стремительно. В 1797 г. М. М. Сперанский уже на государственной службе. Он, молодой человек, обостренно честолюбивый, всегда фонтанировал оригинальными идеями, и в то же время оставался эмоционально сдержан, тщательно прорабатывал и облекал в форму четкого документа любые смелые предложения. В 1803 г. он уже директор департамента Министерства внутренних дел, штатский генерал [2].

Фактически с 1803 г. М. М. Сперанский активно заочно сотрудничает с молодым императором Александром Павловичем, который моложе его на 5 лет. Однако это сотрудничество осуществляется через министра внутренних дел В. П. Кочубея. Сперанский составил несколько проектов государственных реформ. Среди них и очень важный: «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» [3].

В 1806 г. во время болезни В. П. Кочубея М. М. Сперанский лично докладывает о делах Александру I. Именно тогда происходит их быстрое деловое сближение.

Бабушка Саши Екатерина II с детских лет готовила внука к императорскому престолу. По её мнению, Павел Петрович для этого абсолютно не годился. И в этом с ней вполне можно согласиться. Трудно вообще представить Павла просвещённым монархом.

Прежде всего, надо внука прогрессивно образовать посчитала бабушка – и лишила Сашеньку нормального детства. Швейцарец Фредерик Сезан де Лагарп (1754–1853 гг. жизни) воспитал его настоящим демократом и республиканцем. С другой стороны, папаша Павел Петрович гонял сына днями с войсками под барабаном. Здесь наставником уже являлся Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1834 г.) будущий автор военно-крестьянских поселений. Если Екатерина II как женщина вполне могла быть двойственной (и даже тройственной – автор), то для юноши, обдумывающего житье, молодого мужчины – это была настоящая драма. Отсюда постоянные метания Александра в политике.

А. С. Пушкин язвительно смеялся над императором: «плешивый щеголь, враг труда», «властитель слабый и лукавый», «ядовитое дерево анчар», «воспитанный под барабаном, наш царь лихим был капитаном» и т. д.

Ещё одной серьёзнейшей ошибкой бабушки Екатерины стала ранняя женитьба Александра на нелюбимой девушке, которая так и не стала любимой женой. Поэтому и с наследником возникла проблема.

Екатерина II никак не могла предположить, что преемником Александра на троне станет его младший брат Николай. Последнего вообще в цари не готовили. Ведь был ещё второй после Александра брат Констан-

тин. Правда, бабушка подыскала Косте место в Константинополе. Но это уже реально было из области ненаучных фантазий. Константин в дальнейшем ничем особенным не отличился кроме следующего: категорически отказался стать в перспективе преемником старшего брата, не проинформировал толком об этом Николая Павловича, не сообщил ничего ему об конституционных экзерсисах Александра, завалил полностью управления в Варшаве, подтолкнув поляков к восстанию.

Павел Петрович, вопреки всему став императором, сразу попытался сделать благое дело: определил правильный (по его мнению) порядок престолонаследия. У Павла I были нехорошие предчувствия в отношении собственной судьбы. Он часто рассказывал окружающим людям, как к нему во сне приходит Петр I и говорит одно и то же: «О бедный, бедный Павел...».

Третий сын Павла Петровича Николай оказался внешне схож с Петром I прежде всего огромным ростом. Николай, артиллерийский начальник, строевой командир, знавший устав прусской армии лучше её офицеров, честный и простодушный. Ненавидел всякие конституции и парламенты, вообще все гражданское. Уже в 30-е гг. XIX в. Николай прямо приказывал следить за М. М. Сперанским, чтобы он опять не выкинул какое-нибудь коленце, фортель и не написал конституцию на основе свода российских законов, успешно подготовленного к 1833 г.

Михаил Михайлович завершил публикацию полного собрания российских законов с 1649 г. к 1833 г. Он написал собственноручно к 1835 г. свод новых законов России на основе в том числе и Гражданского кодекса Наполеона Бонапарта. Не хватало только завершающего звена – нового Уложения, которое собиралась первоначально принять сама Екатерина II. Но слово «Уложение» переводилось на французский язык как «Конституция». И подобного допустить Николай I никак не мог.

Но вернемся к Александру I и М. М. Сперанскому. Последнему император поручил составить план государственных демократических преобразований. И уже в конце 1809 г. госсекретарь представляет Александру Павловичу «Введение к Уложению государственных законов».

Какие реформаторские шаги предполагал этот документ:

- фактически принималась конституция, но сохранялось царское самодержавие;
- резко расширялись права третьего сословия: купцов, мещан и государственных крестьян – они также становились цензовыми избирателями волостных, окружных, уездных и губернских дум, а также Государственной Думы и судебных органов;
- в судебных органах предполагался суд присяжных;
- осуществлялось разделение властей на законодательные, исполнительные и судебные госучреждения;
- создавались исполнительные органы власти, сосредоточенные в министерствах;

- высший судебный орган – Правительствующий Сенат;
- высшим учреждением при императоре становился Государственный совет, в котором сосредоточивались все властные функции (можно предположить его главным самодержавно-авторитарным органом – автор);
- в 1810 г. создается при Александре I высший законосовещательный орган – Государственный совет. М. М. Сперанский является Государственным секретарем в этом совете.

Однако ситуация начинает быстро меняться не в пользу реформ и самого Сперанского. Дворянское общество, права которого явно хочет ограничить Михаил Михайлович, считает Сперанского врагом хуже самого Наполеона Бонапарта.

С 1809 г. обладатели придворных званий обязывались к неперенной службе. У чиновников предполагалось обязательное наличие образования. Домашний курс наук потребовал подтверждение экзаменом на чин. Увеличиваются налоги с крестьян и мещан. И вот впервые в 1812 г. вводится налог на дворянские помещичьи имения [4].

17 марта 1812 г. после двухчасовой беседы со своим Госсекретарем Александр I фактически отправляет М. М. Сперанского в ссылку. Император и его секретарь расстались на 9 лет [5].

М. М. Сперанский надолго осел губернатором в провинциальной Пензе. Но всё вдруг резко изменилось. В ноябре 1818 г. комитет министров представил императору доклад о сибирских делах. Там в то время губернаторствовал Иван Борисович Пестель. Он фактически не выезжал на место из Петербурга. К этому времени Пестель завалил управление Сибирью полностью и окончательно.

В этой драматической ситуации А. А. Аракчеев как бы «подбрасывает» Александру I идею назначить сибирским генерал-губернатором М. М. Сперанского. Император тоже, видимо, был не готов к такому повороту. Но после трёхмесячных размышлений все же согласился: в Сибири дела оказались совсем плохи. Получив соответствующее предписание от государя, сам Сперанский также оказался в настоящем шоке.

И тем не менее наш герой недели через две пришел в себя и с присущим стоицизмом взялся за дело с необходимым для него старанием и трудолюбием.

Поэтому можно сказать, что Сибири, Красноярску, Приенисейскому краю хотя и случайно, но сильно и крепко повезло на этом крутом повороте истории.

М. М. Сперанский затем до весны 1821 г. проводит настоящую тщательную ревизию как генерал-губернатор Сибири во всех гражданских губерниях сибирского региона. Он посещает все его крупные города и детально разбирается в делах на месте, в том числе и в Красноярске.

Только 22 марта 1821 г. он приезжает в Петербург. 22 июля 1822 г. Александр I утверждает подготовленный М. М. Сперанским документ: «Учреждение для управления Сибирских губерний».

Главной стратегической линией для Приенисейского края, т. е. фактически для Средней Сибири стало создание и дальнейшее успешное функционирование новой Енисейской губернии. Официальное её провозглашение состоялось 12 декабря 1822 г. В её состав вошли Красноярский, Ачинский, Канский, Енисейский (с Туруханским уездом совместно) округа.

Если раньше Приенисейский край входил в состав Томской губернии, то теперь это был самостоятельный регион, учитывающий все его географические, экономические, политические особенности.

Власть непосредственно принадлежала теперь губернатору. Стратегия Сперанского, утвержденная императором, превращала её из личной в публичную. Первым губернатором стал прибывший в январе 1823 г. в Красноярск статский советник Александр Петрович Степанов.

Здесь местным жителям опять очень повезло. Ещё молодым человеком, юным офицером он прославился во время итальянского похода А. В. Суворова. Затем Александр Петрович стал героем Отечественной войны 1812 г. За боевые действия в обеих кампаниях А. П. Степанова наградили различными орденами. Он оказался весьма образованным человеком, ученым-писателем. Так, уже в 1823 г. в Красноярске создается общество «Беседы о Енисейском крае», в котором собирались местные интеллектуалы во главе с губернатором. В ходе дебатов и бесед обсуждались дальнейшие пути развития Енисейской губернии.

К 200-летию основания Красноярска в Москве в 1828 г. вышел в свет один из самых первых литературных журналов Сибири «Енисейский альманах». В числе авторов оказались местные учителя и чиновники. Сам А. П. Степанов поместил на его страницах свой очерк «Путешествие в Кяхту из Красноярска».

А. П. Степанов обобщил стратегические подходы к развитию региона в своем труде «Енисейская губерния» (1835 г.).

За него автор двухтомника получил Демидовскую премию, а император лично наградил А. П. Степанова бриллиантовым перстнем [6].

М. М. Сперанский успешно привлек к разработке стратегии развития Сибири и Енисейского региона как губернатора А. П. Степанова, так и сибиряка Г. С. Батенькова. Последний оказался последователем концепции федеративной организации страны, учитывающей специфику всех земель, её составляющих. Батеньков подготовил специальный «Устав об управлении инородцами в Сибири». Предполагался перевод местных аборигенов, в том числе и енисейских, на более эффективные формы общественной жизни [7].

Сам М. М. Сперанский предлагал местным коренным народам, в том числе приенисейским, следующие типовые определения. Он выделяет три основные социальные категории. Первая: «оседлые». Ими оказались в первую очередь татары, получившие те же статусные права, что и русское население. Затем шли «кочевые», хакасы (для них создали 4 степные думы), якуты, буряты. У этих народов в выборном управлении важнейшую роль играла собственная родоплеменная старейшина. И третья категория «Бро-

дядчие»: ненцы, эвенки, чукчи, коряки. Ими полностью управляла родоплеменная знать [8].

Главным стержнем в экономической стратегии Енисейской губернии на протяжении всего её существования оставалось сельское хозяйство, с активной практикой зерновых культур и животноводством.

Накануне Первой мировой войны в Енисейской губернии на одно хозяйство приходилось 3,8 десятин посевных площадей, а на 100 сельских жителей – 71,1 десятины [9].

В общесибирском валовом сборе зерна Енисейская губерния в 1914 г. давала 7 % [10].

По количеству голов скота в это время на одно крестьянское хозяйство (19,7) Енисейская губерния шла на первом месте в Сибири, опережая центральную Россию в два раза [11].

Ещё первый губернатор региона А. П. Степанов уделил огромное внимание развитию ремёсел в губернии.

Путем подбора талантливых специалистов, повышения их значимости в местном обществе губернатор активно поощрял развитие самых различных полезных ремесел, для культивирования которых создавались специальные дома. Эта тенденция оказалась весьма устойчивой. В результате модернизации ремесла и торговли в городах к 1861 г. только в одном Красноярске оформилось около 50 видов ремесел, в Енисейске – не менее 40, в Ачинске – 28 и даже в Туруханске – 16 [12, с. 100].

Стратегическим флагманом промышленности в 30–50-е гг. XIX в. в губернии стала добыча золота. В 1840-е Приенисейский край оказался не только общероссийским, но и мировым центром золотодобычи. В этой губернской промышленной отрасли на мануфактурах трудилось до 30 тыс. чел. Труд преобладал ручной. Золотопромышленники получали огромную прибыль: на каждый вложенный рубль капитала – 800–850 рублей [13, с. 100–101].

К началу 60-х гг. XIX в. все, что лежало на поверхности богатых россыпей, отработали. С 1851 по 1900 г. в губернии наблюдался период резкого упадка добычи золота. А в начале XX в. произошла мощная модернизация в этой сфере. В 1901 г. в связи с введением механических методов добычи и использованием специальных драг (первые две приобрели в Новой Зеландии) начался мощный промышленный подъем. В 1915 г. в губернии работало уже 29 драг. Всего с 1834 по 1916 г. в губернии добыли 560 тонн золота, в среднем по 7 тонн в год [14, с. 101].

Постепенно получает развитие логистика губернского региона. Дороги наиболее уязвимое место в Сибири, поэтому водный путь стратегически является весьма перспективным. В 1863 г. на Енисее появился первый пароход – он так и назывался «Енисей». А в 1912 г. по реке ходило 29 пароходов. А в августе 1897 г. в Красноярск прибыл сам великий флотоводец адмирал Степан Осипович Макаров. Он очень активно интересовался освоением северных сибирских регионов.

Неслучайно, что С. О. Макаров создал знаменитый ледокол «Ермак».

Стратегический прирост населения Енисейской губернии осуществлялся естественным путем. Рождаемость всегда была высокой, но слабая социальная инфраструктура, отсутствие зачастую необходимой медицинской помощи, приводили к высокой детской смертности (до 1/3 детей).

Важную роль имело переселенческое движение. Специфический приток жителей губернии давала каторга и ссылка, как уголовная, так и политическая.

Сибирь, как огромная социальная мельница, перемалывала постоянно десятки тысяч человек.

Все прогрессивные реформы после М. М. Сперанского здесь или откладывались, или не проводились вовсе (например, его любимый суд присяжных). Так, система местной земской власти (земская реформа 1864 г.) здесь появилась только после падения царского самодержавия. Отсюда и особо тяжелые прорехи в образовании и медицине. С большим торможением и изъятиями шла реформа судебная.

В ответ на пренебрежение центра к Сибири, в том числе к Енисейской губернии, здесь развивалось областничество, мечтавшее иногда о полном отделении от остальной России. В 1917 г. падение царизма породило у сибиряков огромные надежды. Но стратегия противоборствующих в Гражданской войне сторон принесла жителям Енисейской губернии ещё большие испытания.

Список источников

1. Рогачев А. Г. Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 гг.) / Изд-во КГУ, Красноярск, 1997; Его же Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект (1917–1925 гг.). Краснояр. гос. аграр. ун-т., 2-е изд. перераб. и доп. Красноярск, 2008.; Его же Исторический опыт отечественных модернизаций в России (V–XXI в.). Красноярск, 2010; Его же Исторические модернизации государства и права в России IX–XXI вв. / А. Г. Рогачев; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2015; Его же История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. аграр. ун-т. Красноярск, 2015.; Актуальные вопросы отечественной истории: социально-политическое развитие общества и государства от Древней Руси до современной России: учеб. пособие / А. Г. Рогачев; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017. Его же Модернизационный поворот в России в XIX–XX вв. и мои поволжские предки в его контексте // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 2. С. 128–140; Его же «Исторический путь – не тротуар неевского проспекта...» – о письме В. И. Ленина к американским рабочим // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 3. С. 102–112; Его же Реформатор? В Сибирь! // Родина. 2019. № 4. С. 18–23.

2. Миронов Г. Е. История государства Российского: Историко-библиогр. очерки XIX в. / ТГБ. М.: Изд-во «Кн. Палата», 1995. С. 79.
3. Там же.
4. Рогачев А. Г. Реформатор? В Сибирь! // Родина. 2019. № 4. С. 19.
5. Там же, С. 20.
6. Рогачев А. Г. История Красноярского края с древнейших времен до современности: культура, экономика, быт, право и особенности управления: учеб. пособие / Краснояр. аграр. ун-т. Красноярск, 2015. С. 99–100.
7. Олех Л. Г. История Сибири: учеб. пособие / Л. Г. Олех. Изд-во 2-е перераб. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2013. С. 163.
8. Там же. С. 164–165.
9. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск, «Наука», Сибирская издательская фирма Российской Академии наук, 1996. С. 128.
10. Там же. С. 132.
11. Там же. С. 136.
12. Рогачев А. Г. История Красноярского края С. 100.
13. Там же. С. 100–101.
14. Там же. С. 100.

СЕКЦИЯ 3 ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В СИБИРИ

УДК 37.014.544

Д. А. Герасимов¹,

Е. О. Ступин²

^{1,2} Уфимский государственный авиационный технический университет
Уфа, Россия

УЛУЧШЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ СИБИРИ

Аннотация. В данной статье рассказывается о развитии системы образования и просвещения в Сибири благодаря реформам и ревизии М. М. Сперанского.

Ключевые слова: образование, Сибирь, М. М. Сперанский, Первый Сибирский комитет, учебные заведения, реформы

Abstract. This article describes the development of the education and enlightenment system in Siberia thanks to the reforms and revision of M. M. Speransky.

Keywords: education, Siberia, M. M. Speransky, the First Siberian Committee, educational institutions, reforms

В самом начале статьи следует упомянуть о главном реформаторе Сибири – Михаиле Михайловиче Сперанском. Он был графом, тайным советником, реформатором и в течение двух лет находился в должности генерал-губернатора Сибири, где провел ревизию всех дел. Благодаря его отчету Государю и Правительству, а также составленному проекту сибирской реформы был учрежден Сибирский комитет, который в будущем решил ряд проблем, связанных с развитием окраины Российской империи. Во время своего «путешествия» Сперанский отмечает отсутствие местных газет и низкий уровень грамотности. Михаил Михайлович писал министру внутренних дел О. П. Козодавлеву: «Без чтения можно совсем заржаветь. Не удивитесь, милостивый государь, что слишком рано вхожу к вам с представлением о типографии. В Сибири о всех вещах надобно думать годом ранее, нежели в России; типография здесь необходима» [3]. В связи со скудным уровнем культуры, образованные люди старались не задерживаться в Сибири и стремились вернуться в Европейскую часть страны. Это вызывало стагнацию и в некоторой степени усиливало отсталость

региона. Так, в 1823 г. Михаил Сперанский подал соответствующую записку об учреждении в Сибири университета в Сибирский комитет. Комитет согласился с тем, что высшее образование для Сибири полезно. К сожалению, лишь только в 1888 г. был открыт Императорский Сибирский университет в г. Томске.

Основной проблемой в развитии образования являлось отсутствие в Сибири самостоятельного учебного округа. Регион относился к Казанскому округу. Первый и Второй Сибирские комитеты в течение многих лет старались с помощью реформ исправить данное положение, и их труды оказались не напрасны. В 1885 г. на территории Западной Сибири был учрежден самостоятельный учебный округ на общих основаниях [4]. Это решило множество проблем, как в экономическом, так и в просветительском ключе.

Начало школьной образовательной системы края было положено Александром I в 1803 г. с учреждением документа «Предварительные правила народного просвещения». Согласно его народное образование состояло из четырех ступеней. Низшую представляли приходские училища, предназначенные преимущественно для крестьян. Обязанность их открытия на государственных землях возлагалась на местное духовенство и «почетных жителей». На следующей ступени находились уездные училища, которые следовало организовывать по возможности в каждом уездном городе. Третью ступень занимали гимназии, четвертую – университеты.

Согласно принятому в 1804 г. «Уставу учебных заведений», подведомственных университетам, уездные училища решали следующие задачи:

- 1) подготовить учеников для поступления в гимназии, в случае если родители будут настаивать на продолжении получения образования;
- 2) повысить уровень компетентности у молодых людей согласно их дальнейшим профессиям.

Последний пункт связан со спецификой самого региона, основанного на повсеместном наличии заводов и шахт для добычи полезных ископаемых.

Первым учебным заведением, которое было создано на Севере Западной Сибири на основании вышеуказанного Устава, стало организованное 30 августа 1818 г. Березовское уездное училище.

Одновременно с уездным в том же 1818 г. в Березове создается и мужское приходское училище – своего рода низшая ступень начального образования, предназначенная для детей непривилегированных сословий.

В 1844 г. приготовительный класс отделяется от уездного училища и преобразуется в самостоятельную школу.

В 1828 г. издается новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве Университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского».

Каждый тип школы приобретал законченный характер и был предназначен для определенного сословия. Преемственная связь между учебными заведениями, введенная в 1804 г., была отменена и доступ детей податного сословия в среднюю и высшую школу затруднен. Одним из положитель-

ных моментов нового Устава стало увеличение срока обучения в уездных училищах до трех лет.

Уездные училища, предназначенные для детей купцов, ремесленников, мещан и других городских жителей, не относящихся к дворянству, стали теперь трехклассными учебными заведениями. В них преподавались следующие предметы.

Большой вклад в развитие народного образования в крае, изучение его истории и культуры внес известный просветитель, краевед, педагог Николай Алексеевич Абрамов. С 1842 по 1849 г. он занимал должность штатного смотрителя Березовского уездного училища. В 1837 г. библиотека училища насчитывала лишь 164 тома.

В Сургутском крае в силу его малолюдности и отдаленности пришлось ограничиться низшей, первой ступенью учебных заведений. 28 января 1835 г. здесь открывается казачья школа, фактически работавшая по программе приходского училища. В школе проходили обучение дети казаков с восьми лет в обязательном порядке.

В низших учебных заведениях роль учителей часто выполняли священники и дьяки. В местах жительства кочевых народов создавались начальные школы для инородческих детей. Они создавались настоятелями и священниками местных храмов. Но тут стали возникать проблемы. Родители не сильно желали отдавать своих детей на воспитание и получение грамотности в связи со своими народными особенностями и менталитетом. Так из рассказа финского путешественника М. Кастрена, относящегося к 1845 г., можно увидеть, что в Верхне-Лумпокольском произошел случай, когда священник и духовный пастырь забрали двух мальчиков из Магионской волости в школу против воли их родителей. Так, по данным на 1848 г., в Юганской школе обучалось 8, Ларьянской – 8, Ваховской – 7, Верхне-Лумпокольской – 6 детей ханты.

В целом учебная программа для большинства таких учреждений была одинакова и состояла из чтения по-русски, письма, арифметики.

Немалую роль сыграли обычные горожане, которые на личные средства воздвигали здания для учебных заведений. Женский пол также не оставался в стороне – открывалось все больше смешанных и женских учебных заведений. Это в первую очередь было связано с изменением социальной роли женщины. Так, в 1852 г. открывается девичье приходское училище, реорганизованное через несколько лет в Мариинскую женскую школу.

Таким образом, благодаря ревизии, проведенной Сперанским, усилиям специальных органов (Сибирских комитетов), реформам в структуре управления образования и просвещения были открыты новые учебные заведения, повышен уровень грамотности, на заводы и шахты приходили работать более квалифицированные специалисты, произошел существенный подъем экономики и медицины края.

Список источников

1. Михаил Михайлович Сперанский [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <https://biographie.ru/politiki/mihail-speranskiy/> (21.05.22).
2. Михаил Сперанский, реформатор Сибири [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL <http://kuluars.info/zhurnal-irkutskie-kulary/irkutskie-kulary-29/mikhail-speranskij-reformator-sibiri.html> (21.05.22).
3. Новикова И., Рогачевская М. М. Сперанский в Сибири и о Сибири // Страницы экономической истории России. М., 2009, С. 167–182.
4. Блинов А. В. Реформы в области управления образованием на территории Западной Сибири в деятельности сибирских комитетов // Вестник ТГПУ. 2009. № 12. С. 105–107.
5. Цысь В. В., Цысь О. П. Образование и просвещение Западной Сибири в XIX – начале XX в., Нижневартовск, НГГУ. 2011. 305 с.

Е. Е. Гусева

Самусьский лицей имени академика В. В. Пекарского
Северск, Россия

ПРОБЛЕМА ДОСТИЖЕНИЯ ПРЕДМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ШКОЛЬНИКАМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В статье анализируется достижение предметных результатов в изучении истории учащимися среднего звена. Актуальность статьи вызвана принятием нового Федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (далее – ФГОС ООО) и изменением требований к достижениям обучающихся. Через отчетную документацию учебных заведений, результаты ревизии учебных заведений окружными инспекторами, выписки из журнала ученого комитета министерства народного просвещения автор прослеживает требования к предметным достижениям и проводит сравнительную линию с образовательными стандартами XXI в.

Ключевые слова: ФГОС ООО 2010, ФГОС ООО 2021, предметные результаты, программы изучения

Abstract. This article analyzes the achievement of subject results in the study of history by middle school students. The relevance of the study is caused by the adoption of a new Federal State educational standard of basic general education (hereinafter referred to as FSES BGE) and the change in the requirements for the achievements of students. Through the reporting documentation of educational institutions, the results of the audit of educational institutions by district inspectors, extracts from the journal of the academic committee of the Ministry of Public Education, the author traces the requirements for the subject achievements of students and draws a comparative line with the FSES BGE of 2010 and FSES BGE of 2021.

Keywords: FSES BGE of 2010, FSES BGE of 2021, subject results, study programs

История как школьный предмет традиционно является одним из самых трудноусвояемых. Как отмечено в последнем информационно-аналитическом отчете о результатах государственной итоговой аттестации за 2021 г. Центра оценки качества образования Томской области, средний балл по Единому государственному экзамену по истории снижается, а также снижается количество выпускников, сдающих данный экзамен на высокие результаты [1, с. 195]. Однако данная тенденция не считается явлением современности.

Так, в отчете Ишимской женской прогимназии от 1907 г. качество образования, т. е. оценка 4 и 5 баллов, по истории в сумме с географией декларируется в 72 % [2, л. 8]. Более точную картину достижений обучающихся дает отчет о ревизии учебных заведений окружного инспектора Попова от 1899 г., где он докладывает о результатах посещения им уроков

истории [3, л. 6–29]. Через данный отчет можно проследить предметные дефициты обучающихся, поскольку инспектор как представитель надзорного ведомства оценивает уроки как успешные и неуспешные, из чего мы можем сделать вывод о предъявляемых к обучающимся требованиях.

В ходе ревизии и посещения уроков Поповым были выявлены следующие результаты: обучающиеся слабо ориентированы в вопросах хронологии, поскольку не могли установить последовательность событий и расставить персоналии в верной последовательности [3, л. 10]. В том числе подобные результаты ревизии демонстрируют незнание базовых исторических дат и фактов по всеобщей и отечественной истории, а также неумение устанавливать причинно-следственные связи, поскольку ученики не могли установить связь между природными условиями и их влиянием на хозяйственную деятельность людей, влияние раздробленности на обороноспособность Руси и т. д. [3, л. 17; 3, л. 11; 3, л. 15]. Также в качестве предметных дефицитов обучающихся Попов выделяет неумение работать с картами.

Для установления предметных дефицитов современных обучающихся автор использует отчеты Центра оценки качества образования Томской области [1, с. 194–226]. Согласно данному отчету наиболее острыми предметными дефицитами являются картографические навыки, поскольку задания с картой в тестовой части одни из самых маловыполняемых [1, с. 214]. Еще одним главным предметным дефицитом является работа с текстом источников в тестовой и развернутой части [1, с. 215].

Таким образом, традиционными предметными дефицитами обучающихся являются незнание хронологии событий, основных фактов и дат, неумение работать с картами, непонимание причинно-следственных связей. К этому списку в современное время добавляется неумение работать с историческими источниками. И причинами этого в первую очередь является отсутствие соответствующих умений у педагогов. То же самое отмечает инспектор Попов в своих выводах о проведенной ревизии, что отсутствие понимания хронологии событий Реформации связано с тем, что сам педагог слабо ориентируется в хронологии данных событий и допускает ошибки во время урока.

Список источников

1. Ющенко О. И. Методический анализ результатов ЕГЭ-2021 по истории // Анализ результатов государственной итоговой аттестации выпускников 2021 года общеобразовательных организаций Томской области в форме Единого государственного экзамена. Информационно-аналитический отчет и методические рекомендации. Томск, 2021. С. 194–226.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 167. Оп. 1. Д. 10а. Л. 7.
3. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д 1332. Л. 6–29.

А. С. Ковалев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

РОЛЬ ГОСУДАРСТВА, ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ЦЕРКВИ В ОБУЧЕНИИ И ПЕРЕОБУЧЕНИИ ИНВАЛИДОВ ВОЙНЫ В СИБИРИ В 1915–1916 ГГ.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматривается реализация практики социальной помощи в период Первой мировой войны, направленной на организацию обучения и переобучения инвалидов-фронтовиков в Сибири. В процесс этой помощи были активно включены государственные органы, общественные организации и представители Русской православной церкви. В рамках исследования изучается отношение самих военных инвалидов к трудовой деятельности после получения ранения, иждивенческие настроения и стремление к социальной активности. Результатом взаимодействия разных субъектов социальной помощи стала реально работающая система реабилитации инвалидов Первой мировой войны.

Ключевые слова: инвалиды, обучение, переобучение, Первая мировая война, государственные органы, общественные организации, Русская православная церковь

Abstract. The article bases on archival materials and deal with implementation of social aid practice of organizing training and retraining of disabled veterans in Siberia during the First World War. State bodies, public organizations and representatives of the Russian Orthodox Church were actively involved in the process of assistance. The study examines the attitude of the military disabled themselves to work after being wounded, dependent moods and the desire for social activity. The result of the interaction of different subjects of social aid has become a working system of rehabilitation of disabled people during the First World War.

Keywords: disabled, training, retraining, World War I, state bodies, public organizations, Russian Orthodox Church

Одним из последствий любой войны всегда является увеличение числа инвалидов, которые сталкиваются с многочисленными проблемами. Одной из них является невозможность продолжать прежний образ жизни и обуславливает необходимость профессиональной реабилитации инвалида войны. В российской истории существуют традиции в области реализации мер социальной помощи, направленных на возвращение фронтовиков в общество, например, в годы Первой мировой войны. Одним из направлений общественного призрения инвалидов войны в этот период была организация их обучения и переобучения, в процесс которой активно включились как отдельные ведомства, так и общественные и религиозные структуры. Их вклад в становление системы профессиональной реабилитации нетрудоспособных фронтовиков в Сибири будет рассмотрен в настоящей статье.

В 1915 г. Военное министерство предложило дать возможность уволенным «за ранами, увечьями, болезнями» из армии нижним воинским добывать себе «средства к свободному существованию собственным трудом». В рамках этого предложения министерство распорядилось открывать по всей стране краткосрочные курсы для инвалидов «по различным отраслям прикладных знаний», чтобы они могли иметь «доступ к замещению более ответственных должностей», а именно: писарей, счетоводов, техников, чертежников, дезинфекторов, специалистов по сельскому хозяйству широкого профиля, инструкторов кустарной промышленности. Для реализации этого начинания министерство предписывало городским властям и местным общественным организациям произвести подробный учет всех инвалидов войны, определить, могут ли они пройти обучение на вышеуказанных курсах, а также есть ли в той или иной местности подобные школы, курсы и мастерские или же требуется их создать [1].

В 1916 г. на одном из заседаний Съезда по организации помощи инвалидам Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам была утверждена определенная «классификация» по степени увечности, позволявшей заниматься инвалиду тем или иным видом деятельности. Так, для обучения столярным и слесарным работам требовалось наличие обеих рук, одной ноги и одного глаза, допускалось отсутствие не более двух пальцев на левой руке [2, с. 287].

Сведения в анкетах, разработанных и разосланных на места Медико-Статистическим бюро при Главном комитете Земского союза, могут помочь увидеть, насколько инвалиды, вернувшиеся с фронтов Первой мировой, были готовы учиться. Например, в марте 1916 г. по Зятьковско-Реченской волости Барнаульского уезда в соответствии со списком насчитывалось 22 «увечных воина», из которых 16 чел. были полными инвалидами. Девять из них уже обучались сапожному ремеслу, один изучал переплетное мастерство. Три инвалида были не способны ни к какому труду даже после переобучения из-за тяжелого состояния здоровья. Еще три инвалида сообщали, что хотят изучить новое ремесло и трудоустроиться, причем один из них, по его словам, «имеет наклонности к письмоводству». И только один из инвалидов ни трудиться, ни учиться не хотел [3, с. 259–295].

Поскольку Россия того времени была преимущественно аграрной страной, наряду с Военным министерством активную роль в обучении инвалидов старалось сыграть Министерство земледелия. Оно предполагало открыть на местах курсы по разным отраслям сельского хозяйства и готовить из инвалидов войны счетоводов, конторщиков, скотников, маслоделов, садовников, огородников, монтеров, машинистов, мастеров водоснабжения. Для каждого вида курсов Министерство разработало учебные планы, и уже в 1916 г. в стране было учреждено около 300 подобных курсов – на одну губернию приходилось по 4–5 курсов. На организацию курсов планировалось потратить 5 млн руб. (для сравнения: Военное мини-

стерство выделило около 384 тыс. руб.) и обучить на них около 16 тыс. чел. [4].

Однако куда более заметным актором социальной помощи при решении вопросов, связанных с профессиональным обучением инвалидов войны, стали церковные органы. Св. Синод предлагал использовать свободные помещения в монастырях, где следовало организовать обучение столярным, слесарным, точильным, плетеночным, сапожным, швейным и другим работам. Духовные консистории обязали благочинных в кратчайшие сроки собрать сведения о том, сколько инвалидов проживает во введенном им благочинии, учились ли они в церковно-приходских или народных школах, имеют ли средства к существованию и желают ли обучиться какому-либо ремеслу. Особое внимание уделялось вопросу, есть ли желающие стать псаломщиками, поскольку местные епархии постоянно в них нуждались. Например, Епископ Томский и Алтайский Анатолий постоянно жаловался, что в Сибири нет «учебного заведения, которое поставляло бы кандидатов на псаломщические места», что псаломщиками обычно становятся «случайные искатели», просто умеющие читать и писать. Конечно, требования к инвалидам были не менее серьезными – они должны были «обладать некоторой грамотностью и голосовыми средствами настолько, чтобы научиться чтению и церковному пению, а равно и письмоводству в такой степени, чтобы нести обязанности псаломщика» [5]. Но если решался вопрос о том, кому занять место при сельской церкви, то приоритет отдавался инвалидам войны.

Сибирские благочинные прислали ответы со всего округа, и выяснилось, что инвалиды большого желания обучаться не имеют, хотя вполне трудоспособны и в посторонней помощи не нуждаются. Одни говорили, что у них «есть самостоятельное хозяйство [и] все необходимое для существования», другие мечтали пойти сразу на работу без какой-либо учебы, третьи не надеялись на постороннюю помощь и пытались сами приискать себе какую-нибудь работу [6].

На примере инвалидов войны из Томской губернии, о которых удалось собрать фрагментарные сведения, можно оценить, насколько они были готовы к переобучению.

Некоторые занимали явно иждивенческую позицию. У них было начальное или домашнее образование, и травмы позволяли учиться, стать псаломщиком, но они предпочитали «сидеть на шее» у родителей, как 25-летний томич С. Н. Кульдиба, который был грамотным и имел ранение правой руки, но заявил, что «учиться не желает, и вообще не способен к обучению», что «родители будут жить долго и не оставят его» [7]. Его сверстник В. И. Малянов из Барнаула также жил в доме у отца, который владел крупной пимокатной мастерской, а потому его сын был вполне обеспечен и учиться не желал [8].

Часть инвалидов войны получали пособие из казны, острой нужды не испытывали и потребности в переучивании у них не было. К ним же можно причислить и тех, кто «ожидал пенсию» – несмотря на начальное

образование, легкие ранения, они жили ожиданием того, что скоро государство назначит им некоторую сумму, которой вполне хватит на жизнь [9].

Конечно, основной причиной, вынуждавшей инвалидов отказываться от обучения, была их повальная неграмотность, особенно если учесть, что в обязанности псаломщика, помимо чтения и пения, входило все приходское писмоводство. Он должен был вести метрические книги, книги для записи браков, исповедные росписи, финансовые ведомости, и потому без надлежащего образования стать псаломщиком было невозможно. Однако надо отдать должное таким инвалидам – понимая, что по неграмотности псаломщиком стать не получится, они помогали своим здоровым родственникам заниматься сельским хозяйством [10].

Часть инвалидов не изъявила желания учиться, поскольку уже трудилась кондукторами на железной дороге, официантами, кучерами, зарабатывая от 30 до 50 руб. [11].

Были среди инвалидов и такие, кто и хотел бы пойти в псаломщики, но были объективные причины, мешавшие реализации этого желания. Скажем, барнаульский крестьянин В. П. Батухтин был грамотным и всю жизнь мечтал стать церковным служителем, но на войне полностью потерял зубы и способность свободно и понятно говорить. К чести инвалида следует заметить, что, получив отказ, он пошел на плотницкие курсы и после успешного их окончания нашел себе постоянную работу [12].

Инвалид М. Н. Новаш писал, что и хотел бы стать псаломщиком, что с 1911 по 1914 г. он уже служил при церкви: «...не тягочусь и церковной службы, устав церковный меня не затрудняет, и я с ревностью служил бы Господу Богу» [13]. Но оказалось, что псаломщик по долгу службы должен совершать крестные ходы, а у него была ампутирована нога. Не сумев стать псаломщиком, он попросился на учительские курсы при одноклассной церковно-приходской школе, куда благополучно был зачислен.

Для таких инвалидов, как Новаш, привычная для многих инвалидов жизнь за счет других была неприемлемой. Он остался человеком деятельным и, благодаря помощи церкви, сумел сохранить социальную и профессиональную активность. Похож на него был и крестьянин-инвалид Т. Т. Такин, который не смог получить место псаломщика, поскольку оказалось, что он не доучился в церковно-приходской школе, и тогда он решил снова сесть за парту, чтобы получить свидетельство и устроиться на курсы псаломщиков [14].

Если Такин хотя бы немного знал грамоту, то неграмотные Ф. Г. Глубинский и И. Г. Тарасенко не могли устроиться ни на курсы Министерства земледелия, ни на курсы псаломщиков. И тогда представители разных ведомств договорились, чтобы первый получил возможность обучаться сапожному ремеслу, а второй и вовсе стал «учиться ездить на автомобиле, чтобы поступить на должность шофера» [15].

Наконец, для некоторых инвалидов потребность в самостоятельной жизни не была ограничена ни их необразованностью, ни даже увечьями,

и они воспользовались предоставленной возможностью. У 25-летнего П. В. Ерофеевского были «вынуты 3 ребра и не владеет рука и нога», но, оставшись без работы, получая мизерную пенсию, он пошел учиться на псаломщика [16]. Дважды Гергиевский кавалер, 34-летний крестьянин Ф. И. Паршиков вернулся с войны без руки и получал, с его слов, неплохую пенсию, которой был вполне доволен, но тоже устроился на псаломщицкие курсы [17].

Проходил псаломщицкие курсы и томич И. Е. Косинов, образованный молодой человек из семьи обеспеченных родителей, и его пример подтверждает, что наличие стабильного дохода или богатых родственников не может считаться причиной иждивенческой позиции [18].

В процессы профессионального обучения и переобучения в Сибири включились также общественные организации. Например, 15–17 июня 1915 г. состоялся I съезд представителей городов Енисейской губернии и организаций помощи призванным воинам и их семьям, проходивший в Красноярске. По итогам его работы была принята резолюция о необходимости подыскивать инвалидам курсы переподготовки, «внушать способным к какому-либо труду, чтобы они не уклонялись от него». Красноярский комитет Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам в марте 1916 года открыл приют, где инвалиды имели возможность обучиться сапожному ремеслу, были открыты курсы по земледелию, пчеловодству и огородничеству, кооперации и другим отраслям знаний, доступным для инвалидов. 13 инвалидов из разных мест Енисейской губернии окончили эти курсы по кооперации и счетоводству, смогли вскоре трудоустроиться с заработком от 40 до 125 руб. в месяц [19, с. 112].

Дамский комитет в г. Красноярске, желая улучшить подготовку инвалидов, настоял на том, чтобы в приюте они могли не только обучиться новой профессии, но и получить начальное образование: «поскольку почти все они неграмотные, а неграмотные на такие работы не годятся, [то] обучение грамоте должно стоять у комитета наравне с обучением профессии» [20].

Таким образом, очевидно, что решать проблемы лиц с инвалидностью должны сообща как государство, так и представители общественности, особенно если это касается социальной политики в отношении военных инвалидов, которые нуждаются не только в материальной помощи, но и в полноценной социальной реабилитации, лучшим средством которого выступает труд, а также обучение новой профессии. В годы Первой мировой войны разные субъекты социальной помощи впервые объединились, чтобы организовать обучение и переобучение инвалидов, вернувшихся с фронта. Это стало началом нового подхода к благотворительности в стране, которому из-за революции 1917 г. не суждено было получить дальнейшее развитие. Однако советская власть в 1920-х гг. фактически вернулась к использованию межведомственного опыта трудовой и образовательной помощи инвалидам войны.

Список источников

1. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л.
2. Степочкина Е. В. Организация медицинской помощи и социальная реабилитация инвалидов в Самарской губернии во время первой мировой войны // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Самара, 2014. С. 285–289.
3. Когда рушились государства: судьба сибирской провинции в контексте Первой мировой войны: Сб. документов и материалов. Томск: ТГУ, 2014. Т. 1. 319 с.
4. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 12–17, 23–23об, 27.
5. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 29–30.
6. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 41об.
7. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81–82.
8. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 66–67.
9. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 76–77.
10. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 62об.
11. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 62, 67, 76.
12. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 55.
13. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 56.
14. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 40.
15. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 40об.
16. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 34.
17. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 36.
18. ГАТО. Ф. 170. Оп. 4. Д. 558. Л. 81–82.
19. Катцина Т. А. Социальная помощь инвалидам войны в годы «великих потрясений» (1914–1921): региональный аспект // Революция 1917 года: 100 лет спустя. Взгляд из Сибири. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск: Лаборатория развития, 2017. С. 111–115.
20. Государственный архив Красноярского края. Ф. 42. Оп. 1. Д. 292. Л. 59об.

Д. А. Николаев
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ РОЖДЕСТВЕНСКОГО СОВХОЗА (ДЗЕРЖИНСКОГО МОЛМЯСОВХОЗА) В 1927–1938 ГГ.

Аннотация. В статье рассмотрена динамика развития Дзержинского совхоза в 1922–1938 гг. Особое внимание уделено материально-техническому и экономическому состоянию хозяйства, кадровому составу. Значительное внимание уделяется производственной деятельности по хлебоуборочным, посевным мероприятиям, а также строительным. Работа дополняется фактами борьбы с «кулаками».

Ключевые слова: Дзержинский (Рождественский) район, совхоз, трактор, хлебоуборка, урожай, строительство, кулак, Красноярский край, Сибирь

Abstract. The article examines the dynamics of the development of the Dzerzhinsky state farm from 1922 to 1938. Special attention is paid to the material, technical and economic condition of the economy, personnel. Considerable attention is paid to production activities for grain harvesting, sowing events, as well as construction. The work is complemented by the facts of the fight against the "kulaks".

Keywords: Dzerzhinsky (Rozhdestvensky) district, state farm, tractor, grain harvest, harvest, construction, kulak, Krasnoyarsk Territory, Siberia

Комплексные преобразования управления Сибирью XIX в., среди которых наиболее важной была реформа М. М. Сперанского, дали начало реформам XX в. [1, с. 164]. Деятельность местных органов управления в области социально-экономического развития и хозяйственного освоения Сибири в первые десятилетия советской власти имела схожие задачи с проектами местной системы управления в дореволюционную эпоху [2, с. 51; 3, с. 403]. Однако, если основными субъектами преобразований в Сибири до 1917 г. были государственные органы местной власти (окружная администрация, волостные правления), то в советскую эпоху ими можно считать совхозы и колхозы, бравшие на себя широкие обязательства. Данный факт могут подтвердить воспоминания бывшего директора совхоза «Рождественский» И. Макарова, опубликованный в газете «Дзержинец» в 1967 г., а также заметками и статьями из местной газеты «Власть Советов» за 1930-е гг. [4, 5, 6, 7, 8].

Рождественский совхоз располагался между селами Рождественское (сегодня Дзержинское) и Нижним Танаем Дзержинского района Красноярского края (до 1930 г. – Рождественского района Канского округа Сибирского края, с 1931 по 1934 г. – Дзержинского района Канского округа Восточно-Сибирского края). Совхоз был образован в 1922 г. На его открытии

присутствовал и бывший руководитель Тасеевского партизанского отряда В. Г. Яковенко [9].

И. Макаров был назначен директором совхоза в ноябре 1927 г. По его воспоминаниям, в то время материально-экономическое и техническое состояние хозяйства было очень слабое. Достаточно сказать, что кадровых рабочих в совхозе было в те годы не более 20 человек. Это семьи С. Климова, тракториста В. Петухова, токаря Ф. Долгованова (он же был и слесарь, и тракторист). Совхоз имел один трактор «Рустон», 12 рабочих лошадей, 11 дойных коров, 50 овец, несколько десятков свиней, 21 улей пчел – вот и все хозяйство [6].

Весной 1928 г. совхоз сеял всего 200 гектаров. Хозяйство тогда имело семеноводческое направление, выращивало пшеницу «Китченер» и овес «Золотой дождь». Семена колхоз продавал по повышенным ценам, их охотно покупали крестьяне окрестных деревень [6].

В 1929 г. совхоз был переведен на государственный бюджет. На капиталовложения был открыт кредит, с помощью которого смогли приобрести тракторы и сеялки, почвообрабатывающие орудия, транспортные средства, скот [6].

Кадры рабочих пополнились за счет молодежи – на работу пришли трактористы И. М. Кукушкин, Дмитрий и Александр Деньгины, И. Шкуланов и Б. Кукушкин. Последний был толковым специалистом, хорошим организатором. Машин тогда было еще мало. Самой тяжелой и трудоемкой работой была хлебоуборка. Приходилось нанимать большое количество сезонных рабочих с лошадьми [6].

Заметное оживление хозяйственной деятельности и общественной активности рабочих произошло в 1929 г. В это время была создана комсомольская организация, секретарем которой стал Дмитрий Деньгин – передовой тракторист и лучший активист [6].

1929 г. принес немало успехов. Был получен хороший урожай. Отдельные участки дали до 30 центнеров с гектара [6]. Производственный план хозяйство выполнило по всем показателям.

И вот 1930 г. – эпоха великого перелома. По предмету выращиваемых культур – совхоз был утвержден льноводческим. На открытый в госбанке кредит хозяйство закупило 360 голов крупного рогатого скота и 120 рабочих лошадей с упряжью [6].

Началось большое строительство. Распиловку леса на плахи и тес вело 34 пары пильщиков. Совхоз покупал также в соседних деревнях дома и перевозил их на свою усадьбу. Более 100 рабочих было занято строительством. Возводились дома, производственные постройки [6].

В этом же году совхоз получил пять тракторов, корчевательную машину и освоил 700 гектаров новых земель. Значительно пополнился парк почвообрабатывающих машин. Совхоз приобрел жатки-сноповязалки. В хозяйство были направлены специалисты. Для подготовки механизаторов были открыты в совхозе курсы трактористов. Их вел бригадир тракторной бригады И. М. Кукушкин. Но в последующий год Рождествен-

ский совхоз стал отделением Тайнинского совхоза. И только в 1938 г. на базе отделения был образован теперь уже Держинский Молмясовхоз. Первые 10 лет хозяйство совхоза имело разное направление [6].

Однако из отечественной истории мы знаем, что это были трудные времена. Воспоминания опубликованы в газете «Держинец» в 1967 г., однако бывший председатель совхоза И. Макаров не осветил те проблемы, которые были свойственны тому периоду исторического развития, например, явные трудности в самой коллективизации, неполадки в имевшемся и поставляемом оборудовании, задержки в строительстве важных объектов сельскохозяйственного производства, разногласия в полномочиях между совхозом и МТС, трудности в снабжении населения [4, 5, 7, 8].

Так, вопросы борьбы с «кулаками» в селе Рождественское упомянуты в заметках газеты «Власть Советов». Одна из них гласит: «К 20 февраля все единоличные бедняцко-середняцкие хозяйства будут в колхозах. Кулак А. Е. Залыва выведен из состава Рождественского сельсовета, обложен индивидуально и выслан за пределы Рождественского района» [5]. Другая статья показывает «неприглядные лица» кулаков, что должно было вызвать осуждение со стороны читателей и оправдать те мероприятия, которые предпринимались против кулаков и их семей: «В селе Рождественском, когда разрешался вопрос о сборе задатков под тракторы, на собрание явилась организованная группа кулацких подпевал и пыталась сорвать собрание, ведя пропаганду против мероприятий соввласти. Особенно из этой группы выделился Ясинович Максим, который во время доклада старался агитировать сидящих возле себя не давать задатков под тракторы» [8].

Таким образом, из представленного материала воспоминаний бывшего председателя Рождественского совхоза И. Макарова можно установить положительные факты социально-экономического развития Рождественского совхоза в 1928–1938 гг. Как показывает анализ местной прессы 1930-х гг., в селе Рождественском в 1920–1930-е гг. существовали проблемы в системе управления, снабжения населения продовольствием, промышленными товарами, шло раскулачивание. Тем самым только комплексный анализ прессы позволяет прийти исследователю к объективным выводам.

Список источников

1. Чекаленко Е. В., Гергилев Д. Н. Полномочия и деятельность государственных служащих местной администрации в конце XIX – начале XX века и ее влияние на систему центральной власти // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1 (23). С. 164–173.

2. Карчаева Т. Г. История нотариального дела на территории Тувы: от нойонов и старших выборных до Первой Кызылской нотариальной конторы (1914–1940 гг.) / Т. Г. Карчаева, З. Ю. Доржу, М. Д. Северьянов, А. В. Седен // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 1. С. 51–62.

3. Карчаева Т. Г. «Из каких мест прибыл?»: о кадровом обеспечении государственной службы в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. / Т. Г. Карчаева, М. Д. Северьянов, А. Г. Грязнухин, Т. В. Грязнухина // Былые годы. 2022. № 17 (1). С. 403–411.

4. «Верный путь» радиоприемник // Власть Советов. 1936. № 55. 14 авг.

5. Кулаки // Власть Советов. 1930. № 5. 5 янв.

6. Макаров И. Первая борозда // Дзержинец. 1967. № 63. 28 мая.

7. Не строят зерносушилку // Власть Советов. 1936. № 55. 14 авг.

8. О кулаках // Власть Советов. 1930. № 84. 13 апр.

9. Трижды рожденная Усолка [Электронный ресурс] // Губернские истории: Енисейской губернии 200 лет: 1822–2022. URL: <http://200eg.krskstate.ru/stories/0/id/55712> (дата обращения: 18.05.2022).

Е. В. Почеревин

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет

им. В. М. Шукина,

Бийск, Россия

ФИНАНСИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЗ СРЕДСТВ МЕСТНОГО БЮДЖЕТА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Освещены механизмы составления и утверждения губернских земских смет в начале XX в. Инициатива администрации была скована законодательными установлениями и нехваткой бюджетных средств. Но, несмотря на это, земский бюджет финансировал некоторые проекты в сфере профессионального образования.

Ключевые слова: Енисейская губерния, начало XX в., местный бюджет, профессиональное образование

Abstract. The mechanisms of drawing up and approving provincial zemstvo estimates at the beginning of the XX century are highlighted. The initiative of the administration was constrained by legislative regulations and lack of budget funds. Despite of this the zemstvo budget financed some projects in the field of vocational education.

Keywords: Yenisei province, the beginning of the XX century, local budget, vocational education

Развитие профессионального образования в начале XX в. отражало общую тенденцию социально-экономических преобразований в стране. Тема профессионального образования имеет богатую историографию. Общий обзор его становления дан в работе М. В. Рыгаловой, там же приведены данные об основных исследованиях по предмету [1]. Говоря о восточносибирской специфике, следует указать на сочинение А. И. Шилова [2]. Свою роль в процессе развития профессионального образования играли местные бюджеты сибирских регионов. Средства губернского земского сбора использовались для обеспечения функционирования местного хозяйства. Одна из статей расходов была ориентирована на поддержку начального образования. Однако и профессиональное образование получало определённую поддержку. Цель данной работы – показать роль местного бюджета в поддержке учреждений профессионального образования в Енисейской губернии в начале XX в. Источниковой основой исследования явилась губернская делопроизводственная документация и периодическая печать.

В июне 1910 г. в с. Рыбинском Канского уезда была учреждена низшая сельскохозяйственная школа. На её первоначальное устройство из земских средств, запланированных на трёхлетие 1909–1912 гг., выделялось по 12 532 руб. в год, на содержание предполагалось отпускать

по 3 670 руб. ежегодно [3]. Кроме того, было назначено ежегодное пособие в размере 4 420 руб. от Главного управления землеустройства и земледелия [2, с. 321].

В проекте губернской сметы на 1915–1917 гг. испрашивалась большая сумма. Кроме положенных по закону 3 670 руб., на ремонт требовалось 933 руб., на устройство и оборудование общежития – 5 000 руб. и на выплату стипендий 45 ученикам – 4 500 руб. в год [4, с. 69].

По инициативе губернской администрации с 1911 г. велась подготовка к открытию в с. Ермаковском Минусинского уезда сельскохозяйственной школы [5, с. 208]. В январе 1915 г. вышел закон об её официальном учреждении. Предписывалось отпускать из земского бюджета на трёхлетие 1912–1914 гг. на первоначальное обустройство по 12 480 руб. в год, с 1915 г. на содержание школы выделять из губернского земского сбора по 3 670 руб. в год [6]. В проекте губернской сметы на 1915–1917 гг. также были запланированы расходы на постройку общежития и выплату стипендий. В силу установленных правил, проекты земских губернских смет рассматривались особым совещанием при Департаменте окладных сборов министерства финансов (далее – Совещание). В данном случае Совещание, сократив предполагаемый расход на стипендии до 3 500 руб. в год для обеих школ, указало, что сверхштатные расходы возможны в случае их утверждения на законодательном уровне [4, с. 69–70].

В проекте сметы на 1915–1917 гг. губернское начальство планировало открытие Большемуртинской сельскохозяйственной школы с общежитием на 45 стипендиатов. Для её обустройства запрашивались ассигнования 16 260 руб. в год. Поскольку предполагалось функционирование школы только в последний год трёхлетия, то расходы на её содержание определялись в сумме 1 720 руб., из них 1 500 руб. – на материальное обеспечение учеников. Совещание исключило из сметы данные расходы, указав на отсутствие сведений, оправдывающих необходимость открытия училища [4, с. 70–71].

Идея создания в губернии школы рыбного дела была высказана на съезде рыбопромышленников в сентябре 1909 г. Управление государственных имуществ Енисейской губернии изучило опыт работы Самаровской школы в Тобольской губернии. Управляющий школой изучал постановку рыбного дела в ряде зарубежных стран [7, с. 248]. В земскую смету на 1912–1914 гг. были внесены «к условному отпуску» ассигнования на устройство и оборудование школы в размере 20 000 руб. и на содержание её в последний год действия сметы – 7 030 руб. [4, с. 79]. В октябре 1914 г. было разрешено использовать эти средства по назначению. Причём, несмотря на некоторое уменьшение первоначально запрашиваемых средств на содержание школы, в законе говорилось о прибавке жалования преподавателям сверх установленных законом размеров вознаграждения для учителей в средних и низших сельскохозяйственных учебных заведениях. Ежегодно с 1915 г. предписывалось отпускать на содержание школы по 6 860 руб. в год [8]. Во всех функционировавших учреждениях

жалование преподавателям было более высоким, чем было установлено стандартным штатным расписанием для подобных заведений.

К профессиональным учебным заведениям могут быть отнесены образцово-показательные мастерские. В том же проекте сметы на трёхлетие 1915–1917 гг. губернское начальство предлагало выделить ассигнование на создание трёх учебных мастерских для кустарей по сельскохозяйственному машиностроению. Для исчисления потребных на это расходов были взяты данные из отчёта Томского губернского кустарного комитета, которые составили 9 640 руб. на каждое заведение. На содержание мастерских, которые предполагалось открывать постепенно, планировалось затрачивать по 7 140 руб. в год. Собрание, в целях экономии, утвердило расходы на открытие только двух мастерских [4, с. 76–77].

Самым заметным было участие земского бюджета Енисейской губернии в финансировании Красноярской фельдшерско-акушерской школы. В 1874 г. в г. Красноярске было открыто Повивальное училище с родовспомогательным отделением и приютом для детей. Обучение было платным и составляло 100 руб. в год [9, с. 175]. В 1889 г. по предложению В. М. Крутовского была создана фельдшерская школа, первоначально в ней обучалось 6 человек. По сведениям Л. К. Козловой и И. Т. Лалетина, учебное заведение существовало на средства его создателя [10, с. 60]. В 1893 г. школа была передана Обществу врачей Енисейской губернии [11, с. 115]. До 1903 г. школа содержалась на средства членов Общества врачей и добровольные пожертвования [12, с. 91].

По просьбе Общества врачей иркутский генерал-губернатор возбудил ходатайство перед МВД о выделении Красноярской школе фельдшерских субсидии в размере 6 500 руб. Министерство, сомневаясь в целесообразности этих затрат, выразило мнение о возможности реформирования Иркутской фельдшерской школы. Ставилась цель открытия на её базе центрального профильного образовательного учреждения для Восточной Сибири. Представители медицинской общественности Енисейской губернии через газету подвергли критике идею столичного чиновничества. По мнению сибирских врачей, в Иркутск поедут только те, кто будет обеспечен крупными стипендиями, поскольку проживание в Иркутске дорого. Выгоднее субсидировать Красноярскую школу, чем выплачивать значительные суммы стипендиатам – полагали члены Общества врачей. В качестве аргумента приводились сведения о качестве подготовки кадров в Красноярской школе – несколько выпускниц отучились за рубежом и стали врачами в России [13, с. 96]. В декабре 1903 г. вышел закон о выделении из земских сборов Иркутского генерал-губернаторства в период 1903–1905 гг. пособия школе в размере 6 500 руб. ежегодно. Средства необходимо было предоставлять из остатков сметных начислений или из запасной суммы [14]. Тем не менее в декабре 1904 г. директор школы обращался к действительным членам Общества врачей с просьбой поддержать школу «участием в преподавании ... до времени выяснения вопроса о получении правительственной субсидии». Только тогда, по словам

директора, откроется возможность нанимать платных преподавателей. Интересно, что на разосланные письма положительно ответил только один член общества, который не был врачом [15, с. 46]. В проекте сметы на 1906–1909 гг. указанные 6 500 руб. в год вносились к условному отпуску, однако Собрание допустило безусловное включение данной суммы в смету [16, л. 32 об., 76 об.].

В 1905 г. Общество врачей приобрело с торгов земельный участок и сгоревший каменный дом за 7 800 руб. для школы [17, с. 295]. По сведениям «Сибирских врачебных ведомостей», затраты Общества на покупку и ремонт здания составили около 20 000 руб. Двухэтажное здание позволило сделать столовую и учебные классы, обширная усадьба давала возможности для дальнейшего расширения школьного хозяйства [18, с. 119].

По мнению медиков, в 1905 г. условия жизни и работы в Сибири были хуже, чем в европейской России [19, с. 108]. Бороться с этим пытались, опираясь на средства местного бюджета. Из проекта сметы Енисейской губернии на 1915–1917 гг. видно, что финансирование частично использовалось на стипендии, по 180 руб. на воспитанницу в год. Окончившие школу обязаны были прослужить по полгода за каждый год обучения. В большинстве случаев, по окончании срока фельдшерицы-акушерки оставляли службу, переходя в другие губернии или в Переселенческое управление. Из учениц, не получавших стипендии, лишь немногие оставались в губернии. Губернским управлением было возбуждено ходатайство перед иркутским генерал-губернатором о разрешении использовать 5 500 руб. из общих остатков сметы 1909–1911 гг. на дополнительную субсидию школе. Оно было отклонено, поскольку ежегодный лимит в 20 000 руб., которым мог самостоятельно распоряжаться генерал-губернатор, был исчерпан [4, с. 31–32].

Первый съезд врачей Енисейской губернии в 1912 г. высказался за повышение размеров стипендии (до 240 руб. в год), за увеличение их количества и продление срока обязательной службы. Кроме того, съезд нашел необходимым ходатайствовать об увеличении земской субсидии, не только на выплату стипендий, но и на введение регулярного жалования для преподавателей, работавших большей частью бесплатно. Ходатайство было отклонено Казенной палатой, ввиду отсутствия отчетности об использовании уже выданных субсидий. Тем не менее губернское управление сочло возможным включить в проект сметы на 1915–1917 гг. дополнительное пособие в размере 5 500 руб., что вместе с отпускавшимися ранее средствами, составило бы 12 000 руб. в год. Предполагалось выплачивать 15 стипендий по 200 руб., назначить жалование преподавателям и директору школы, закупить учебные пособия. Собрание согласилось с указанным увеличением средств, однако из расчета не на три, а на два с половиной года, поскольку смета должна была пройти законодательное утверждение не ранее середины 1915 г. [4, с. 33–34]. Первая мировая война сказалась на кадровом составе школы. В 1914 г. из-за временного недос-

татка врачей-преподавателей, приёма на первый курс не производилось [20].

Таким образом, губернская администрация стремилась выделять средства на поддержку профессионального образования. Однако инициатива местной власти была скована законодательными установлениями и нехваткой бюджетных средств. Но, несмотря на это, земский бюджет финансировал некоторые проекты в сфере профессионального образования.

Список источников

1. Рыгалова М. В. Формирование сети сельскохозяйственных учебных заведений на окраинных территориях Российской империи в 1880–1910 гг. / М. В. Рыгалова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (45). С. 82–89.

2. Шилов А. Профессиональное образование Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. / А. И. Шилов. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2014. 544 с.

3. Об отпуске средств на учреждение и содержание низшей сельскохозяйственной школы в с. Рыбинском Енисейской губернии // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3-е. Т. XXX. 1910. № 33 837. СПб., 1913. С. 814.

4. Свод предположений местного начальства и заключения Совещания представителей подлежащих ведомств по проекту сметы земских повинностей по Енисейской губернии на 1915–1917 гг. Петроград, 1915. 102 с.

5. Царев В. И. Казенные селения Енисейской губернии: история формирования и развития (на примере села Ермаковского) / В. И. Царев, Н. О. Васильева, В. В. Царев // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 4 (79). С. 200–212.

6. Об учреждении в Минусинском уезде, Енисейской губернии низшей сельскохозяйственной школы (с.у. 134) // Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 г. Петроград: Гос. типография, 1915. С. 272.

7. Гайдин С. Т. История развития рыбного промысла в низовьях Енисея в досоветский период (1822–1917 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2012. № 4 (67). С. 242–249.

8. Об отпуске средств из земских сборов Енисейской губернии на учреждение Енисейской школы рыбного дела первого разряда (с.у. 2927) // Сборник действующих постановлений, изданных в порядке статьи 87 основных государственных законов. Дополнение к сборнику, изданному в 1913 г. Петроград: Гос. типография, 1915. С. 200.

9. Долидович О. М. Красноярская женская фельдшерская школа (к истории создания и деятельности) / О. М. Долидович // Красноярский край – 70 лет исторического пути: V краеведческие чтения, Красноярск,

01–03 ноября 2004 г. Красноярск: Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, 2005. С. 174–178.

10. Козлова Л. К. К истории общества врачей Енисейской губернии / Л. К. Козлова, И. Т. Лалетин // Сибирское медицинское обозрение. 2002. № 2(22). С. 59–61.

11. У истоков сибирской медицины. В. М. Крутовский – врач, ученый, организатор здравоохранения / Ю. В. Карачева [и др.] // Сибирское медицинское обозрение. 2018. № 3 (111). С. 113–120.

12. Николаев В. Г. Роль В. М. Крутовского в организации медицинской помощи населению Енисейской губернии / В. Г. Николаев, В. И. Прохоренков, О. С. Сюськин // Сибирское медицинское обозрение. 2003. № 4(29). С. 90–93.

13. Врачебные заметки // Сибирские врачебные ведомости. 1903. 15 март. № 7.

14. О пособии Красноярской школе фельдшерниц на 1903–1905 гг. // ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. XXIII. Отделение I. 1903. № 23 782. СПб., 1905. С. 1 130.

15. Врачебная хроника // Сибирские врачебные ведомости. 1904. 1 февр. № 3.

16. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 52. Д. 7.

17. Врачебная хроника // Сибирские врачебные ведомости. 1905. 1 окт. № 19.

18. Врачебная хроника // Сибирские врачебные ведомости. 1906. 1–15 июн. № 11–12.

19. Врачебная хроника // Сибирские врачебные ведомости. 1905. 1 апр. № 7.

20. Хроника // Сибирский врач: газета научной и общественной медицины и врачебного быта. 1914. 24 августа. № 34.

В. А. Шаламов

Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ МЕДИЦИНСКИМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. Медицинская сфера Енисейской губернии отличалась рядом особенностей. В Сибири отсутствовало земство, что позволяло сохраниться архаичным учреждениям в виде приказа общественного призрения и сельско-врачебной части. Городские самоуправления неохотно развивали медицинские учреждения, что стимулировало частную инициативу. Собственная медицинская организация имела для переселенцев.

Ключевые слова: история здравоохранения, история медицины, система управления, Енисейская губерния, медицинская администрация

Abstract. The medical sphere of the Yenisei province was distinguished by a number of features. In Siberia, there was no zemstvo, which allowed the preservation of archaic institutions in the form of an order of public charity and a rural medical unit. City governments were reluctant to develop medical facilities, which stimulated private initiative. The settlers had their own medical organization.

Keywords: history of healthcare, history of medicine, management system, Yenisei province, medical administration

В Российской империи медицинская сфера отличалась низкой концентрацией управленческих структур. Практически каждое ведомство и крупная организация имели свою собственную медицинскую службу. Большую долю на этой ниве занимали общественные и частные медицинские учреждения. Все это создавало почву для дубляжа, безответственности, финансовой и юридической недостаточности, а также запутанности управления. Система управления медицинской сферой неоднократно привлекала внимание исследователей. Однако рассматривались лишь отдельные ведомства. В данной публикации прилагаются усилия для более широкого обобщения. В поле зрения автора оказались медицинские учреждения, которые охватывали свыше 90 % городских и сельских жителей Енисейской губернии. Речь будет идти о медицинской службе переселенческого управления, сельско-врачебной части и приказе общественного призрения.

Итак, в XIX в. центральным органом управления медицинскими учреждениями империи был медицинский департамент Министерства внутренних дел. В 1822 г. была образована Енисейская губерния, а при губернаторе – губернское управление. В его структуру входила врачебная управа. Ее возглавлял врачебный инспектор [1, с. 8]. В 1880–1890 гг. ин-

спектором врачебной управы Енисейской губернии был П. И. Рачковский. В оперативном плане он был подчинен енисейскому губернатору. Всю отчетность по третям года, а также переписка по специальным вопросам направлялись в медицинский департамент. Кроме врачебного инспектора, в состав управы входил врач-оператор (хирург), врач-акушер, ветеринарный врач и секретарь. В своих действиях они руководствовались врачебным уставом. Все, что выходило за его пределы, они решали коллегиально [2, с. 4–8].

Врачебным управам были подотчетны окружные врачи, которые выполняли в основном полицейские (судебно-медицинские) функции. Местами их дислокации были города Ачинск, Енисейск, Канск и Минусинск. В 1865 г. в каждом округе были учреждены должности сельских окружных врачей. При каждом враче полагалось три фельдшера. Они должны были оказывать медицинскую помощь сельскому населению своего округа. Характер их работы был разъездным. Врачи вели специальные журналы. Путевой журнал демонстрировал перемещение врача по уезду. На местах представители власти подтверждали явку медика в населенный пункт. Имелись журналы расхода и прихода медикаментов. Учитывая масштабность территории округов, медицинская помощь если и оказывалась, то только сельской аристократии – старостам, священникам, кулакам. Скорее она представляла административный врачебный надзор, а не собственно медицинскую помощь [3, с. 5].

Врачебная управа была органом оперативного управления. Органом чрезвычайного управления был губернский комитет общественного здоровья. На местах были уездные комитеты. По сути, он дублировал функции врачебной управы. В силу этого собирался он крайне редко. К примеру, в 1899 г. губернский комитет заседал всего 2 раза, в Ачинске, Енисейске и Канске по 1 разу и только в Минусинске 4 раза. Интересны причины организации собраний. В основном они принимали типичные меры по санитарной очистке местности по весне, проводили мероприятия по подготовке населения на случай появления чумы и борьбы с бешенством животных. В состав комитета входили губернатор, представитель духовного ведомства, врачебный инспектор, ветеринарный врач, глава губернского правления, городской голова и полицмейстер. Решить самостоятельно сугубо медицинские вопросы на губернском или уездном уровне врачебная управа практически не могла. Она была сильно ограничена в своих действиях. Только авторитет губернатора мог придать солидности мероприятию и гарантировать исполнение распоряжений комитета. Такой порядок сильно тормозил принятие оперативных и чрезвычайных решений, особенно в разгар эпидемий. Сказывалось недоверие властей к интеллигенции [4, л. 26].

Еще одним органом управления был губернский оспенный комитет. В него входили те же самые лица. Такие комитеты создавались с конца XVIII в. Тогда они являлись прогрессивными учреждениями, способствовавшими распространению оспопрививанию. Однако к концу XIX в. они

явно не справлялись с проблемой. Теперь стояла задача не тушить пожар эпидемий, а ликвидировать угрозу путем поголовной вакцинации. Для этого требовалось принимать оперативные решения, внедрить новые методы оспопрививания, создать штат специалистов. Изредка собиравшийся комитет не мог этого осуществить, поэтому назрел вопрос о передаче этого дела в руки постоянно действующей медицинской администрации [2, с. 5].

Государственно-общественным институтом, занимавшимся организацией медицинской помощи городскому населению с 1775 г., являлся приказ общественного призрения. В Красноярске он появился в 1823 г., год спустя после образования Енисейской губернии. Создавались приказы общественного призрения для содействия населению губернских и провинциальных городов в получении мелкого кредита, заведования образованием, медициной и социальным попечением. За счет благотворительности и доходов от капиталов приказ содержал социальные учреждения, в том числе и больницы. Во второй половине XIX в. их насчитывалось пять по числу округов Енисейской губернии. В состав правления приказа входили председатель губернского правления, врачебный инспектор, особый заседатель, городской голова. Последний должен был наблюдать за состоянием в городе социального призрения. Инспектор врачебной управы обязан был содействовать устройству лечебных заведений, снабжению их продовольствием, решать вопросы приема, лечения и выписки больных. В заседаниях приказа он принимал участие главным образом, когда рассматривались вопросы, связанные с подведомственными ему больничными учреждениями [5, с. 97].

Для начала и середины XIX в. системы окружной сельской медицины и приказа общественного призрения в основном выполняли свои функции. Подведомственные им учреждения были прогрессивным явлением для своего времени. Однако в ходе Великих реформ Александра II в центральной России произошли существенные изменения. После введения в 1864 г. земского самоуправления, ему позволили организовать медицинскую помощь для сельского населения. В 1870 г. принимается закон о городском общественном управлении. С этого времени приказ общественного управления в центральной России прекратил свое действия, передав городским и сельским самоуправлениям свои учреждения. Сибирь эти преобразования практически не затронули. Земство, как известно, на Сибирь не было распространено. Городские самоуправления хотя и были введены, но организация медицинской помощи была их правом, а не обязанностью. В структуре городских бюджетов расходы на здравоохранение входили в необязательную часть, что позволяло «отцам города» отказывать в ассигновании на соответствующие нужды. Расходы сильно колебались в зависимости от ситуации. К примеру, на 1895 г. на благотворительные и медицинские учреждения было отпущено из городских бюджетов Енисейской губернии от 0,9 до 6,4 % [6, с. 96]. Ничего не изменило и обновленное городское положение 1892 г.

Городские думы не желали брать на свой бюджет убыточные учреждения. В свою очередь губернские правления не желали передавать городам капиталы приказа общественного призрения. Из пяти больниц приказа Енисейской губернии лишь одна в Енисейске была передана городу. Приказ превратился в приложения к врачебным управам, поскольку другие функции у этого учреждения к этому времени уже практически не действовали. По сравнению с городскими и земскими медицинскими учреждениями центральной России аналогичные учреждения в Сибири сильно проигрывали. Архаичная система материального обеспечения, слабый контроль за расходованием финансовых средств, мелочная опека за персоналом со стороны чиновничества создавали невыносимые условия службы для медработников, которые стремились поскорее покинуть сибирский регион. Больницы ветшали, приходил в негодность инвентарь. К концу века больницы стали восприниматься обществом как карательные учреждения. Врач С. Чудновский писал про енисейскую больницу, что при штате в 34 койки больница зачастую принимала 90–100 человек и пациенты просто валялись на полу. Заболевшие солдаты местной команды готовы были, преодолевая страдания, выходить на службу, Христом-богом умоляя офицеров не отправлять их на лечение. В сельской местности к концу века практически не функционировало ни одной больницы. Система явно устарела и требовала реформирования [7, с. 125–126].

Сибирская общественность неоднократно настаивала перед представителями власти о необходимости введения земства и расширения городского самоуправления, но встречала неизменный отказ. Причин было много. Начиная от этнической специфики и заканчивая наличием каторги и ссылки. Из-за нерешенности этого ключевого вопроса оказались нереализованными задачи экономического и социального развития огромного края.

Изменения были вызваны решением власти о строительстве в 1891 г. Транссибирской магистрали. Еще в средние века было отмечено, что пути сообщения являются воротами для распространения инфекционных заболеваний. Строительство трансконтинентальной железной дороги кроме очевидных преимуществ таило и немалые опасности. Сибирь была неблагополучной по целому ряду эпидемических заболеваний, именно вследствие неразвитости медицинских служб. Соответственно, чтобы обезопасить внутренние регионы страны, нужно было принимать экстренные меры, которые бы снизили риски. Создание железнодорожной медицинской организации на Транссибе не могло эффективно решить проблему. Требовалось более широкомасштабное вмешательство, которое позволило бы снизить инфекционный фон внутри сибирских регионов.

Тянуть дальше было уже нельзя, поэтому масштабные преобразования начались параллельно со строительством железнодорожного пути в 1890 гг. В ходе административной реформы в Сибири по закону от 1 июня 1895 г. врачебные управы были расформированы. Вместо них при губернских управлениях были образованы отдельные врачебные

и ветеринарные отделения. Возглавлял врачебное отделение врачебный инспектор. В Енисейской губернии ему полагалось иметь двух помощников. Врачебными инспекторами в рассматриваемый период в Енисейской губернии были – П. И. Рачковский, В. Ф. Миропольский, В. А. Белиловский. Первоначально в отделении было два делопроизводства. Первое было административно-распорядительным в составе делопроизводителя, его помощника и двух писцов. Второе ведало делами бывшего приказа общественного призрения. Третье было образовано в 1912 г. и ведало сельско-врачебной частью. Кадровый состав был таким же, как и в первом делопроизводстве. Вдобавок к этому канцелярию врачебного отделения обслуживали две машинистки и регистратор [8, л. 1].

Приказ общественного призрения был ликвидирован. Однако подконтрольные ему медицинские учреждения городские самоуправления так и не взяли на свой бюджет, поэтому их оставили в подчинении врачебных отделений. Обычно в официальных документах вплоть до 1917 г. упоминались «больницы бывшего приказа общественного призрения». Их материальное положение не улучшилось. Городские администрации готовы были выплачивать небольшие суммы с условием, что городских обывателей будут принимать на безвозмездной основе [9, с. 255–256]. В целом ликвидация приказа была закономерным финалом отжившего учреждения. Однако это было концом лишь с юридической точки зрения. Фактическое положение с городским здравоохранением замерзло на одном месте, в то время как население городов неуклонно возрастало. Нерешенность данной социальной проблемы стало одной из причин недовольства действиями имперской администрации.

Одновременно с этим предпринимались шаги по введению земства, но они не увенчались успехом. Наконец, иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин смог провести проект реформы сельско-врачебной части, который был окончательно утвержден 29 мая 1897 г. и с начала 1898 г. проведен в жизнь. Реформа носила паллиативный характер. Вместо окружных сельских врачей появляется 24 участковых врача. При каждом из них должно было состоять по 3 фельдшера и фельдшерица-акушерка, а также нерегламентированное число оспопрививателей. Врач должен был служить в лечебнице или приемном покое. Ликвидировалась категория окружных врачей, обязанности которых были переложены на сельских участковых врачей. Весь медицинский персонал назначался губернским врачебным отделением. Врачей при этом утверждал лично губернатор, который мог отказать, например, ссылаясь на еврейство кандидата или его неблагонадежность. Границы врачебных участков, а также дислокации резиденций участковых врачей определялись иркутским генерал-губернатором по согласованию с енисейским губернатором. Резиденции были назначены для удобства ведения судебно-полицейских дел в центрах, которые одновременно являлись местами пребывания мировых судей, что не всегда было удобно. При врачебном отделении полагалось иметь двух врачей для командировок, которые должны были выезжать на эпидемии,

а также заменять собой коллег, отправленных в отпуск или уволившихся от службы. Финансирование велось за счет земских налогов, рассчитываемых по трехлетиям, поэтому за медпомощь и медикаменты плата не взималась [3, с. 7–11].

Система оказания помощи стала стационарно-разъездной. Радиусы участков были колоссальны – от 100 до 500 верст, не считая огромного Туруханского края, где был единственный врач. В силу этого врач обязан был несколько раз в год объезжать свой участок, а также выезжать по вызовам и на судебно-медицинские освидетельствования. При населении участка в 20–30 тыс. человек в год врач мог принять примерно пятую часть потенциальных пациентов, что убедительно доказал конкретными статистическими данными врач Н. А. Вигдорчик, некоторое время работавший в Есаулово Красноярского округа. Остальные представляли собой резервную армию больных. Явно требовалось развивать систему оказания медицинской помощи сельскому населению [10, с. 15].

Еще в 1903 г. поступило ходатайство об увеличении числа врачебных участков на 10 единиц, но оно не увенчалось успехом. Лишь законом от 21 июля 1910 г. было учреждено дополнительно 5 участков. Семь лет ушло на доказательство очевидной необходимости. Участковые врачи долго добивались снятия с себя полицейских обязанностей, которые сильно отрывали их от медицинской деятельности. 7 июля 1913 г. эта проблема оказалась разрешенной. Был восстановлен институт окружных (уездных) врачей с фельдшером при каждом из них. Правда, в Туруханский край и Усинский пограничный округ такие специалисты не полагались, но в целом это было существенным облегчением. Уездные врачи состояли на государственном финансировании. Они также подчинялись врачебному инспектору [8, л. 11].

Земскую организацию в Сибири так и не создали. Между тем увеличивался поток переселенцев, которые уже были знакомы с земской медициной. Однако власти так и не решились учредить земство в сибирских губерниях. Вместо этого вновь принимаются паллиативные меры. Была создана специальная медицинская служба для переселенцев. Еще в 1893 г. в Томской губернии было заложено четыре первых переселенческих пункта, в том числе в Боготоле. В Центральном переселенческом управлении во главе медицинского дела находился обычный чиновник, не имеющий никакого отношения к медицине. Первоначально медицинская помощь в пути переселенцам оказывалась железной дорогой. Однако в 1906 г. было образовано два района передвижения, границей между которыми был Иркутск. В 1910 г. границы изменили. Теперь вся Восточная Сибирь вошла в сферу подчинения заведующего Восточным районом передвижения. Среди прочего он отвечал за организацию медицинской помощи [11, с. 41–44].

В Енисейской губернии была учреждена должность заведующего переселением и землеустройством. Часто противодействие чиновников касалось оказания медпомощи старожильческому населению. Из морально-

этических принципов медперсонал зачастую не мог отказать в просьбе. Лишь в 1910 г. было принято решение по возможности оказывать помощь и другим категориям населения [12, с. 16–19]. Однако окончательно это было утверждено законом от 1 июля 1912 г. Такой дуализм в сельской местности неизбежно вызывал нарекания в медицинской среде. Появляются призывы к объединению ведомств. Однако этого не произошло. Лишь в Енисейской губернии сложилась интересная практика, которая могла в будущем привести к объединению медицинских служб. В. А. Белиловский был назначен одновременно врачебным инспектором и заведующим медицинской частью переселенческого управления Енисейской губернии. Благодаря этому удавалось избегать излишних параллелей. Тем не менее с началом Перовой мировой войны Белиловский ушел со всех должностей, на которые были назначены разные лица, что вновь породило ведомственность. Всего к 1915 г. в Енисейской губернии было открыто 19 врачебных и 31 фельдшерский пункт переселенческого ведомства на 500 коек [8, л. 11]. Медицинская часть переселенческого ведомства была сравнительно лучше обеспечена в материальном плане. Вместе с тем никто не отменял мелочной опеки чиновников, что создавало немало конфликтов.

Длительное время медицинская общественность Красноярска ставила вопрос о развитии санитарных учреждений по примеру земских губерний. Администрация в фискальных целях отказывала в этом. Лишь в 1913 г. был утвержден проект открытия собственного бактериологического института. Первоначально предполагалось открыть пастеровскую станцию при институте. Открыли ее в январе 1914 г. в одной из амбулаторий Красноярска. Возглавила ее женщина-врач М. Н. Жукова-Флоренсова, получившая специальную подготовку. Ее помощницей стала фельдшерица А. Н. Кудрявцева-Флоренсова. Спустя год станция перешла в собственное здание. Теперь жители губернии после укуса бешеными животными могли лечиться на месте, а не ездить, как раньше, на лечение в Томск.

В 1915 г. открывает свою работу медико-санитарно-статистическое бюро, которое возглавил врачебный инспектор В. А. Боровка. Кроме него числились делопроизводитель и счетчик. Бюро состояло при канцелярии врачебного отделения и занималось разработкой статистических материалов, собираемых для разработки мер по борьбе с инфекционными заболеваниями [8, л. 1–15].

Имперская система управления здравоохранением в Енисейской губернии отличалась сильной централизацией, мелочной опекой медицинского персонала чиновниками и чрезмерной раздробленностью (ведомственностью). Сфера охраны здоровья населения мало беспокоила администрацию. О ней вспоминали в период эпидемий, поэтому наблюдалось сильное отставание от российских тенденций. Региону явственно требовалось демократизировать институты здравоохранения, использовать энергию общественности для развития, но этого сделано не было даже в рамках земского и городского самоуправления. Сказывалась косность имперской

системы управления. Вместе с тем созданная на рубеже XIX–XX вв. система вполне могла модернизироваться. Под нее подвели рационально организованную участковую систему подачи помощи и санитарную базу.

Список источников

1. История Красноярского края / ред. кол. А. П. Статейнов [и др.]. Красноярск, 2008. Т. 3: Медицина. 384 с.
2. Памятная книжка Енисейской губернии 1890 года с адрес-календарем / под ред. Г. А. Хотунцова. Красноярск, 1891. 255 с.
3. Крутовский В. М. Очерки современного положения сельской врачебной помощи в Енисейской губернии. Томск, 1902. 92 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 23. Д. 49.
5. Катцина Т. А. Государственно-общественные институты социального попечения в Восточной Сибири (XIX – начало XX в.) // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2009. № 3 (66). С. 96–104.
6. Кускашев Д. В. К вопросу о деятельности органов городского самоуправления Енисейской губернии в области здравоохранения в 1895–1917 гг. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 11 (126). С. 96–97.
7. Федотов Н. П., Мендрин Г. И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. 260 с.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 25. Д. 277.
9. Асочаков А. С., Катцина Т. А. Управление и финансовые основы деятельности приказов общественного призрения Восточной Сибири (конец XVIII – начало XIX в.) // Вестник КрасГАУ. 2004. №6. С. 253–256.
10. Вигдорчик Н. А. Материалы к характеристике сельской медицины в Сибири. Красноярск, 1903. 28 с.
11. Бобылева О. М. Деятельность переселенческих организаций Восточной Сибири в 1906–1916 гг.: Дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2000. 256 с.
12. Сибирские вопросы. 1910. № 44. С. 16–19.

СЕКЦИЯ 4 СИБИРСКИЕ ВЛАСТИ, ЭТНОСЫ, ВЕРОВАНИЯ И РЕЛИГИИ

УДК 94(57)

*А. Г. Артамонова
Законодательное собрание Красноярского края
Красноярск, Россия*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Статья рассматривает проблему осуществления прав коренных малочисленных народов в сфере образования. В рамках своих полномочий Правительство Красноярского края несет ответственность за сохранение родных языков этносов. Законы региона продвигают использование родного языка в местах традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов.

Ключевые слова: Красноярский край, малочисленные народы, право, образование, север

Abstract. The article deals with the problem of exercising the laws of few peoples. Within the framework of its powers, the Government of Krasnoyarsk region is responsible for preserving the native languages of ethnic groups. The laws of the region promote the use of native languages in places of traditional economic activities of small peoples.

Keywords: Krasnoyarsk territory, few peoples, law, educational, north

Проблема реализации права на образование – многоуровневый аспект любого легитимного государства. В нашей стране проживают люди разных этнических групп. Регулированию образовательного процесса у коренных малочисленных народов уделяется огромное внимание со стороны Правительства Красноярского края.

Образование представляет собой способ «выживания» людей на определенной территории. Без традиционного пользования ресурсами сохранить разные языки коренных народов Сибири и Севера невозможно. Усилия образовательных учреждений по сохранению языков этносов важны, в то же время они должны учитывать и развивать самобытность народов, прививать молодому поколению их традиционные ценности.

Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ – народы численностью менее 50 тыс. человек, проживающие в северных районах России, Сибири, на территориях традиционного рассе-

ления своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни. На данный момент в стране насчитывается 40 таких народов. Общая численность не превышает 250 тыс. человек. В Красноярском крае 8 народов и 16 тыс. соответственно. Малочисленными среди них являются чулымцы – 335 человек, энцы – 227, кереков осталось 4 человека.

На сегодняшний день разработана программа по этнокультурному развитию коренных народов Сибири и Севера. Красноярский край входит в данную программу, так как на протяжении долгого времени представители различных культур осваивали огромную территорию сибирского региона.

Проблема реализации права на образование у коренных народов очень непростая и содержит в себе трудноразрешимый онтологический конфликт. Само по себе право на образование относится к правам второго поколения и направлено на создание условий для самовыражения личности. Права коренных малочисленных народов, в том числе и право на образование, является производной от «прав народов» или «прав солидарности» [1, с. 10]. Третье поколение обычаев направлено на сохранение этнической общности и противодействие ассимиляции между различными общностями. Нечасто реализация второго и третьего поколения прав в сфере образования совмещаются в судьбе одного человека. Увачан Василий Николаевич является тем самым представителем этих прав. Он родился в районе Нижней Тунгуски (стойбище Кресты), получил среднее и высшее образование, а также защитил две диссертации по своей тематике и стал профессором. Эвенки – один из самых многочисленных среди коренных малочисленных народов, их почти 40 тыс.

Реализуя любой образовательный проект, любую образовательную инициативу в среде коренных народов, надо всегда ставить перед собой цель минимизации конфликта между правами личности и правами народа. Здесь уместно вспомнить о праве коренных малочисленных народов на добросовестное консультирование со стороны властей по всем вопросам, имеющим для этих народов жизненное значение. На практике это могло выразиться в обязательном консультировании с семьей, родовой общиной, общественными институтами коренных народов при определении судьбы каждого ребенка при его движении по образовательным ступеням. Очень важно обеспечить условия, при которых каждый поступивший в высшее учебное заведение представитель коренного народа был в большей степени предрасположен к возвращению на родину [2, с. 126].

Остро обстоит вопрос родного языка. На краевом уровне вопрос преподавания и обучения на родных языках получил серьезную поддержку от Правительства края. Продолжением федеральной инициативы должно стать принятие на региональном уровне законодательных, нормативно-правовых актов, предоставляющих финансовую и кадровую поддержку участникам образовательного процесса для создания условий, предоставляемых системой образования. В Красноярском крае законодательно принято решение о доплатах учителям родных языков в размере 5 000 руб.

в месяц, но порядок выплаты до сих пор не принят. Там, где преподают и изучают родной язык факультативно, результаты освоения хуже. Эти формы обучения не являются обязательными и тогда требования к преподаванию ниже, чем при изучении государственного языка.

Работа на парламентской площадке над совершенствованием законодательства в части изучения языков позволила выявить и проанализировать типичные проблемы, с которыми сталкивается Сибирский регион при создании условий для изучения родных языков народов в системе образования. Наиболее остро стоял вопрос с обеспечением учебниками родных языков народов России. Из 24 языков, на которых ведется обучение в общеобразовательных организациях, только по 9 языкам в Федеральный перечень включены учебники. Также есть группа языков, которая нуждается в создании письменности. С целью повышения эффективности и популяризации родных языков народов Российской Федерации, Фондом и Министерством просвещения с 19 по 21 сентября 2019 г. в Нарьян-Мар прошел семинар «Языки коренных народов Крайнего Севера в системе общего образования Российской Федерации». В рамках секционных заседаний были обсуждены актуальные вопросы по подготовке педагогических кадров в области сохранения и поддержки родных языков, их учебно-методическому обеспечению обучения, проблемам нормативно-правового обеспечения сохранения и изучения родных языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в сфере образования [3, с. 200].

В Красноярском крае активно обсуждался вопрос открытия института Севера и Арктики. Миссия данного образовательного учреждения состоит в обеспечении стратегических задач по эффективному освоению северных территорий. И уже в 2020 г. научно-образовательное пространство начало свою работу. По моему мнению, нужно создавать организационные структуры по возрождению, изучению родных языков на уровне района.

Общины как общественные некоммерческие объединения могут работать в сфере образования исходя из традиций этнических общностей.

Одним из положительных обстоятельств в области образования коренных малочисленных народов Севера можно назвать работу, которую проводит Управление образования администрации Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района сообща с Красноярским институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования [4, л. 135]. В Дудинке на базе школы-интерната № 1 внедряются новые технологии обучения детей оленеводов. Делаются попытки ввести индивидуальные маршруты обучения, осуществляется адаптация содержания образовательных программ под этнические особенности коренных народов. Результаты есть, но они минимальны. Работа требует финансовой поддержки как от органов государственной власти Красноярского края, так и от органов местного самоуправления. Чтобы добиться устойчивых и положительных результатов в образовании, органы власти сосредотачиваются на актуальных вопросах.

Таким образом, тема образования у коренных народов далеко не исчерпана. Разработка каждым коренным народом политики своего общественного образования. В Красноярском крае должно быть по количеству коренных малочисленных народов политик общего образования. Ключевым субъектом разработки выступает коренной народ. Отстаивают не только земли и ресурсы народа, но и их чувства.

Список источников

1. Батянова Е. П. Народы северо-востока Сибири / Е. П. Батянова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Культура. 2010. С. 8–18.
2. Носов В. Е. Социально-экономическое развитие народов Енисейского Крайнего Севера / В. Е. Носов. М.: Советская Россия, 1967. 315 с.
3. Увачан В. Н. Социализм и малые народы Севера / В. Н. Увачан. М.: Госполитиздат, 1971. 296 с.
4. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера: монография / М. А. Сергеев. М.:Л., 1955, 512 с.

А. В. Задорин
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
a.zadorin2013@yandex.ru

ЧТО НАС СБЛИЖАЕТ? (ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В 2021 г.)²

Аннотация. В статье представлены результаты изучения общероссийской идентичности в Красноярском крае. Методом сбора информации являлось анкетирование. Опросы проводились в сентябре–октябре 2021 г. и охватили 200 жителей края. Выяснилось, что россиян больше всего объединяют общее государство и русский язык. Ценности западного общества, такие как успех и богатство, мало популярны.

Ключевые слова: Красноярский край, население, общероссийская идентичность, социологический опрос, анкетирование

Abstract. The paper presents some results of studying the all-Russian identity in the Krasnoyarsk Territory. Questionnaire method of collecting information was used. Surveys were conducted from September to October 2020 and covered 400 residents of the region. It turned out that Russians are most united by a common state and the Russian language. Western society values, such as success and wealth, are little popular.

Keywords: Krasnoyarsk territory, population, all-Russian identity, sociological survey, questionnaire questioning

Территория без населяющих её людей – пустое место. Но если люди не организованы, разобщены, если их ничего не объединяет, – они не хозяйева на своей земле, а всего лишь «население». В 1822 г. была образована Енисейская губерния. Дальнейшие административно-территориальные и иные преобразования придали этому региону облик нынешнего Красноярского края. Его преимущества в экономической сфере перечислять можно долго: «энергетический гигант», «крупнейший экспортёр цветных металлов» и т. д. Но что такое территория без сплочённых жителей?

Много говорилось о том, что, начиная с горбачёвской «перестройки», реформаторы разрушали экономику нашей страны, громили социальную сферу. Здесь достаточно привести слова первого секретаря Красноярского краевого комитета КПСС в 1972–1987 гг. П. С. Федирко: «...наступило время перемен. К власти пришли люди, предавшие всех. И партию, и народ, и международное коммунистическое движение. Всех! [...] Захватив государственную собственность, люди, которые ничего не делали для её создания, обогатились. Советники США потирали руки:

© Задорин А. В., 2023

² Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

свершилось, рушится великая держава» [1, с. 117]. Далее приводились вопиющие примеры бесхозяйственности и вредительства [1, с. 118–119].

С переделом собственности рука об руку шёл процесс вестернизации. «Реформаторы» прилагали большие усилия к тому, чтобы изменить сознание русских, насадить им циничную западную мораль, в основу которой положен принцип: человек человеку волк. Разумеется, этот принцип облекался в красивые понятия вроде «личной свободы» и «успешности».

Распространено мнение о том, что в российском обществе теряется общность людей. Такие же соображения циркулируют и в информационном пространстве Красноярского края. Один из недавних примеров – интервью с известным красноярским бизнесменом Ю. Подопригорой (1971 г. р.) [2]. Помимо основной работы он является организатором сразу четырёх сообществ города – Лиги Странников, Лиги знаний, Лиги делового чтения, Лиги личностного развития. Эти сообщества дарят людям нечастое сегодня живое интеллектуальное общение.

На вопрос «А что вам не нравится в современной жизни?» Подопригора ответил: «...Информация захлёстывает... Всего много, можно вращаться в своём информационном кластере и не выходить за его пределы.

Но при этом теряется общность. У людей должен быть какой-то общий культурный код, хотя бы одна книга, которую прочитали все. Сейчас такое ощущение, что не остаётся никакого единства» [2, с. 11].

Что же сближает сегодня жителей Красноярского края? Ответить на этот вопрос отчасти помогло изучение общероссийской идентичности в этом регионе. В основу представленной статьи легли некоторые результаты проведённого исследования.

В 2021 г. в Красноярском крае проводились анкетные опросы, связанные с изучением этнокультурного многообразия российского общества и общероссийской идентичности. Сложная эпидемиологическая обстановка в регионе (пандемия COVID-19) обусловила выбор разведывательного типа исследования. Он не претендует на репрезентативность, но позволяет углубить знания по определённой проблеме [3, с. 57, 58; 4, с. 111, 112]. Использовались неслучайные (стихийные) виды отбора: отбор «первого встречного» и цепная выборка по методу «снежного кома» [3, с. 98, 100, 101]. В первом случае опрашиваются те, кто попадает к исследователю на улице, в учреждении и т.д. (при этом исследователь руководствуется соображениями удобства проведения опроса). В другом случае у респондентов выясняют, кто, по их мнению, мог бы ещё принять участие в исследовании, как и где можно найти этих потенциальных респондентов. Таким образом, «снежный ком» растёт (до тех пор, пока не перестаёт приносить новую информацию).

Методом сбора информации являлось анкетирование. Опросы проводились в сентябре–октябре 2021 г. и охватили 200 жителей края. В первом из них участвовали 100 студентов (50 юношей и 50 девушек) Сибирского федерального университета (СФУ). При этом одну половину респондентов составили студенты технических специальностей, а дру-

гую – гуманитарных и творческих. Во втором (массовом) опросе также участвовали 100 человек. Выборка была такая: 24 человека в возрасте 18–29 лет (12 мужчин и 12 женщин), 54 человека в возрасте 30–59 лет (26 мужчин, 28 женщин), 22 человека в возрасте 60 лет и старше (8 мужчин, 14 женщин). Помимо жителей г. Красноярска анкеты заполнили 11 жителей г. Енисейска (опрос этих респондентов проводился дистанционно).

Прежде чем перейти к результатам исследования, следует остановиться на понятии «гражданская идентичность». Под ней понимается: «1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющее для индивида значимый смысл; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующий её как коллективного субъекта» [5, с. 140]. При этом данные определения вовсе не исключают друг друга. Они акцентируют внимание на различных аспектах гражданской идентичности: со стороны индивида и со стороны общности.

В первом случае речь идёт о реализации базисных потребностей личности через принадлежность к группе. Чувство МЫ, объединяющее человека с большой общностью, позволяет ему чувствовать себя более уверенно перед сложной и не всегда понятной ему социальной реальностью.

Второе определение касается специфики существования и развития гражданской общности как целостности, как коллективного, совокупного субъекта. Гражданская общность представляет собой большую группу, объединяющую население страны, которая, как правило, обладает традициями, общностью исторической судьбы, языка и культурного контекста, своеобразными эмоциональными связями.

Что показало изучение общероссийской идентичности? Оказалось, она в основном проявляется как феномен надындивидуального сознания (когда отдельно взятый человек ощущает себя частью коллективного, совокупного субъекта). Задавался вопрос «Что Вас объединяет с гражданами России?» (допускалось от одного до трёх вариантов ответа). Оказалось, больше всего объединяет общее государство (студенты – 59 %, взрослые респонденты, не студенты³ – 62 %). Далее – русский язык (студенты – 55 %, взрослые – 51 %). Затем – родная земля, территория, природа (студенты – 47 %, взрослые – 43 %). Всё это можно выразить как «среда обитания». Организация людей на конкретной территории, общий язык, окружающая среда – это осязаемые понятия, которые непосредственно затрагивают каждого гражданина любой страны. Поэтому неудивительно, что они оказались на первых местах.

Следом шли по большей части абстрактные, неосязаемые понятия. На четвёртом месте в обеих группах был ответ «историческое прошлое» (студенты – 37 %, взрослые – 41 %). На пятом – «культура, обычаи, праздники» (студенты – 36 %, взрослые – 39 %). На шестом – «ответственность

³ Далее будем называть их «взрослые».

за судьбу страны» (студенты – 33 %, взрослые – 23 %). Анализ ответов говорит о единогласии обеих групп респондентов. Разрыва поколений здесь не наблюдается.

То же самое можно сказать про общие символы (флаг, герб). Респонденты и здесь были единогласны, но уже в том, что флаг и герб граждан России не объединяют. Только 7 % студентов и 8 % взрослых считают общие символы спланивающим фактором. Это можно связать с относительно недолгой историей нынешней символики (современную версию флага и герба утвердили в 1993 г. накануне принятия конституции).

Насколько для респондентов важна их принадлежность к российскому народу? Оказалось, очень важна. Она оценивалась по 5-балльной шкале, где 1 – самая низкая оценка, 5 – самая высокая, и 41 % взрослых респондентов поставили 5 баллов. Четыре балла поставили 28 %, три – 25 %, два и один – по 3 %. Студенты чаще всего ставили 4 балла (33 %) или 3 балла (32 %). Пять баллов поставили 17 % опрошенных, 2 балла – 14 %, 1 балл – 4 %.

Далее предлагалось назвать общие ценности (не более трёх), которые являются базовыми для российского общества. Чаще всего называли «патриотизм, любовь к Родине» (взрослые – 52 %, студенты – 48 %). Вариант «справедливость, правда» оказался на втором месте у взрослых (42 %), а у студентов – на четвёртом (30 %). Студенты же на второе место поставили традиционность и свободу (по 37 %). У взрослых эти ценности на четвёртом месте (по 30 %). Вариант «социальная ответственность, забота об окружающих» выбрали 32 % взрослых и 31 % студентов.

Как можно заметить, почти все перечисленные ценности (кроме свободы) присущи патерналистской модели отношений. Такая модель сложилась в советский период нашей истории. И, как ни странно, патернализм популярен не только у старших поколений, но и среди молодёжи, которая советское время не застала. Более того, патерналистские настроения (либералы называют их иждивенческими) не смогла подавить мощная пропаганда западных ценностей. Она обрушилась на советских людей ещё в конце 1980-х гг., и с тех пор не прекращалась (хотя в последние годы интенсивность её снизилась).

Опрос показал невысокую популярность западных ценностей, особенно среди взрослых респондентов. Меньше всего выбирали «успех» (в обеих группах 5 %), «богатство, высокий уровень жизни» (взрослые – 12 %, студенты – 14 %). Вариант «власть, доминирование» выбрали также 12 % взрослых (и 19 % студентов). Немного чаще выбирали вариант «творчество, самореализация» (взрослые – 16 %, студенты – 25 %). При этом следует иметь в виду, что творчество ценится не только в западном мире, где развито предпринимательство. Творчество было в почёте и в нашем советском прошлом, когда доминировал патернализм.

Принадлежность к российскому народу вызывает у большинства респондентов чувство гордости (взрослые – 43 %, студенты – 32 %). Но почти у такого же количества студентов (31 %) никаких особых чувств

она не вызывает. У взрослых этот ответ тоже второй по популярности (26 %). На третьем месте в обеих группах – «чувство защищённости» (студенты – 17 %, взрослые – 14 %). И меньше всего принадлежность к российскому народу вызывает чувство досады, обиды (студенты – 4 %, взрослые – 3 %). Назывались и свои ответы, например, «чувство, что не там родился», «смешанные чувства в связи с упадком былого величия и сплочённости». Но в целом прослеживается тенденция впадения в крайности: или гордятся, или равнодушны.

Как правильно называть людей, представителей всех народов, живущих в России? Большинство респондентов считает: россияне (студенты – 62 %, взрослые – 51 %). Надо сказать, это название стало входить в обиход в начале 1990-х гг. Здесь можно вспомнить обращение первого президента России Б. Н. Ельцина: «Дорогие россияне...». Популярную песню О. Газманова «Офицеры» со словами «офицеры, россияне». И, похоже, название прижилось. Во всяком случае, другие варианты куда менее популярны: российский народ (студенты – 11 %, взрослые – 17 %), русские (студенты – 13 %, взрослые – 15 %).

Исследование показало умеренный уровень регионализма⁴ среди респондентов. Большинство взрослых (44 %) своей Родиной считают Россию. Свой город/своё село считает Родиной каждый пятый (20 %), и почти столько же (19 %) – географический регион (в данном случае – Сибирь). И только 8 % считают Родиной свой регион (область, республику).

Ответы студентов отличались. Чаще всего своей Родиной называли свой город/своё село (29 %), реже Россию (26 %). Географический регион (Сибирь) либо свой регион (область, республику) называл в среднем каждый пятый в обоих случаях (18 % и 19 % соответственно).

Назывались и свои варианты. Чаще всего – «планета Земля». Сразу понятна идеологическая ориентация таких респондентов (космополитизм).

После того как респонденты ответили на вопросы об общероссийской, региональной и этнической идентичности, им предлагалось поставить их в порядке важности лично для них. В обоих опросах мнения совпали: наиболее важна общероссийская, гражданская идентичность. Региональная (Сибирь или область/республика) находится на среднем уровне, и менее важна этническая идентичность (национальность).

Как показало исследование, наиболее важной является общероссийская, гражданская идентичность. В то же время чувство МЫ развито слабо, принадлежность к сообществу граждан России значит немного. Большинство респондентов ощущает общность/близость с согражданами лишь иногда (студенты – 50 %, взрослые – 36 %), реже – часто (31 % и 32 % соответственно). Всегда её ощущают 12 % студентов и 24 % взрослых респондентов, никогда не ощущают 7 % и 8 % соответственно.

⁴ Регионализм – различные формы социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ, проявляющих себя в идеях, настроениях, действиях, намерениях, направленных на сохранение самобытности региона или повышение его статуса в системе государств-наций. В отличие от сепаратизма не ставит целью отделение от страны.

Анализ ответов на данный вопрос позволяет сделать следующий вывод: взрослые чаще ощущают общность с согражданами. В этой группе респондентов в два раза чаще встречался вариант «всегда». Возможно, это связано с разными эпохами, в которых жили люди: более старшие поколения ещё помнят времена социализма. Тогда было принято общественные интересы ставить выше личных.

Итак, что же следует из результатов опросов? Прежде всего то, что для жителей Красноярского края наиболее важна общероссийская, гражданская идентичность. В первую очередь они ощущают себя россиянами (а уже потом сибиряками, красноярцами и т. д.) Следующим по важности объединяющим фактором является государственный язык – русский. То есть для российских граждан имеет значение, прежде всего, целостность государства как единого пространства, а регионализм и национализм не очень распространены.

Большинство респондентов ощущает себя россиянами. Не русскими (как нация), не российским народом, а именно россиянами – частичками совокупного субъекта с общими традициями, исторической судьбой, языком и культурой. И вполне закономерно, что главной общей ценностью, являющейся базовой для российского общества, респонденты назвали патриотизм, любовь к Родине. Ценности западного общества, такие как успех и богатство, мало популярны.

Вместе с тем чувство МЫ слабо развито, принадлежность к сообществу граждан России значит немного. Большинство респондентов ощущает общность/близость с согражданами лишь иногда, реже – часто. Общие символы (флаг, герб) граждан России практически не объединяют.

Таким образом, общность людей действительно теряется, но только общность как граждан. Цивилизационная общность сохраняется.

Список источников

1. Федирко П. С. Край моей судьбы. Мемуары / П. С. Федирко. Красноярск, 2016. 192 с.
2. Подопригора Ю. Юрий Подопригора: книга странствий / Ю. Подопригора, Т. Алёшина // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2021. Окт. С. 10–11.
3. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Прикладная социология. М., 2004. 176 с.
4. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2000. 596 с.
5. Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43–44). С. 140–142.

А. В. Седен

Тувинский государственный университет

Кызыл, Россия

aldynaseden@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В ТУВИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА⁵

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы становления суверенного государства – Тувинской Народной Республики в период 1921–1944 гг. Показано, что формирование органов государственной власти периода ТНР, как и реализация ими основных направлений внутренней политики государства, создавалась и находилась под непосредственным контролем и руководством со стороны партийных органов Тувы и СССР.

Ключевые слова: Тувинская Народная Республика, Великий Хурал, Тувинская народно-революционная партия, Тувинский революционный союз молодежи, социально-экономическое развитие, Советский Союз, Конституции

Abstract. The article deals with topical issues of the formation of a sovereign state – the Tuvan People's Republic in the period 1921-1944. It is shown that the formation of state authorities of the TNR period, as well as their implementation of the main directions of the internal policy of the state, was created and was under the direct control and leadership of the party bodies of Tuva and the USSR.

Keywords: Tuvan People's Republic, Great Hural, Tuvan People's Revolutionary Party, Tuvan Revolutionary Youth Union, socio-economic development, Soviet Union, Constitutions

Тувинская Народная Республика была образована в августе 1921 г. на Всетувинском Учредительном Съезде (Хурале), который состоялся в местности Суг-Бажы (в настоящее время с. Кочетово). На съезде присутствовали 62 человека от 7 из 9 кожуунов, а также официальные представители Советской России (17 человек) и Монголии (3 человека) и один представитель корейцев, живших в Туве. Тува стала суверенным государством со своим флагом, гимном, гербом и со своей Конституцией. Республика Танну-Тува – это был новый тип государства, государства диктатуры трудовых аратских масс, которая сама определяла свою внутреннюю политику, а во внешней политике действовала под покровительством Советского Союза [1, с. 817]. В Туве преобладали полуфеодалные отношения, основным видом хозяйствования было кочевое скотоводство, с которым была связана культура и быт народа. Перед молодым государством встали

© Седен А. В., 2023

⁵ Выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта «Исторический опыт становления и политического развития Тувинской Народной Республики (1921–1944 гг.) К 100-летию со дня образования» (Грант № 22-28-01254).

задачи упрочения политической самостоятельности, налаживание экономической жизни страны, развитие аграрного сектора, переход от кочевого к оседлому образу жизни.

Однако население было неграмотным, поэтому на начальном этапе суверенного государства большую роль в политической жизни страны по-прежнему играли ламство и старый чиновничий аппарат, получившие буддистское образование.

Важную роль в истории тувинского народа, в укреплении народно-демократического строя сыграла Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), созданная в 1922 г. Председателем ЦК был избран бывший правитель Маады сумона Лопсан-Осур. Политика Правительства ТНР и ТНРП в отношении к буддизму была лояльной, рекомендация со стороны советского правительства по изживанию религиозных пережитков на тот момент не получила поддержки [2, л. 2].

Особую роль сыграл II съезд ТНРП, состоявшийся в июле 1923 г. В резолюции съезда «О целях и задачах партии» отмечались такие задачи: защита политических прав и экономических интересов трудящегося беднейшего населения, активное участие всех членов партии под руководством Центрального Комитета в строительстве государственной жизни, политическое и культурное воспитание членов партии и вовлечение их в общественно-политическую работу.

В резолюции указывалось, что партия будет добиваться всеобщего обучения грамоте, поднимать культурный уровень народа, вводить обязательную медицинскую помощь за счет государства для беднейшего населения страны. Намечались мероприятия в области экономического строительства, создания и развития промышленности. Признавалось необходимым установление справедливого обложения государственными повинностями и налогами, предоставление льгот для беднейшей части населения. Иными словами резолюция съезда «О целях и задачах партии» явилась первой программой Тувинской народно-революционной партии.

В соответствии с директивами II съезда партии, Первый Великий Хурал ТНР (сентябрь 1923 г.) отменив все феодальные привилегии, установил новое административное деление страны по территориально-географическим признакам вместо прежних феодальных уделов. Эта реформа и положила начало рациональной организации управления страной.

Одной из важнейших задач ТНРП было создание нового органа власти вместо старого феодально-чиновничьего аппарата. Еще в первой Конституции ТНР 1921 г. уделялось большое внимание основам местного управления. Так, в центре республики было создано правительство, а на местах – хошунные и сумонные органы самоуправления [3, л. 1–2]. Хошуны – это историческое название военно-феодального удела в Туве, они делились на сумоны, а те – на арбаны («десятидворки»). Тува была поделена на 7 хошунов: Бейсэ-хошун, Даа-хошун, Маады, Оюннарский, Салчакский, Тоджинский, Шалык-Сартыльский.

В сентябре 1924 г. III Великий Хурал ТНР внес в текст Конституции статьи о Великом и Малом Хуралах, Совете Министров, об избирательной системе, о местных органах власти. Новая Конституция определила компетенции органов управления в центре и на местах.

В 1926 г. IV Великий Хурал утвердил III Конституцию, которая объявила землю, недра, леса, воды и их богатства всенародным достоянием. Тем самым ТНРП в ходе развития тувинской государственности все более совершенствовала систему управления страной, укрепляла народно-демократический строй, все более приближая государственный аппарат к народным массам. Большая помощь ТНР оказывалась со стороны Советского правительства. В развитии экономики Тувы и улучшении материального положения трудящихся большую роль сыграли созданные с помощью Советского Союза Тувинский Центральный кооператив (декабрь 1924 г.) и Тувинский акционерный торгово-промышленный банк (сентябрь 1925 г.). Были созданы ряд кустарных предприятий – по переработке древесины, кожи и шерсти, по выделке кирпича. Расширялись посевные площади.

Все более усиливавшаяся борьба партии против политических и экономических позиций феодально-теократических элементов вызывала сопротивление имущих слоев населения. Против генеральной линии ТНРП все более нарастала правая опасность в партии. Политика правых в отношении развития культуры, народного образования и здравоохранения носила явно демагогический характер. Борьбу за изменение политики Центрального комитета партии и правительства возглавило революционное ядро, оформившееся в рядах ТНРП и ТРСМ (Тувинского революционного союза молодежи) из числа получивших образование в вузах СССР, включая Коммунистический университет трудящихся Востока. Свою позицию революционное ядро открыто высказало на IV съезде ревсомола (декабрь 1928 г. – январь 1929 г.), подвергнув резкой критике политику правых в руководстве партии и правительства.

II объединенный пленум ЦК и ЦКК ТНРП, состоявшийся в январе 1929 г., одобрил решения съезда ревсомола и принял решительные меры по пресечению деятельности правооппортунистического уклона в партии и правительстве. Важную роль в дальнейшем развитии Тувы по некапиталистическому пути сыграл VIII съезд партии, состоявшийся в октябре–ноябре 1929 г. Согласно решениям съезда была разработана новая Конституция, которая была принята в ноябре 1930 г. VII Великим Хуралом. В ней были законодательно закреплены успехи, достигнутые за время народной власти, следующим шагом стала конфискация крупной феодальной собственности в 1931 г., в результате был ликвидирован класс феодалов.

Одной из важнейших задач ТНРП был перевод аратских хозяйств на путь коллективизации, организации сельскохозяйственных объединений. Колхозное движение развернулось в 1930–1932 гг., сначала в русских

поселках, затем и в тувинских аалах⁶. Существует мнение, что тувинцы по своим социокультурным установкам были предрасположены к кооперативным началам в труде, исходя из традиционного аального хозяйствования, которое велось на взаимопомощи и взаимовыручке, где было развито чувство коллективизма [4, с. 109]. Действительно, этого придерживались все кочевники, так как это помогало им выжить и вести хозяйство в суровых условиях с резко континентальным климатом.

Поэтому процесс кооперирования в Туве проходил довольно интенсивно. Создавались товарищества по совместной обработке земли (тозы), которые позже были преобразованы в товарищества по улучшению животноводства (тужи), а в 1941 г. – в товарищества по общественному развитию животноводства и земледелия. К 1944 г. было создано 123 тожзема, состоявших из 3397 аратских хозяйств и 21 сельхозартели [5, с. 155].

Особое внимание партийных, государственных и общественных организаций было направлено на «переход от отсталого кочевого скотоводства к оседлому хозяйству». Резкое сопротивление со стороны феодально-байских элементов, которых было немало в рядах ТНРП и в правительстве, привело к ошибкам коллективизации, утверждалось в научной литературе советского периода. Вместе с тем признавалось и то, что коллективизация проводилась поспешно, не имея на то достаточных экономических и политических предпосылок [6, с. 25]. Тем не менее уже через два года после начала коллективизации, в конце 1932 г., около 62 % аратских хозяйств в ТНР были коллективизированы [7, л. 10].

Партия, признав допущенные ошибки, на II чрезвычайном объединенном пленуме ЦК и ЦКК ТНРП и на III сессии Малого Хурала, отказалась от создания коллективных хозяйств в пользу индивидуального кочевого хозяйства. Такой подход для отсталого кочевого хозяйства оправдал себя, привел к росту середняков, к росту зажиточных и богатых хозяйств, их удельный вес увеличился с 11,8 до 19,9 % [8, с. 19].

Переход от кочевого образа жизни на оседлость проходил медленнее, чем коллективизация, так как означал изменения не только в быту, но и всей системы исторически сложившихся традиций, духовной культуры народа, переходящих из поколения в поколение.

Процесс модернизации кочевого хозяйствования проходил очень не просто, влияние оказало и специальное постановление Президиума Малого Хурала, принятого в январе 1929 г., о лишении всяческой поддержки буддийской сангхи и национализации монастырской собственности. В результате это привело к уничтожению буддийских монастырей и системы монастырского образования, «религия как хранительница этических нормативов общества уступила идеологическим структурам государства, взявших на себя функцию нравственного воспитания народа» [9, с. 117–118].

Социальная политика ТНРП была в основном направлена на устранение безграмотности населения, одной из главнейших задач было введе-

⁶ Аал – поселение у тувинцев кочевников из одной или нескольких семей (примеч. автора)

ние национальной письменности. В 1930 г. с помощью советских ученых была принята тувинская письменность, положившая начало культурной революции в стране.

Таким образом, буквально за десятилетие была создана новая страна – Тувинская Народная Республика. Формирование органов власти, создание ТНРП обеспечили национальную государственность, привели к созданию устойчивой экономики. Большую роль в этом сыграла помощь, оказанная Советским Союзом. Своеобразие было в том, что властные функции сосредотачивались не в руках государства, а в руководящих органах правящей партии. Переход от феодальных отношений к новым общественным структурам осуществлялся под непосредственным контролем и руководством со стороны ТНРП. Господство единственной партии над государством вело к неконституционному управлению страной, многочисленные ошибки становились нормой, определяемой только партийными решениями. Однако при таком режиме Тувинская Народная Республика и осуществляла переход к иным цивилизационным нормам при сохранении своего своеобразия.

Список источников

1. Москаленко Н. П. Этнополитическая история Тувы в XX в. / Н. П. Москаленко; отв. ред. С. И. Вайнштейн. М.: Наука, 2004. 222 с.
2. НА РТ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.
3. НА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.
4. Дабиев Д. Ф. О Социально-экономическом развитии Тувинской Народной Республики / Д. Ф. Дабиев // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 9–3. С. 109–113.
5. История Тувы. Т. II. М.: Наука, 1964. 234 с.
6. Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость / Л. В. Гребнев. Кызыл, 1955. 97 с.
7. НА РТ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
8. Дамдынчап В. М. Роль обычного права в развитии тувинского общества (вторая половина XIX – первая половина XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. / Краснояр. гос. пед. ун-т. Абакан, 2006. 23 с.
9. Монгуш М. В. История буддизма в Туве: (Вторая половина VI – конец XX в.) / М. В. Монгуш; Ин-т гуманитар. исслед. Респ. Тыва. Новосибирск: Наука, 2001. 198 с.

Д. Ю. Хоменко
Красноярский медицинский техникум
Красноярск, Россия

ВЛАСТЬ И КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ: ОТ «УСТАВА» М. М. СПЕРАНСКОГО ДО АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ 1911 Г.

Аннотация. В статье рассматриваются основные оценки «Устава об управлении сибирских инородцев». Указывается, как происходило внедрение положений «Устава...» на территории Енисейской губернии. Выявлено, что несмотря на объективные изменений в хозяйстве и быте коренных жителей на протяжении XIX в., власти не стремились менять их сословный статус.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, коренные народы, оседлые, кочевые и бродячие инородцы, Енисейская губерния

Abstract. The article discusses the main assessments of the “Charter on the management of Siberian foreigners”. It is indicated how the provisions of the “Charter ...” were implemented on the territory of the Yenisei province. It is revealed that despite the objective changes in the economy and life of the indigenous people during the XIX century, the authorities did not seek to change their estate status.

Keywords: M. M. Speransky, indigenous peoples, sedentary, nomadic and wandering foreigners, Yenisei province

«Устав об управлении сибирских инородцев» – это документ, который в течение почти века регулировал жизнь коренного населения Сибири и потому является одним из основных источников по этнической истории региона в XIX в. Этот юридический акт был принят в 1822 г. в рамках Сибирской реформы. Разработан М. М. Сперанским при участии Г. С. Батенькова.

Основной идеей «Устава...» было разделение коренного населения Сибири на три разряда (оседлые, кочевые и бродячие инородцы) «по различной степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни» [1, с. 231]. При этом «Устав...» предполагал, что со временем всё коренное население Сибири перейдет в разряд оседлых по мере своего хозяйственного развития.

Оседлые инородцы (основным занятием которых было земледелие) приравнивались в правах к государственным крестьянам. Они несли те же налоги и повинности, что и крестьянское население. Едва ли не единственным отличием в правовом положении от крестьян для оседлых инородцев было нераспространение на них воинской повинности.

В Енисейской губернии ряд коренных жителей были отнесены к этой категории. Так, по сведениям 1899 г., в Минусинском уезде проживали

1735 оседлых инородцев, причисленных к крестьянским селениям [2, л. 95–98]. Коренные жители, проживавшие в Красноярском округе, с 1833 г. были перечислены в разряд оседлых инородцев и подчинены Качинской инородной управе Красноярского округа [3, л. 10]. В 1885 г. Совет Главного управления Восточной Сибири постановил управу упразднить, а инородцев причислить к крестьянским сельским обществам [3, л. 39].

Кочевые инородцы (скотоводческие народы) получили права самоуправления. Для их управления «Устав...» предполагал создание Инородческих управ и Степных Дум. К компетенции Дум относились следующие вопросы: организация статистического учёта, распределение сборов и повинностей среди родовых управлений, учёт общественного имущества, распространение земледелия.

Кроме того, кочевые инородцы имели право на самостоятельный суд, по нормам обычного права. «За кражу и другие менее важные преступления инородцы судятся по своим законам и обычаям, и только за возмущение, намеренное убийство, грабеж, насилие, фабрикацию фальшивой монеты и кражу казенного имущества они судятся русским судом» [4, с. 569].

Предполагалось издание двух сводов обычного права: «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири». Работа оказалась продолжительной: сведения о нормах обычного права предоставляли родоначальники племен, подчас давая противоречивую информацию. Л. М. Дамешек отмечает, что «в середине XIX в. обычное право уже не отражало действительного положения вещей, оно являлось пройденным этапом для большинства народов Сибири» [5, с. 53].

Коренное население юга Енисейской губернии в большинстве было отнесено к кочевому разряду. 4 февраля 1825 г. были образованы органы самоуправления, предусмотренные «Уставом...»: на территории Ачинского уезда была создана Кизильская степная дума, на территории Минусинского уезда: Аскизская, Качинская и Койбальская степные думы [6].

Бродячие инородцы не получили столь широких прав самоуправления, как кочевые, но для них также была сохранена родовая система. К бродячим были отнесены народы Енисейского Севера.

Представляет интерес рассмотреть оценки, которые давались «Уставу ...» современниками и историками. В досоветской историографии «Устава...» можно выделить официальное, областническое и марксистское направления. Официальное направление представлено бароном М. А. Корфом, который ставил в заслугу М. М. Сперанскому то, что «Устав...» разделение коренных народов на разряды, закрепление их прав и системы управления [1, с. 231].

В. И. Вагин выделял не только положительные черты «Устава...» («возможность постепенного перехода из одного разряда в другой, вышший, по мере их [инородцев] гражданского развития»), но и отрица-

тельные: высокие налоги и подати для оседлых инородцев, приравненных к русскому населению, и отсутствие у них самоуправления (в отличие от кочевых) [7, с. 338].

Представители сибирского областничества критически относились к «Уставу...». Н. М. Ядринцев отмечал, что «этот устав, замечательно доброжелательный по духу, не мог осуществиться и повел точно также к недоразумениям» [8, с. 168]. С. С. Шашков пришёл к выводу, что положение коренного населения Сибири только ухудшилось после введения «Устава...». В частности, для оседлых инородцев подати и повинности государству значительно возросли [4, с. 563–564]. При этом С. С. Шашков отмечал, что «большинство этих инородцев состояло буквально из нищих, которые закабалили себя крестьянам и, получая от них скудное пропитание да дрянную одежду, работали на них совершенно даром» [4, с. 561].

Историк-марксист В. А. Ватин изучал «Устав...» с позиций классового подхода. Он указывает на наличие в Сибири конца XVIII – начала XIX в. двух классов-эксплуататоров: бюрократия и буржуазия [9, с. 116]. В. А. Ватин приходит к выводу, что реформа М. М. Сперанского не смогла «устранить первопричины неурядиц сибирской жизни – бюрократической системы управления» [9, с. 149, 150].

В советской историографии одним из первых на «Устав...» обратил внимание академик С. В. Бахрушин. Оценивая его как памятник, не имеющий «себе, может быть, равного в современных ему законодательствах Западной Европы и Америки по тому же предмету», С. В. Бахрушин считал, что «Устав проникнут стремлением охранить не только экономическое благосостояние, но и самобытный строй жизни туземцев» [10, с. 85, 86].

В советской исторической науке развернулась дискуссия о буржуазном характере «Устава ...». В. Г. Карцов отмечал, что разрешение частной торговли с инородцами должно было способствовать «росту капиталистических элементов в жизни Сибири и населяющих её народов» [11, с. 104]. Н. А. Миненко полагала, что «Устав ...» носил консервативный характер. Нелегальная частная торговля с инородцами существовала уже давно, и законодатель только зафиксировал действительное положение вещей. В целом же «Устав 1822 г. являлся продолжением старой политики консервации» [12, с. 255].

Некий итог дискуссии подвел Л. М. Дамешек. Он соглашался с Н. А. Миненко в том, что «Устав...» консервировал общественный строй инородцев [5, с. 39]. Сохранение рода «как основной территориально-административной» было традиционным направлением политики российского правительства. Но при этом Л. М. Дамешек отмечает наличие в «Уставе...» робких буржуазных тенденций: идея свободной частной торговли с инородцами и перевод сбора ясака на денежную основу [5, с. 43].

В постсоветской историографии интересую оценку «Уставу ...» даёт Л. И. Шерстова. Она отмечает, что именно «Устав...» ввел понятие «инородец», которое отражало дифференциацию населения Сибири по этническому признаку [13, с. 130]. Также указывается, что опека со стороны го-

сударства вызывала у инородцев «этническую и общественную пассивность, в конечном счете – маргинальное иждивенчество – сначала в психологии, затем и в быту» [13, с. 135].

В течение XIX в. произошли изменения в административно-территориальном делении инородческих племен юга Енисейской губернии. В 1855 г. Качинская степная дума разделилась на Абаканскую и Июсскую инородные управы. В 1864 г. эти территории были объединены под наименованием Абаканской инородной управы. В 1858 г. была ликвидирована вследствие малочисленности Койбальская степная дума, а входившие в неё роды были причислены к Сагайской думе и Абаканской управе. В 1893 г. Сагайская и Кызыльская думы были упразднены и заменены Аскизской и Кызилльской инородными управами [14, с. 280–290].

В период 1870–1880-х гг. в правительственных кругах обсуждались проекты новых законов об управлении инородцев. Они имели своей целью подчинить коренные народы Сибири российскому законодательству. Закон о крестьянских начальниках 1898 г. распространялся на территорию Сибири. В отношении коренных народов он имел цель русификации. Л. М. Дамешек отмечал, что крестьянскими начальниками подчас становились случайные люди, которые уже за первый год своего существования проявили себя «массовыми и вопиющими злоупотреблениями» [5, с. 80].

В конце XIX в. власти озаботились вопросом о реорганизации управления коренными народами. Непременный член общего присутствия Енисейского губернского правления Д. Родзевич в своей записке характеризовал правовое и фактическое положение всех трёх разрядов инородцев: бродячих, кочевых и оседлых. Он пришёл к выводу, что «в отношении ... бродячих инородцев едва ли возможно какое-либо изменение закона, так как ближайшее знакомство с русскими за истекшее столетие не сделало их культурными» [15, с. 127]. Положение оседлых инородцев, по мнению Д. Родзевича, тоже не требовало изменений в законодательстве.

Что же касается кочевых инородцев юга Енисейской губернии, то Д. Родзевич указывал, что реальное положение вещей отличается от того, что приписывается «Уставом...» Так, «роды ... потеряли всякое значение как единицы хозяйственные и податные, и объединены ... лишь подчинением родовому старосте» [15, с. 128]. Что касается повинностей, то кочевые инородцы несли их наравне с русскими (за исключением воинской): «Ясак у них, по закону от 19 января 1898 года заменен оброчной податью ... земские повинности на основании ст. 196 п. 2 Положения об инородцах последние платят также наравне с русскими ... не отличаются инородцы от русских и в отбывании подводной и дорожной повинностей ... положение о взаимном губернском страховании также распространено на кочевых инородцев ... в отношении суда родовое начало не соответствует уже взглядам самих инородцев» [15, с. 129].

В рекомендациях Особого совещания по вопросу о пересмотре Положения о сибирских инородцах, изданных в декабре 1899 г., фиксировалось существование трех групп инородческого населения в Енисейской гу-

бернии. Первые – достигшие культурного и хозяйственного уровня русского населения, вторые – полукочевые, третьи – бродячие. К первой категории в Енисейской губернии были отнесены все оседлые инородцы и ряд кочевых, «оставшихся таковыми лишь по имени» [15, с. 131]. Особое совещание пришло к выводу, что необходимо уравнивать в правах инородцев и крестьян, за исключением воинской повинности, разрешить инородцам обыкновенный переход в русские сословия на общих основаниях и прекратить переход в инородческое состояние [15, с. 132].

28 октября 1911 г. общее присутствие Енисейского губернского управления принимает решение о переводе всех инородцев Минусинского, Ачинского и Канского уездов в оседлое состояние [15, с. 177–179]. Это решение было утверждено 4 февраля 1912 г. Иркутским генерал-губернатором. Административная реформа была тесно связана с проводившимся в те же годы землеустройством коренного населения юга Енисейской губернии [подробнее см.: 16]. Последними мероприятиями, предпринятыми властями в области управления коренным населением губернии до революции, стало создание в 1915 г. Усть-Фыркальской и Сейской инородных волостей, выделенных из состава Усть-Абаканской и Аскизской волостей соответственно [14, с. 297, 298; 17, л. 38].

«Устав об управлении сибирских инородцев» не был отменён вплоть до революции 1917 г. Вне зависимости от его оценок современниками и историками, он определял положение коренных народов Енисейской губернии на протяжении более века. Между тем власти практически не пользовались правом перевода инородцев из одного разряда в другой, тем самым не выполнялась идея «Устава ...» о постепенном гражданском «взрослении» коренного населения, даже несмотря на объективные изменения. Административная реформа 1911 г. произошла под влиянием нового этапа в колонизации Сибири в ходе столыпинских преобразований.

Список источников

1. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2 / М. А. Корф. СПб.: издание Император. публичной библиот., 1861. 388 с.
2. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 1 204.
3. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 2 106.
4. Шашков С. С. Собрание сочинений. Т. 2. / С. С. Шашков. СПб: издание О. Н. Поповой, 1898. 666 с.
5. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века) / Л. М. Дамешек. Иркутск: изд-во Иркутского университета, 1986. 164 с.
6. Чибизов И. Я. Инородцы Енисейской губернии в первые годы её существования // Сибирский архив. 1914. № 9. С. 379–390.
7. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т. 2 / В. И. Вагин. СПб: Второе отделение С. Е. И. В. Канцелярии, 1872. 752 с.

8. Ядринцев Н. М. Сибирь, как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. СПб: издание И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.
9. Ватин В. А. Восточная Сибирь в начале XIX века / В. А. Ватин // Сибирский архив. 1916. № 3–4. С. 94–156.
10. Бахрушин С. В. Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 г. (исторический очерк) / С. В. Бахрушин // Советский Север. 1929. № 1. С. 66–97.
11. Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков / В. Г. Карцов. Новосибирск: Наука, 1965. 239 с.
12. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX века / Н. А. Миненко. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.
13. Шерстова Л. И. Тюрки и русские в Южной Сибири / Л. И. Шерстова. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 311 с.
14. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности) / гл. ред. В. Я. Бутанаев; науч. ред. В. И. Молодин. Абакан: издательство ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2008. 672 с.
15. Межэтнические связи Приенисейского региона: сборник документов / под ред. Р. Г. Рафикова. Ч. 1.: 1609–1916 гг. Красноярск, 2007. 215 с.
16. Хоменко Д. Ю. Земле- и водоустройство коренных народов Енисейской губернии в начале XX в. / Д. Ю. Хоменко // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 1 (40). С. 118–125.
17. ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 2012.

К. И. Шестакова

Государственный архив Красноярского края

Красноярск, Россия

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ – КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация. В статье на основании документов, находящихся на хранении в Государственном архиве Красноярского края, рассматривается исследовательская и подвижническая деятельность выдающихся исследователей Севера, их вклад в изучение природных богатств и развитие региона. Из всего множества экспедиций, для этой работы выбраны наиболее знаковые, способствовавшие в свое время прорыву в освоении Енисейского Севера, экономическому росту и укреплению торговых отношений.

Ключевые слова: экспедиции, научно-исследовательская деятельность, Северный морской путь, Енисейская губерния, Енисейский Север

Abstract. The article examines the research and ascetic activity of outstanding researchers of the North, their contribution to the study of natural resources and the development of the region on the basis of documents stored in the State Archive of the Krasnoyarsk Territory. Of all the many expeditions, the most significant ones have been selected for this work, which at one time contributed to a breakthrough in the development of the Yenisei North, economic growth and strengthening of trade relations.

Keywords: expeditions, research activities, Northern Sea Route, Yenisei province, Yenisei North

Сложно себе представить более агрессивную для человека среду, чем Заполярье: критически низкие температуры большую часть года, крайне сложная транспортная логистика с остальным миром, отсутствие многих жизненно важных ресурсов, условия полярного дня и ночи. Тем не менее исследователи и деловые люди, мореплаватели, подвижники и авантюристы со всего мира стремились и продолжают стремиться в эти недружелюбные края. Многие находили здесь свою погибель, многие теряли все свое состояние. Однако история хранит имена смельчаков, пусть не покрывших Арктику, но сумевших значительно продвинуть человечество в ее изучении и освоении.

Первые известные нам письменные свидетельства об освоении заполярных земель и морских путей относятся к концу XVI в. Русский золотопромышленник, дипломат, путешественник-полярник и активный общественный деятель Степан Васильевич Востротин ссылается на них в своем докладе «Об изучении Северного морского пути с XVI в. до конца XIX в.». Благодаря его исследованиям мы знаем, что в XVI в. русские торговые люди плавали вдоль северных берегов России и Сибири. «Английские

и голландские мореплаватели, пытавшиеся открыть северо-восточный проход в Тихий океан и желанную Индию... около Новой Земли, Вайгача, Югорского Шара встречали русских, направлявшихся на своих кочах, иногда до 30 шт., на р.р. Обь и Енисей с торговыми целями. Путь этот лежал вдоль берегов России и Сибири до Ялмала, который пересекали вначале по рч. Мутной, а затем, перетащив суда через небольшой волок, спускались по рч. Зеленой в Обскую Губу, иногда, вероятно, и огибали кругом Ялмала. Уже тогда, очевидно, было развито широко торговое судоходство между северным побережьем России и сибирскими реками – Обью и Енисеем» [1, л. 2].

В докладе Степана Васильевича содержатся и указания на причины упадка мореходства на 250 лет по Карскому морю. Востротин писал, что тобольский воевода, князь Куракин, видел в северных торговых отношениях вред. «...В 1616 г. [он добился] того, что было запрещено пускать иностранцев далее Архангельска, ввиду возможности якобы захвата ими края, богатого всякой мягкой рухлядью, а затем, неудовлетворенный и этим, стал направлять торговых и промышленных людей, пришедших морем, назад через Березов и Тобольск на Верхотурскую заставу для того, чтобы «казне в пошлинах потери не было». А в 1620 г. было повелено запретить морской ход в Сибирь и русским людям [2, л. 2 об].

Долгое время на Север плавали только с целью укрепления границ. Экспедиции XVIII в. были направлены на поиск мест для размещения портов базирования будущего Тихоокеанского флота (великая Северная экспедиция) и начертание карт. В 1720–1725 гг. Петр Чичагов снимал Тобольскую провинцию Сибирской губернии, а последующие пять лет Енисейскую провинцию. На карте Чичагова достоверно показаны берега Енисейского и Пясинского заливов. Результатами экспедиций 1733–1743 гг. стало комплексное и масштабное исследование Российской Арктики. В ходе морских и пеших походов были нанесены на карту почти все русские побережья Ледовитого океана. В 1741–1742 гг. Семен Челюскин прошел и описал западное и северное побережье полуострова Таймыр и определил, где находится самая северная оконечность Азии [3, л. 10].

С середины XIX в. начнется новый всплеск путешествий по заполярным водам Сибири. С удвоенным рвением сюда устремятся англичане, норвежцы, голландцы, шведы. Область их интересов – развитие торговых путей, товарообмен и научные исследования в области географии, геологии, биологии, метеорологии.

Известно, что 5 августа 1875 г. среди небольших островов, обозначенных на русских картах того времени «Северо-Восточные острова», бросило якорь судно «Превен», возглавляемое шведским мореплавателем, геологом, географом и исследователем Арктики Нильсом Адольфом Эриком Норденшельдом. В документах Государственного архива Красноярского края имеется документ о том, что гавань, в которой судно остановилось, Норденшельд назвал «порт Диксон» в честь спонсора своей экспедиции Оскара Диксона [4, л. 1]. Название это заменило русское,

и сегодня порт, а также населенный пункт и близлежащий остров хранят память шведского магната.

Арктические исследования Норденшельда стали широко известны и потому легли в основу многих последующих открытий. В 1878–1879 гг. экспедиция на пароходе «Вега» совершила первое сквозное плавание через Арктику из Атлантического в Тихий океан. Плавание убедительно доказало: все омывающие Сибирь арктические моря в определенный период года проходимы на пароходах.

Параллельно с Нильсом Норденшельдом стремился реализовать свои идеи, а именно, открыть морской путь на Енисей для мировой торговли, английский капитан Джозеф Виггинс. Считается, что именно он в 1876 г. совершил первый в истории коммерческий рейс через Карское море, хотя сам Виггинс подчеркивал, что сделал то, что русские торговые люди множество раз совершали задолго до него.

Прежде чем отправиться в рискованное путешествие, он изучил отчеты полярных экспедиций, расспросил моряков и китобоев об условиях плавания в Заполярье. В 1874 г. Виггинс на пароходе «Диана» планировал дойти до устья Енисея. В экспедиции Джозеф Виггинс уточнил глубину проливов и нанес на карту острова, с целью узнать про край больше информации беседовал с ненецкими рыбаками. До устья Енисея экспедиция не пошла из-за того, что сменился ветер, и дальнейшее продвижение стало рискованным. В 1875 г. на шлюпке «Вим» совершил плавание к русским северным берегам. В Архангельске собрал информацию об условиях плавания к Енисею, получил в дар несколько старинных карт «морских ходов» к великой сибирской реке и достиг с Сидоровым договоренности о доставке в будущую навигацию первой партии английских товаров на Енисей с тем, чтобы в обратный путь взять груз графита из Курейки.

Большую роль в экспедициях Виггинса сыграл Александр Михайлович Сибиряков, который перевел тысячу фунтов стерлингов для приобретения нового парохода. На эти деньги Джозеф Виггинс приобрел пароход «Темза» и 8 июля 1876 г. вышел в море с полным грузом английских товаров. «В село Дудинка 23 сентября прибыл Английский двухмачтовый пароход «Скрю-Стива – Темс» с 9 человеками экипажа под командованием капитана Джозефа Виггинса, при документе от Английского правительства, снаряженный на иждивение Сибирякова и Сидорова – за графитом и намерением зимовать в Усть-Курейке» [5, л. 4].

В ноябре «Темс» действительно осталась на зимовку в устье реки Курейка, а Виггинс, доставив английские товары на санях в Енисейск, отправился в Петербург, чтобы привлечь купцов и чиновников к дальнейшему развитию морского сообщения Сибири с Европой. Но его ждало разочарование, заинтересованности в торговле с Енисеем в русской столице он не нашел. Не добившись желаемого, Джозеф Виггинс вернулся на родину, где вопреки своим худшим опасениям сразу получил предложение от крупной ливерпульской фирмы вести в Сибирь за зерном 450-тонный пароход. Виггинс успешно выполнил этот рейс. Энтузиазм Виггинса начал

приносить свои плоды: в Сибирь устремляются за недорогой сибирской пшеницей все новые и новые суда.

24 июля 1887 г. пароход «Феникс» под командованием Виггинса и директора компании (Феникс) Генри Саливана вышел из Ньюкастела, обошел север Швейцарии, прошел около южной части Новой земли, вошел в Карские ворота, затем в устье Енисея. Шел Енисеем месяц и три дня. Целью поездки было налаживание торговых отношений между Сибирью и Европой. На хранении в государственном архиве Красноярского края имеется опись груза, перевозившаяся этим рейсом [6, л. 17–17 об.].

В Государственном архиве Красноярского края хранится документ Туруханскому мящанскому старосте о том, что «Академия наук снарядила экспедицию, имеющую целью ученое исследование северной Сибири и в особенности стран, лежащих между Писигою и Хатангою, каковую экспедицию вверила бывшему профессору университета Александру Федоровичу Миддендорфу [7, л. 35–36]. Эта знаменитая экспедиция 1842–1845 гг. в Северную Сибирь и на Дальний Восток стала выдающимся событием в истории географических открытий. Собранный материал Миддендорф обрабатывал и публиковал почти 30 лет. Экспедиция открыла на севере Сибири новую физико-географическую страну с горами и низкими тундрами на Таймырском полуострове. Миддендорф установил географическую закономерность в распространении растений и животных на крайнем севере Сибири. Александр Федорович является автором первых именных географических названий Таймыра. Его открытия способствовали научному интересу к Северу Сибири. В декабре 1870 г. русский ученый А. И. Воейков сделал в Географическом обществе доклад о необходимости снарядить экспедиции для исследования пути к устьям Оби и Енисея, и всего Северо-Восточного прохода. Опираясь на открытие Миддендорфом северной ветви Гольфстрима, Воейков был убежден в успешности этих экспедиций. Этот доклад вызвал большой интерес ученой общественности и привел к созданию комиссии при Географическом обществе, которой было поручено выработать программу исследований Северного Ледовитого океана. В докладе комиссии звучал призыв привлечь внимание общества к Северу и искоренить ложные представления о жизни на Севере, раскрыть его промышленный потенциал. Но были противники этих исследований и цели комиссии так и не были достигнуты.

Еще один выдающийся путешественник Андрей Ипполитович Вилькицкий в 1887–1889 гг. возглавлял первую в России Арктическую гидрографическую экспедицию. А в 1894 г. комитетом Сибирской железной дороги были выделены средства на гидрографические исследования Обь-Енисейского канала для возможности подъездных путей для строящейся магистрали. Гидрографы под руководством Вилькицкого за три года экспедиции засняли северную часть восточного побережья Енисейского залива, реки Енисей, нанесли на карту множество ориентиров, мелей, скал, островов. Несколько лет спустя именем начальника экспедиции Андрея

Ипполитовича Вилькицкого была названа группа островов в северо-западной части архипелага Норденшельда [8, л. 1].

В 1898–1901 гг. Вилькицкий руководил исследованиями в южной части Карского моря, составил подробные карты этого района. Научные результаты работы своей экспедиции он опубликовал в «Материалах по изучению Обской губы и Енисейского залива».

Начавшаяся Русско-японская война подтолкнула Российскую империю к более интенсивному использованию Северного пути для доставки стратегических грузов. Но к началу Первой мировой войны арктическая артерия так и не приобрела значительного хозяйственного значения. Она рассматривалась, главным образом, как альтернативный маршрут, поэтому его развитие стало делом энтузиастов.

Одним из них был Степан Васильевич Востротин. В 1912–1913 гг. он путешествовал по Северному пути вместе с норвежцем Фритьофом Нансеном. В это же время он добивался установки радиостанций по линии Северного пути – столь необходимых в тяжелейших полярных условиях. В 1914 г. усилиями норвежского авантюриста и коммерсанта Йонаса Лида, имевшего неплохие отношения с Востротиним, был совершен коммерческий прорыв в деле использования Северного морского пути. Ему удалось договориться с властями об экспорте сибирского леса в Британию. Одновременно плавание в направлении с востока на запад, с зимовкой у полуострова Таймыр, совершила гидрографическая экспедиция на судах «Таймыр» и «Вайгач» под руководством Бориса Вилькицкого. Это было сквозное плавание по Северному морскому пути из Владивостока в Архангельск, в результате которого на острове Диксон была построена радиостанция. 22 апреля 1916 г. были выделены средства на оборудование постоянной гидрометеорологической полярной станции на острове. И с 18 августа 1916 г. она начала свою работу [9, л. 8–8 об.].

1917 г. был непростым для нашей страны. Но даже крах Российской империи не убавил интереса к Арктике. Первой организацией, созданной для изучения возможностей морских перевозок через Арктику и их дальнейшего практического использования, стал Комитет Северного морского пути, образованный 23 апреля 1919 г. постановлением Совета Министров Российского правительства Верховного правителя адмирала Александра Васильевича Колчака. Главной задачей Комитета было создание устойчивой морской связи Сибири с западноевропейскими портами по Северному Ледовитому океану для развития внешней торговли. Кроме того, в отдельный проект было выделено изучение Норильского (Дудинского месторождения) каменного угля.

После установления в январе 1920 г. советской власти в Енисейской губернии под контроль большевистского правительства перешли обширные арктические территории и одна из перспективных транспортных артерий – Енисей. Перед новой властью встали старые задачи – освоение Северного морского пути. Для этих целей 20 апреля 1920 г. при Сибирском революционном комитете в Омске был создан Комитет Северного мор-

ского пути (Комсеверпуть). В дальнейшем перед комитетом была поставлена задача освоения всей трассы Северного морского пути от Архангельска до мыса Дежнева.

Большое значение в этот период имели Карские экспедиции, осуществлявшиеся ежегодно с 1920 г. Их основным назначением было снабжение крестьян Сибири промышленными товарами и вывоз сибирского хлеба и различного сырья для снабжения Европейского Севера. С 1921 г. начались регулярные торговые рейсы в устьях сибирских рек уже с целью внешнего товарооборота. 10 июня 1926 г. были утверждены правила «Производства таможенных операций над грузами Карской экспедиции» [10, л. 1.]. На хранении в Государственном архиве Красноярского края имеется список товаров, направленных по Енисею с Карской экспедицией 1926 г. [11, л. 14–17.].

В задачи Комитета входило и изучение природных богатств Арктики, и здесь стоит отметить Николая Николаевича Урванцева. В 1919 г. он был командирован Сибирским Геологическим комитетом в низовья Енисея на поиски каменного угля для снабжения судов Северного морского пути. Из годового отчета об исследованиях в низовьях реки Енисей, производимых экспедицией под руководством Урванцева: «Ключом к изучению был избран Норильск, где по литературным данным и рассказам очевидцев были уже известны выходы каменных углей, медных руд и графита» [12, л. 1.]. По результатам экспедиции совместным решением Комсеверпути и Сибгеолкома было постановлено продолжить работы, заложить угольные разведочные штольни, построить жилье, чтоб иметь возможность вести круглогодичные работы. В 1920 г. параллельно с разведкой угля Н. Н. Урванцев отобрал образцы и пробы из рудного месторождения, которое, как медное, было известно уже давно. Медно-никелевое месторождение было названо Норильск-1. В ходе экспедиции были обследованы и занесены на карту озера: Мелкое, Лама, Глубокое, Кета, Пясинское, реки: Норилка и Рыбная. В 1921 г. Комсеверпуть провел изыскания железнодорожной трассы по линиям Усть-Порт-Норильск и Дудинка–Норильск. Весной 1922 г. пятеро человек во главе с Урванцевым, в том числе Бегичев, изучая возможность судоходства, спустились на лодке вниз по Пясины до устья, ушли морем на Диксон, а оттуда в Дудинку. Пясины, Норилка и Пясинское озеро оказались судоходными. По прибытии в Томск, в Сибирское отделение Геологического комитета, собранные материалы были обработаны и составлен атлас судоходности реки Пясины, переданный для пользования Комитету Северного морского пути. Этот атлас стал основой дальнейших, более детальных исследований гидрографами Пясинской водной системы. В 1923–1924 гг. под руководством Урванцева были заложены и пройдены две штольни, вскрывшие медно-никелевые руды. В дальнейшем эти исследования были положены в основу технического проекта Норильского горно-металлургического комбината. Впервые за Северным полярным кругом была пробурена буровая скважина. Скважина позволила оценить запасы руды и меди

на горе Рудной. В 1925–1926 гг. численность экспедиции достигла 150 человек. Было открыто месторождение Норильск-II [13, л. 6].

Отправной точкой к открытию регулярного сквозного сообщения по Северному морскому пути стала экспедиция под руководством выдающегося советского ученого О. Ю. Шмидта и капитана В. И. Воронина, состоявшаяся в 1932 г. на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» (в ходе которой маршрут Северного морского пути был пройден за одну навигацию). По результатам этой экспедиции руководству страны был подготовлен доклад о возможности использования северного морского маршрута для развития промышленности и инфраструктуры севера СССР. Для этой цели было предложено создать единую организацию, которая занималась бы не только развитием транспортной системы, но и промышленностью, северными промыслами, строительством портовых сооружений, организацией постоянно действующих радио- и гидрометеорологических станций, созданием больниц и школ для местного населения [14, л. 434].

Успех экспедиции Отто Шмидта доказал возможность активного хозяйственного освоения Арктики. Для практической реализации этой возможности было создано Главное управление Северного морского пути.

Несмотря на трудности, связанные с работой в таких агрессивных условиях, каждый из упомянутых исследователей, принадлежавших к разным поколениям и обладавших разным уровнем теоретической подготовки, оставался верен своему делу. Именно архивные документы хранят память об этих выдающихся людях и их подвигах.

Список источников

1. ГАКК (КГКУ «Государственный архив Красноярского края»). Ф. 217. Оп. 2. Д. 13.
2. ГАКК. Ф. 161. Оп. 2. Д. 2 077.
3. ГАКК. Ф.Р-2003. Оп. 2. Д. 15.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 6 301.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 265.
6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 3 559.
7. ГАКК. Ф. 409. Оп. 1. Д. 55.
8. ГАКК. Ф.Р-2 374. Оп. 1. Д. 240.
9. ГАКК. Ф.Р-1 800. Оп. 2. Д. 28.
10. ГАКК. Ф.Р-524. Оп. 1. Д. 23.
11. ГАКК. Ф.Р-822. Оп. 1. Д. 86.
12. ГАКК. Ф.Р-1 380. Оп. 3. Д. 7.
13. ГАКК. Ф.Р-2 426. Оп. 1. Д. 163.
14. ГАКК. Ф.П-28. Оп. 1. Д. 20.

СЕКЦИЯ 5

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В СИБИРИ ДО И ПОСЛЕ РЕФОРМ М. М. СПЕРАНСКОГО

УДК 908 (571.1)

Е. В. Болонкина

Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова

Красноярск, Россия

РОЛЬ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1820–1850-Е ГГ.

Аннотация. В статье рассмотрена политика государства в отношении снабжения продовольствием населения Приенисейского края на протяжении 1820–1850-х гг. Раскрыта роль местных органов власти в организации работы хлебных запасных магазинов на территории Енисейской губернии. Обозначены особенности обеспечения хлебом коренного населения и русских поселенцев северных районов.

Ключевые слова: *Енисейская губерния, М. М. Сперанский, коренное население, хлебные магазины, Туруханский край, торговля хлебом*

Abstract. The article considers the policy of the state in relation to the supply of food to the population of the Yenisei region during the 1820s–1850s. The role of local authorities in organizing the work of grain reserve stores in the territory of the Yenisei province is revealed. The features of providing bread to the indigenous population and Russian settlers in the northern regions are outlined.

Keywords: *Yenisei province, M. M. Speransky, indigenous population, bakery shops, Turukhansk region, bread trade*

В процессе хозяйственного освоения восточносибирской окраины и Енисейской губернии в частности на протяжении 1820–1850-х гг. важной задачей, стоявшей перед царским правительством и местной властью, являлось обеспечение коренного населения и русских поселенцев продовольствием. Важное значение в этом плане имели государственные закупки хлеба, которые способствовали продовольственному обеспечению войск, рабочих казенных солеваренных и винокуренных заводов. Особую роль они играли при снабжении хлебом населения северных территорий

края, где были неблагоприятные природно-климатические условия для развития хлебопашества.

Для решения этой задачи еще на рубеже XVIII–XIX вв. в России были учреждены хлебозапасные магазины. Так, в 1799 г. был узаконен доклад Сената «О устройении сельских запасных магазинов», согласно которому магазины создавались в тех местах, где производился хлеб, для оказания помощи населению в годы неурожая зерновых семенами и хлебом для пропитания. Были прописаны требования вести четкий учет зерна и своевременно обновлять его, а также установлена норма накопления – по 3 четверти ржи и 4 четверика ярового овса или ячменя на каждую ревизскую душу [1].

В 1805 г. в связи с докладом министра внутренних дел общегосударственное юридическое оформление получили казенные хлебные магазины. Заготовкой хлеба в магазины и его продажей занималась исключительно губернская администрация (окружные начальники, исправники, члены земских судов и т. д.). Процесс закупки хлеба на казенные надобности до 1820-х гг. был следующим: губернское начальство делало смету всех потребностей в хлебе, потом раскладывало общую сумму по числу ревизских душ в уездах и волостях; на места посылались исправники, чтобы разверстать хлеб среди крестьян и собрать его. Цена за хлеб должна была быть не выше среднесправочных [2, с. 157]. При этом крестьянам запрещалось продавать, а горожанам покупать хлеб, кроме как в казенных магазинах. Все это не способствовало развитию вольного хлебного рынка, благодаря которому можно было расширить возможности по пополнению хлебных запасов в магазинах.

В связи с этим в 1819 г. для активизации частной хлебной торговли по предложению М. М. Сперанского были изданы «Правила о свободе внутренней торговли в Сибири». Согласно этому документу городской и сельской полиции запрещалось принуждать крестьян и горожан к покупке хлеба в запасных магазинах. Земские исправники и заседатели отстранялись от заготовок хлеба. Непосредственно заготовка хлеба для казенных нужд осуществлялась с торгов подрядами на общих основаниях. В результате в некоторой степени была регламентирована деятельность частных торговцев, которые начали заниматься поставками хлеба в малохлебные северные округа сибирских губерний.

Большое значение для развития системы государственных закупок хлеба для населения Сибири имело принятие «Положения о казенных запасных хлебных магазинах» – одно из приложений «Учреждения для управления сибирской губернией» 1822 г. Его разработала комиссия под руководством М. М. Сперанского. «Положение» было одобрено 13 апреля Сибирским комитетом и 17 июля – императором. Казенные хлебозапасные магазины были призваны быть «дополнением к главному средству народного продовольствия» – земледелию, а в местах, где нет этой отрасли, – заменить хлебопашество и торговлю хлебом [1]. Казенные магазины были разделены на постоянные (складские и приписные) и времен-

ные. Деятельность данных магазинов четко регламентировалась. Хлеб заготавливался с торгов или непосредственно с рук земледельцев. Для закупки хлеба мукою или зерном заключали договора с сельскими обществами. Были созданы специальные комиссии, куда входили чиновники из провиантского ведомства, казенной палаты и окружных начальников, которые следили за процессом заготовки хлеба. Надзор за приемом хлеба осуществлял городничий или исправник. При этом особо подчеркивалось, что казенные магазины не должны были препятствовать частной хлебной торговле [3, с. 245, 246; 4, с. 298]. В 1834 г. царским правительством дополнительно было издано 2-е «Положение об устройстве сельских хлебозаготовительных магазинов», которое было усовершенствовано в дальнейшем Сибирским комитетом (1836) и Главным управлением Восточной Сибири (1838). На основе этого нормативно-правового документа затем появится «Положение о запасах народного продовольствия Восточной Сибири» [1].

Казенные нужды в хлебе на территории Енисейской губернии в 1820–1850-е гг. складывались из потребностей обеспечения продовольствием войск, рабочих казенных солевaren и винокуренных заводов (Троицкий солеваренный завод, Каменский винокуранный завод), коренных жителей и русских поселенцев северных районов (Туруханского края), а также крестьян и городского населения. На территории края были представлены все виды хлебных магазинов: провиантские – для снабжения хлебом войск, экономические городские и сельские, которые выдавали хлебные ссуды в случае неурожая, а также казенные запасные – для снабжения бесхлебных районов губернии. В 1820-е гг. в Енисейской губернии насчитывалось 199 хлебных магазинов: в Красноярском округе – 54, в Енисейском – 48, в Ачинском – 14, в Минусинском – 32, в Канском – 51 магазин. По сведениям первого губернатора Енисейской губернии А. П. Степанова, в 1830 г. в них насчитывалось 122 811 четв. хлеба [5, с. 20].

В начале 1820-х гг. для снабжения хлебом Каменского винокурного завода губернской администрацией закупалось до 12 тыс. пуд, а для казенных запасных магазинов – по 165 613 пуд. [3, с. 237]. К 1851 г. на нужды казны уходило 13,3% от общего количества, выращенного для продажи хлеба. Больше всего заготавливалось хлеба для сельских магазинов – 9 % (855 224 пуд.). Доля закупленного для казенных магазинов для «иностранцев» и горожан хлеба составляла 2% (183 000 пуд.), а для провиантских магазинов – 1,2% (108 336 пуд.). Для нужд Троицкого солеваренного и Каменского винокурного заводов губернской администрацией закупалось 106 220 пуд., что составляло 1,1 % от общего количества купленного хлеба [6, с. 337–338, 502; 7, с. 90].

Необходимо отметить, что в 1820–1850-е гг. губернские органы управления испытывали серьезные проблемы по заготовке хлеба для магазинов, так как на рынке действовали скупщики, которые перебивали казенные заготовки. Очень выгодно они торговали с казной, придерживая хлеб. Иногда для поставки хлеба частные торговцы образовывали артели

и товарищества, которые заготавливали до 1 тыс. пудов, что указывало на слабость развития частной торговли. Торговые крестьяне и купеческие приказчики скупали хлеб, заключая соответствующие договоры с обществами крестьян, и выдавали им денежные задатки. В договорах оговаривалось количество хлеба и каким образом будет осуществляться поставка хлеба. Со временем кабала крестьян от скупщиков хлеба и казны усиливалась, что приводило к росту казенных задолженностей. Поэтому в 1833 г. МВД выпускает циркулярное предписание № 1 130 «О принятии надлежащих мер к предупреждению всякой возможности к злонамеренным перекупкам хлеба и других припасов и о поступлении с виновными в таких действиях по всей строгости законов». Однако местным властям в полной мере не удалось решить эту проблему, и перекупки хлеба у крестьян продолжались [8, с. 75].

На протяжении 1820–1850-х гг. наличный запас и денежный капитал хлебных магазинов в округах Приенисейского края во многом определялся потребностями в хлебе населения и казны в самих районах и уровнем развития хлебопашества в них (табл. 1).

Таблица 1

Состояние сельских хлебозапасных магазинов
по округам Енисейской губернии к 1850 г.

Округ	Кол-во магазинов	К ним приписано душ об.п.	Наличный запас зерна (четверики)		Денежный капитал (руб. сер.)
			Яровые	Озимые	
Минусинский	25	8 820	7 942	33 400	5 409,03
Ачинский	20	11 631	6 009	31 227	6 015,08
Енисейский	81	12 887	12 808	30 720	6 070,14
Красноярский	67	14 967	18 375	35 919	3 883,84
Всего	193	48 305	45 134	131 266	21 378,09

*Источник: Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800–1861). Л: ЛГУ, 1967. С. 185.

Из приведенных данных видно, что к 1850 г. в хлебных магазинах Минусинского округа насчитывалось до 17,5 % яровых и 25,4 % озимых хлебов от общего количества наличного запаса зерновых в губернии. В Ачинском округе эти показатели, соответственно, составляли 13,3 % и 23,7 %. В Енисейском и Красноярском округах наличный запас зерновых был выше и составлял в среднем от 30 до 40 % яровых и 27 % озимых хлебов. Общие показатели денежного капитала в хлебных магазинах были наиболее высокими в Ачинском и Енисейском округах и составляли до 28,5 % от общего количества капитала магазинов губернии.

Важно отметить, что хлебных запасов в сельских магазинах Приенисейского края не всегда было достаточно, особенно это ощущалось в неурожайные годы. В неурожайные 1837–1839 гг., когда в Красноярском и Енисейском округах погибло 2/3 посева, для обеспечения жителей Красноярского округа было увеличено количество хлеба в запасных

магазинах. По предложению Совета Главного управления чиновники закупили в Томской и Тобольской губерниях 260 085 пуд. 30 четв. хлеба, а также взяли в займы из их сельских магазинов 115 463 пуд. [8, с. 77].

В связи с проведением реформ П. Д. Киселева для государственных крестьян был пересмотрен вопрос о хлебных магазинах. Так, в 1842 г. выходит «Положение об обеспечении продовольствием государственных крестьян», по которому устанавливалось, что сельские запасные хлебные магазины теперь должны были содержаться на средства крестьян. С каждой души собирали по 1 четверику ржи (64 фунта) и по 4 гарнца ярового (32 фунта). Пополнялись магазины ежегодно, собирая с ревизской души до 1 четв. ржи и 0,5 четв. ярового хлеба. Общий денежный сбор составлял 48 коп. сер. с ревизской души и по 6 коп. на 8 лет ежегодный [9, с. 49]. В дальнейшем сбор сократился наполовину и стал направляться на усиление запасов, для продажи в сельские запасные магазины, для составления хозяйственного капитала. При неурожае магазины выдавали хлебные ссуды. Пополнение магазинов не осуществлялось в случае сбора урожая менее сам–2. Продовольственный капитал поступал в распоряжение Министерства государственных имуществ и употреблялся на покупку хлеба и составления общих хлебных казенных магазинов [3, с. 183].

Особую роль в хозяйственном развитии на протяжении 1820–1850-х гг. хлебные магазины играли в Туруханском крае. Здесь хлебные запасы были нужны не только для снабжения хлебом казачьих команд, но и для снабжения «бродячего» населения бесхлебных районов. Если в 1820 г. в крае было всего 22 подобных хлебозапасных магазинов, то уже в 1822 г. их насчитывалось уже 33. К 1830 г. в крае было 47 хлебных магазинов, из них 2 складочных находилось в Туруханске и Верхнеинбатске, а 45 приписных были расположены по основным рекам – Тазу, Туруханке, Блудной, Нижней Тунгуске, Помигаю, Хатанге. Хлеб в магазины закупало Губернское управление на деньги самих магазинов, которые они получили с коренного населения за хлеб [5, с. 20].

Поставками хлеба в магазины занимались представители енисейского купечества, красноярские мещане и крестьяне Енисейского округа. Так, в 1820 г. енисейский купец Д. Дементьев поставил 8796 пуд. ржаной муки. В 1826 г. красноярский крестьянин Е. Захиндаков поставил 580 пуд. В 1837 г. поставками хлеба в магазины Туруханского края занималась группа крестьян из Частоостровской волости Красноярского округа [10, с. 107].

В первой половине XIX в. поставки хлеба в складские магазины, по данным В. Н. Разгона и В. Я. Шанина, ежегодно составляли до 65 тыс. пуд [11, с. 19]. Закупался хлеб как у частных лиц, так и через подрядчиков в южных округах губернии. Все магазины по Енисею выше Туруханска получали хлеб из Верхнеимбатских складов по 10 тыс. пуд., а остальные – из Туруханского, который имел в запасе до 30 тыс. пуд. хлеба. В магазины по Турухану и Тазу предназначалось 9 000 пуд., вниз по Енисею – 9 500 пуд., на Нижнюю Тунгуску – 3 000 пуд. и «за низовую тундру» –

1 400 пуд. Из Дудинского магазина хлеб развозился до Попигайского зимовья, р. Блудной и по р. Таз [10, с. 106].

Хлебными магазинами управляли смотрители, отдельные заседатели, помощники отдельных заседателей, а также вахтеры, выбранные из числа туруханских казаков. Они следили за хранением, продажей и выдачей хлеба населению [12, с. 315]. Как отмечает Е. В. Комлева, очень часто вахтеры злоупотребляли своим положением. Они сбывали зерно и муку частным торговцам, указывая в отчетах реализацию их местному населению [11, с. 19].

Казенная пшеница, рожь, ячмень приобреталась в магазинах населением края, как за деньги, так и за звериные шкуры и меховые изделия. Многие брали необходимое количество зерна в долг, а наиболее нуждающимся хлеб отпускался вообще «безденежно и без возврата». Практика продажи зерна в долг и рост недоимок приводили к тому, что торговля хлебом в крае не приносила особых выгод казне [13, с. 16].

С 1837 г. количество функционировавших магазинов в Туруханском крае сократилось до 29, а к 1861 г. – до 23. По мнению С. Т. Гайдина и Г. А. Бурмакиной, это было связано с тем, что завоз хлеба и работа магазинов слишком дорого обходились для губернского бюджета. Поэтому, по мере развития на севере рыбной промышленности и появления альтернативных поставщиков хлеба, губернская администрация ограничивала выдачу муки и сокращала количество самих хлебных магазинов [14, с. 59].

Таким образом, благодаря принятию в первой половине XIX в. ряда нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность хлебозапасных магазинов, царскому правительству удалось наладить снабжение населения восточносибирской окраины продовольствием. На протяжении 1820–1850-х гг. в Приенисейском крае была организована работа сельских, казенных и провиантских хлебных магазинов, которые обеспечивали зерном государственные предприятия, казачьи войска, а также население бесхлебных северных районов. Казенные поставки хлеба сыграли важную роль для поддержания жизненного уровня коренных народов и русского населения Туруханского края. Для этого государство использовало все административные ресурсы. Развитие системы хлебных запасных магазинов способствовало более интенсивному развитию сельского хозяйства и торговли.

Список источников

1. Сосин М. А. Возникновение казенных запасных магазинов в Якутской области: историографический аспект // Общество: философия, история, культура. Краснодар: ООО «Издательский дом «ХОРС», 2018. № 12. URL: http://dom-hors.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/fik/2018/12/history/sosin.pd.
2. Агапова Т. И. Казенное хлебопашество при Нерчинских горных заводах во второй четверти XIX в. // Общественно-политические движения в Сибири в 1861–1917 гг. Новосибирск, 1967. Вып. 3. С. 152–159.
3. Кожухов Ю. В. Русские крестьяне Восточной Сибири в первой половине XIX в. (1800–1861). Л: ЛГУ, 1967. 384 с.

4. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири 1819–1822 гг. СПб., 1872. Т. 2. 752 с.
5. Степанов А. П. Енисейская губерния. СПб., 1835. Ч. II. 257 с.
6. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч. 2. 784 с.
7. Нагаев А. С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30–50-е гг. XIX в. // Ученые записки ЕГПИ. Т. 1. Вып. 1. Енисейск, 1958. С. 3–117.
8. Болонкина Е. В., Катцина Т. А. Социально-экономическое развитие Енисейской губернии во второй четверти XIX в. Красноярск: СФУ, 2009. 245 с.
9. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. 620 с.
10. Павлов П. Н. Потомки землепроходцев в Туруханском крае в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск, 1966. С. 84–111.
11. Комлева Е. В. Казенные запасные магазины Туруханского края в первой половине XIX в. // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2016. Вып. 2. С. 16–47.
12. Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. 316 с.
13. Комлева Е. В. Снабжение хлебом северных районов Сибири (XVII–XIX вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 3. С. 13–18.
14. Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А. Эволюция представлений администрации Енисейской губернии о работе казенных хлебозапасных магазинов в Туруханском крае в досоветский период // Технологии развития социальных, экономических и логистических процессов Арктической зоны России: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, 2017. Красноярск: КрасГАУ, 2017. С. 54–60.

Н. В. Виниченко¹,

З. П. Горьковская²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия

ФОРМИРОВАНИЕ ПЕТРОМ I ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ «НОВОГО ТИПА» В КОНТЕКСТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА ВЛАСТИ

Аннотация. В историографии последних лет актуализируются новые аспекты изучения эпохи правления Петра I и оценки его государственной деятельности по формированию политических элит. В статье характеризуется становление политической элиты нового типа в контексте конструирования Петром I рационального дискурса власти. В рамках данного целеполагания выявляются факторы, ведущие к трансформации политической элиты и определяются критерии, отражённые в официальном дискурсе, которыми руководствовался император, создавая служилое государство. Петру I необходимо было принять новый политический язык, согласованный с идеями Нового времени и сформировать политическую элиту, способную применить официальный дискурс власти к реализации стратегии развития государства.

Ключевые слова: политическая элита, официальный дискурс, политические идеи Нового времени, император Петр I

Abstract. Recent historiography actualizes new aspects of the study of the reign of Peter the Great and the assessment of his state activity on the formation of political elites. The article characterizes the formation of a new type of political elite in the context of the construction of a rational discourse of power by Peter the Great. The factors leading to the transformation of the political elite and the criteria reflected in the official discourse, which guided the emperor in creating a servant state, are identified within the framework of this goal setting. Peter the Great needed to adopt a new political language, aligned with the ideas of the New Age and to form a political elite capable of applying the official discourse of power to the implementation of the state development strategy.

Keywords: political elite, official discourse, political ideas of the New Age, Emperor Peter the Great

В исследованиях по формированию системы государственного аппарата Российской империи получают актуальность вопросы, связанные с процессами становления политических элит. Реализовать замыслы модернизации страны вместе с существующей традиционной элитой не представлялось Петру Алексеевичу Романову возможным, ему необходима была новая элита, способная принимать идеи правителя и на их основе реализовывать стратегию развития государства. В настоящее время историки исследуют модель власти и преобразования императора в аспекте идей Нового времени, что позволяет интерпретировать государственную деятельность Петра I в теоретическом и практическом аспекте. В статье

характеризуется конструирование Петром I дискурса власти, направленного на становление политической элиты «нового типа». В рамках данного целеполагания выявляются факторы, ведущие к трансформации политической элиты в контексте идей Нового времени и определяются критерии, отражённые в политическом дискурсе, которыми руководствовался император Петр I в своей государственной практике, создавая систему управления и отбирая представителей государственного аппарата.

Понятие политической элиты используется в значении интегрированной социальной группы, «которая контролирует основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества и определяет государственную политику, принимает важнейшие стратегические решения» [1, с. 216]. Политический дискурс характеризуется совокупностью всех речевых актов, используемых в политических целях, а также правил публичной политики, принятых в государстве. Смена политического языка нужна тогда, когда происходит трансформация старого порядка как нерационального в предлагаемый новый. Согласно мнению исследователя С. Польской: «этот язык был нужен для создания единого коммуникативного поля с элитой, которая также менялась вместе с реформами императора Петра I» [5, с. 476].

В историографии талант императора в отборе управленческих и военных кадров отмечен ещё Н. М. Карамзиным, который писал о дарованиях императора находить способных сотрудников, а С. М. Соловьёв сделал вывод, что в петровскую эпоху «способных людей было набрано много; но цель преобразователя состояла в том, чтобы приучить этих способных людей к деятельности сообща, в которой они развивали друг друга и сдерживали друг друга» [9]. Исследователь А. А. Кара-Мурза, характеризуя трансформацию политических элит в первой четверти XVIII, вводит в научный оборот термин «новый тип элиты» и приходит к выводу, что переход обусловлен реформаторской деятельностью Петра I, основанной на идее государственной службы [2, с. 72–74]. В работе Д. А. Редина политические представления Петра I автор называет идеализированным «ментальным (воображаемым) государством», которые сформировались в результате «знакомства с обширным и разнородным западным ренессансным и барочным литературным массивом», что и предопределило государственную идею [7, с. 315]. Историком отмечено новаторское отношение царя и к нормативному акту как к способу публичной коммуникации, где голос и воля монарха получают форму закона и одновременно содержат мотивационное начало к действию.

Характеристики становления рационального политического языка в России XVIII в. выявляются в работе историка С. Польской, отвечающего на вопрос: зачем понадобилась такая активная рационалистическая трактовка монархии в XVIII в. и на каком интеллектуальном основании формировалось новое дискурсивное поле [5]. Значимыми для темы исследования являются и выводы И. П. Смирнова, который в своём подходе синтезирует сложившиеся теории элит и делает вывод о том, что «общие

представления об элитах сведены к пониманию, что это явление подвержено трансформациям» [8, с. 175].

Отметим, что имеющийся комплекс источников: тексты политических трактатов европейских и отечественных авторов, законодательные источники содержат сведения для изучения представлений Петра I о критериях для формирования политической элиты и реконструкции его дискурсивных практик. Для характеристики политического дискурса используется и переписка Петра I. Использование данного нарратива ориентировано на выводы лингвистических исследований о Петре I как языковой личности, демонстрирующей способность «к смысловому переносу опыта и знаний, полученных в рамках одних предметных полей на другие» [6, с. 56]. Рассматривая законодательство и источники личного происхождения как целостный дискурс, можно реконструировать идейную концепцию Петра I, в соответствии с которой он осуществлял формирование политической элиты.

Дискурс власти Нового времени тесно связан с теорией общественного договора, экономической теорией меркантилизма, достижениями науки и рациональной картиной мира. В отличие от Средневековых представлений, которые объясняли сущность государства на основе сакральной природы власти, интеллектуалы Нового времени исходили из того, что государство имеет рациональную природу. Появляются идеи, согласно которым инструментом преобразования общества, воспитания достойного подданного является государство и законы, которые оно формулирует. Эти идеи стали элементами политического сознания Петра I, что отмечено исследователями, интерпретирующими представления Петра I, например, Е. В. Анисимов пишет, что об этом свидетельствуют личное знакомство царя с немецким философом, учёным Готфридом Лейбницем, знание трудов Джона Локка, Гуго Гроция и Самуэля фон Пуфендорфа, книги которых были переведены по личному приказу императора.

Обращаясь к проблеме становления официального дискурса власти в XVIII в., С. Польской приходит к выводу, что именно при Петре Алексеевиче Романове нация узнала о правах правителя и народа. Такое понимание официального дискурса находит отражение в сочинениях русского политического и духовного деятеля Феофана Прокоповича: «Для нарождающейся империи нужен был теоретик, который соединил бы интуитивное понимание Петром долга государя перед стариной с новейшими западными теориями Гроция и Пуфендорфа. Таким теоретиком и стал Феофан» [8, с. 67]. В известном сочинении Прокоповича «Правда воли монаршей» впервые в языковое политическое поле вводятся такие понятия, как «общественный договор», «государственный интерес». Автор обосновывает необходимость для подданных повиноваться воле монарха: «Должен народ, без прекословия и роптания, вся от Самодержца повелеваемая творить, что и выше, под числом тринадцатым, от слова Божия показано, zde же и от толкования воли народной явно показуется: аще бо народ воли общей своей совлекся и отдал оную Монарху своему, то

како не должен хранить его повеления, законы и уставы, без всякой отговорки». В случае, если правитель окажется «не таков, какова его надеялся, покажется, или быв на время добр, переменится в злого», народ не вправе лишать его правления, так как народ не может «отданной ему воли своей отнять» [10].

Трактат Феофана Прокоповича обеспечивает политической элите рациональное понимание власти и её функций. Создание нового политического языка, которого не существовало в религиозной политической культуре русского Средневековья связано с необходимостью установления нового легитимного порядка передачи власти. Исследователями отмечено, что «мистическая концепция власти» также сохранялась в официальном дискурсе, но она адресовалась «не действующим лицам политики». В таком варианте конструирования дискурса происходит осознание представителями элиты себя как «политиков» и «слуг» не только государя, но и государства в целом [5, с. 473].

Идея отбора новых людей по принципу службы представлена в принятом в 1722 г. Табеле о рангах: «сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшаго дворянства, такожде служителей знатнейшаго ранга, хотя мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной асамблеи, где двор находится, свободной доступ пред другими нижняго чину, и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однако ж мы для того никому какова рангу не позволяем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут, и за оныя характера не получают» [11, с. 62]. Творчески перерабатывая византийские образцы национальной элиты, и обеспечивая её трансформацию в контексте того, что элитарность не наследуется, а обретается на основе личных и прежде всего служебных достоинств, по-прежнему для новой элиты сохраняется актуальность превосходство над подданными, которое вновь измеряется причастностью к тайне. Характеризуя новую политическую элиту, В. О. Ключевский предложит такой оценочный контекст: «это чиновничество усвоило себе некоторые политические замашки аристократии стремилось из простого правительственного орудия превратиться ... в самобытную политическую силу, поэтому их можно называть чиновной аристократией» [3, с. 640]. Представители политической элиты являются «другими», ставящими себя в образец для подражания, хотя социальная открытость для вхождения в элиту Петром I была создана на основе «Табели о рангах» и продемонстрирована им в персональной биографии (например, жена Екатерина, Меншиков). Исследуя эволюцию элит, И. П. Смирнов отмечает, что с приходом Нового времени статус «благородного происхождения» у элиты утрачивает династический характер, но в полной степени не исчезает из социального обихода, что она всегда несёт в себе определённую зрелищность и сценичность поведения, которые противоположны жизни массового человека [8, с. 181].

В системе оснований, обусловивших формирование политической элиты «нового типа» выделим следующие факторы.

Во-первых, рационализация политического языка. Чтобы официальный дискурс власти вместе с политическими действиями были приняты обществом, в первую очередь необходимо его осмысление политической элитой. Это стало возможным благодаря поездкам представителей элиты за границу, а также их знакомством с европейской политической литературой. Рационализация политического языка Петровской эпохи предполагала, что политическая элита «нового типа» начнёт искать рациональные стратегии законности своих действий.

Во-вторых, доминирование в риторике власти принципа «службы» как важнейшего элемента государственной идеологии и управления, утверждение вертикальной мобильности в соответствии с личными заслугами, взамен принципу «родовитости» и «знатности», который перестаёт быть основополагающим при вступлении в ряды политической элиты. Понятия Отечество и Государь становятся равнозначными, что отражается в текстах воинских и гражданских присягах. Исследователь О. Н. Мухин политическую элиту Петра I делит на два уровня. Представители первого уровня занимают ведущие посты в государстве, сохраняя формальное равенство перед лицом своего лидера, несмотря на обязательное в таких случаях соперничество. В эту группу исследователь включает А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, Г. И. Головкина. Второй уровень политической элиты – более широкий, состоявший из гвардии Петра I, которая обеспечивала прочность положения лидера в осуществлении властных функций. Гвардейские полки имели довольно пестрый социальный состав, часто в них входили дворяне знатного происхождения, примером являются: М. М. Голицын, И. И. Бутурлин и др., которые пришли к Петру в качестве «добровольцев». Это говорит о том, что политическая элита «нового типа» формировалась вместе с принципом «службы» ещё и по принципу личной преданности. Наличие этих двух уровней элиты, согласно выводам О. Н. Мухина, делает харизматического лидера более независимым и могущественным [4, с. 142].

В-третьих, включение новой риторики в законодательство и политические трактаты. Прежде всего, это «Правда воли монаршей», в тексте которой интерпретируется вопрос о правах и должностях суверена и «народа», что способствовало изменению контекстов понимания идеи служилого государства и обеспечивало эволюцию политической элиты. Создание нового политического языка актуального для взаимодействия с элитой, по мнению А. А. Кара-Мурза, связано и с таким фактором, как экзистенциальный толчок [2, с. 429–430]. Исследователи находят его в таких событиях эпохи правления Петра Алексеевича Романова, как известие о стрельцком бунте 1698 г. или дело царевича Алексея, которое было сильнейшим толчком для преобразований Петра I, поскольку для него стало необходимостью «преодоление кризиса легитимности, порожденного насильственными действиями власти в отношении наследника престола» [5, с. 414].

Создание политической элиты нового типа стало возможным благодаря внедрению Петром I новых критериев, которыми руководствовался император при отборе представителей государственного аппарата: единение с монархом, преданность государственным интересам и вовлеченность в службу, талант, трудолюбие и образованность. Значимым оценочным измерителем для Петра I станут проявления дисциплины, инициативы и стремительности исполнения своих поручений. Для реализации этих критериев Петр I проводит регламентацию собственности дворян, чтобы представители дворянского сословия осознали, что не «родовитость», а служба является их главным источником благосостояния. Царь лично контролирует набор на службу молодых дворян, подписывает указы о наказании за укрытие от своих обязанностей перед государством. Все дворяне обязаны были пройти обучение перед службой, некоторые отправлялись на учёбу за границу, появляются специальные школы. Новой станет и практика коммуникации, когда будут введены ассамблеи, которые способствовали формированию нового культурного кода в среде политической элиты первой четверти XVIII в.

Таким образом, главная новация официального дискурса состоит в том, что неповиновение власти не только рассматривается как бунт, но осознаётся, что проблема его не в подавлении насилием, а в необходимости «разсудительного слова» или «любомудрия» адресованного «к просто-сердечному читателю» как сказано в предисловии к «Правде воли монаршей». Политические действия должны быть осмыслены теми, кто был связан с его трансляцией. Ими и являлись представители элиты «нового типа».

Анализ политической аргументации убеждает в осознанной репрезентации Петром I тех критериев, которые определялись им и носили стратегический характер по формированию политической элиты России конца XVII первой четверти XVIII в., когда «власть начинает опираться не столько на телесное принуждение и наказание, сколько на легитимацию силы в форме права, на управление человеческим поведением посредством слова» [12]. Сам Петр I успешно реализовывал конструируемый им дискурс власти в своей государственной практике.

Список источников

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность: монография / Г. К. Ашин. М: МГИМО-университет, 2010. 598 с.
2. Кара-Мурза А. А. Рождение элиты в эпоху перехода от Царства к Империи / А. А. Кара-Мурза // Человек между Царством и Империей. Материалы международной конференции. М.: Институт человека РАН Ин-т человека, 2003. С. 72–74.
3. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций / В. О. Ключевский. М.: Олма-ПРЕСС Образование, 2005. 831 с.

4. Мухин О. Н. Специфика окружения Петра I в свете концепции харизматического господства / О. Н. Мухин // Дискуссия. 2013. № 11 (41). С.141–142.
5. Польской С. Истязание по натуральной правде: легитимация насилия и становление рационального политического языка в России XVIII века / С. Польской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 409–478.
6. Редин Д. И. Очарование «регулярства» еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 1. Петр I: интеллект и психология мышления / Д. И. Редин // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 49–59.
7. Редин Д. И. Очарование «регулярства» еще раз о «ментальном государстве» Петра Великого. Часть 2. «Российское имперское государство» / Д. И. Редин // Диалог со временем. 2021. Вып. 75. С. 315–334.
8. Смирнов И. П. Быт и инобытие / И. П. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 384 с.
9. Соловьёв С. М. Публичные чтения о Петре Великом [Электронный ресурс] // Проект «РУНИВЕРС». URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book477483/#page/1/> (дата обращения: 24.03.2022).
10. Прокопович Ф. Правда воли монаршей в определении наследника державы своей [Электронный ресурс] // Сайт музея истории Российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13642> (дата обращения: 13.03.2022).
11. Табель о рангах // Российское законодательство X–XX веков / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. Т. 4. С. 56–66.
12. Шейгал Е. Власть как концепт и категория дискурса [Электронный ресурс] // Сайт Электронной библиотеки Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (дата обращения: 12.03.2022).

Л. М. Дамешек¹,

И. Л. Дамешек²

^{1,2} Иркутский государственный университет

Иркутск, Россия

НАСЛЕДНИКИ М. М. СПЕРАНСКОГО. СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСКОГО КОРПУСА СИБИРИ 1822–1917 ГГ.

Аннотация. В публикации отмечается выдающееся значение сибирских реформ М. М. Сперанского 1822 г, заложивших в России основы политики имперского регионализма. На основе делопроизводственных материалов императорских архивов и послужных списков приводится подробная характеристика социального портрета генерал-губернаторского корпуса Сибири за период его существования с 1822 по 1917 г., проводится компаративный анализ полученных сведений с другими генерал-губернаторствами империи.

Ключевые слова: М. М. Сперанский, сибирская реформа 1822 г., социальный портрет генерал-губернаторов Сибири

Abstract. The publication notes the outstanding importance of the Siberian reforms of M.M.Speransky in 1822, which laid the foundations of the policy of imperial regionalism in Russia. Based on the records of the imperial archives and service records, a detailed description of the social portrait of the Governor-General's corps of Siberia for the period of its existence from 1822 to 1917 is given, a comparative analysis of the information obtained with other general governorships of the empire is carried out.

Keywords: M. M. Speransky, Siberian reform of 1822, social portrait of the governors-general of Siberia

Имя выдающегося российского государственного деятеля Михаила Михайловича Сперанского – неизменно привлекает к себе внимание широкой научной общественности и государственно-политических деятелей России. Выходец из семьи сельского священника, благодаря своим исключительным способностям и трудолюбию, Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру. Превратности судьбы – отставка, ссылка, недоверие власти и общества не сломили этого сильного духом человека. В конце жизни Сперанский дослужился до высших государственных постов, получил титул графа и был награжден высшими государственными орденами. Он по сей день является яркой звездой российской бюрократии, признанным реформатором и выдающимся юристом.

В историю российской юридической науки и практики Сперанский вошел как инициатор кодификации законов империи. Между тем многие поколения сибиряков чтят память Сперанского не только как составителя Свода и Полного собрания законов Российской империи, а, прежде всего, как сибирского генерал-губернатора.

Генерал-губернаторство Сперанского в Сибири было кратковременным, но впечатляющим по результатам. Сперанский управлял Сибирью в течение трех лет, с 1819 по 1822 г., из которых почти два года он провел непосредственно за Уралом. За этот короткий срок он произвел «обозрение» огромного края и ревизию его управления, составил для правительства содержательный отчет и подготовил обширные законодательные предложения.

Отчет Сперанского и его проекты обсуждались в Сибирском Комитете и после утверждения императором вылились в «Учреждение для управления Сибирских губерний» и ряд сопутствующих ему «Уставов». Сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, основанного на геополитических особенностях Азиатской России. Они на длительный период определили структуру сибирской администрации и особенности местного управления, оформили правительственную политику в отношении коренного населения Сибири, оказали влияние на многие стороны жизни края. В отдельных частях законодательство 1822 г. сохраняло в Сибири силу до начала XX столетия. Все это делает реформу Сперанского одним из узловых вопросов истории Сибири. Министр внутренних дел России О. П. Козодавлев, напутствуя Сперанского перед поездкой последнего в Сибирь, писал: «История Сибири будет делиться на две только эпохи: первая от Ермака до Сперанского, вторая от Сперанского до Х...».

Всего 22 июля 1822 г. Александром I было утверждено 10 законов, составивших особое «Сибирское учреждение»: «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцами», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Устав о сухопутных сообщениях», «Устав о городских казаках», «Положение о земских повинностях», «Положение о хлебных запасах», «Положение о долговых обязательствах между крестьянами и между инородцами». «Сибирское учреждение» отливалось исключительно тщательной юридической проработкой законодательного материала и насчитывало свыше 4 000 параграфов.

Важнейшим, несомненно, было «Учреждение для управления сибирских губерний», в соответствии с которым произошло административное разделение Сибири на два генерал-губернаторства – Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское, административными центрами которых стали, соответственно, Тобольск и Иркутск во главе с генерал-губернаторами [1].

Система генерал-губернаторского правления, основанная на принципах сибирского учреждения М. М. Сперанского 1822 г., просуществовала в Сибири вплоть до 1917 г. За период существования (1822–1887 гг.) генерал-губернаторства Восточной Сибири (с 1887 по 1917 г. Иркутского) и генерал-губернаторства Западной Сибири (1822–1882 гг.) на должностях главных начальников края побывало, соответственно, 19 и 9 человек. Произведя необходимые расчеты увидим, что средний срок пребывания на должности генерал-губернатора составлял около 6 лет. Это показатель

вполне сопоставим с другими генерал-губернаторствами Азиатской России. Так, например, в Приамурском генерал-губернаторстве (1884–1917 гг.) он составлял 5,5 лет, в Степном (1882–1917 гг.) – 6 лет, в Туркестанском (1867–1917 гг.) он был несколько ниже – 4 года.

Аналогичная картина прослеживается и в других окраинах генерал-губернаторствах империи. В Варшавском он составлял примерно 4,3 года, на Кавказе – 6 лет, в Финляндии – 7,6 года. Обращают на себя внимание личности, которые возглавляли «вверенные» им генерал-губернаторства по 10 и более лет. В Восточной Сибири ими были А. С. Лавинский, В. Я. Руперт, Н. Н. Муравьев, М. С. Корсаков и А. Д. Горемыкин, в Западной Сибири – Г. Х. Гасфорд и П. Д. Горчаков. Среди «долгожителей» других азиатских генерал-губернаторств следует выделить первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. Кауфмана (1867–1882 гг.), И. И. Воронцова-Дашкова на Кавказе (1905–1916 гг.), Ф. Ф. Штейнгеля (1810–1823 гг.) и Н. В. Адлерберга (1860–1881 гг.) в Финляндии. Рекорд по продолжительности службы на посту генерал-губернатора принадлежит А. С. Меншикову, который возглавлял Великое княжество Финляндское 24 года (1831–1854 гг.) Случаи пребывания в должности генерал-губернатора в течение года или менее были крайне редки. Генерал-губернаторы Сибири не только формально, но и на деле были верхушкой местной правящей бюрократии. Все генерал-губернаторы, за исключением трех, были военными в чине генерал-лейтенанта или полного генерала⁷, что соответствовало 3 и 2 классу Табели о рангах [2].

Таким образом, сибирские генерал-губернаторы на деле принадлежали к верхушке правящей бюрократии не только Сибири, но и России в целом. По возрасту на момент назначения они распределялись следующим образом: от 35 до 40 лет – двое, от 40 до 50 лет – шестеро, от 50 до 60 – девять и старше 60 лет – трое. Таким образом, больше половины генерал-губернаторов были старше 50 лет. Средний возраст генерал-губернаторов в Восточной Сибири составлял 43 года, в Западной Сибири он был существенно выше – 53 года. Генерал-губернатором Сибири, как и других Азиатских окраин империи, мог стать лишь человек, прошедший хорошую бюрократическую лестницу гражданской или военной службы. Сибирские генерал-губернаторы особенно первой половины XIX в. отнюдь не были паркетными генералами. Как правило, они принимали участие в военных компаниях России того времени. Не случайно портреты Капцевича, Вельяминова, Сулимы помещены в портретные галереи героев войны 1812 г. в Эрмитаже [3].

Изучение послужных списков генерал-губернаторов свидетельствует о том, что они до своего назначения уже имели определенный опыт граж-

⁷ Примечание: В Восточной Сибири служили три штатских генерал-губернатора: А. С. Лавинский (1822–1833 гг.) имел гражданский чин тайного советника, что соответствовало званию генерал-лейтенанта; равный чин, но по придворному ведомству – егермейстера – имел М. Князев (1910–1916 гг.). Лишь последний Иркутский генерал-губернатор А. И. Пильц был действительным статским советником, что соответствовало званию генерал-майора.

данского правления. Так, например, Н. Н. Муравьев был Тульским военным и гражданским губернатором; сменивший его М. С. Корсаков до назначения генерал-губернатором в 1861 г. 13 лет прослужил в Сибири, участвовал в знаменитых Амурских сплавах, а с 1855 г. был губернатором Забайкальской области; Д. Г. Анучин с 1865 по 1879 г. служил Родомским, П. И. Кутайсов с 1873 по 1880 г. был Нижегородским губернатором; А. Н. Селиванов познакомился с Сибирью во время службы начальником штаба Приамурского военного округа в 1899–1901 гг. [3].

Наряду с вышеназванными, следует отметить еще одно требование, которому, по мнению правительства, должны были отвечать генерал-губернаторы Азиатской России – это наличие опыта, пусть даже небольшого, дипломатической деятельности. Оно логически вытекало из сопредельного положения сибирских областей и губерний, активной внешней политики России на Дальневосточных и Среднеазиатских рубежах – с одной стороны, и невозможностью детально контролировать и направлять этот процесс из Петербурга – с другой, наблюдать и в «соседнем» Приамурском генерал-губернаторстве. По своему сословному происхождению все сибирские генерал-губернаторы рассматриваемого почти 100-летнего периода были дворянами, причем четверо из них принадлежали к княжеским (Горчаков), графским (Игнатьев, Кутайсов) и баронским (Фредерикс) родам, а пятый Н. Н. Муравьев-Амурский – получил титул графа за службу в Сибири [3].

Таким образом, удельный вес титулованной аристократии среди сибирских генерал-губернаторов был достаточно высок и составлял около 23 %. Однако с двором были связаны немногие. Лишь Фредерикс и Муравьев имели свитское звание генерал-адъютанта, а Князев – придворное звание камергера. В остальных генерал-губернаторствах Азиатской России наблюдается примерно такая же картина. В Степных областях и Туркестане владельцев титула среди генерал-губернаторов не было совсем.

подавляющее большинство генерал-губернаторов получило военное образование, они заканчивали кадетские корпуса, реже специальные (артиллерийские, кавалерийские) училища, четыре человека – Вельяминов, Муравьев, Дюгамель, Игнатьев – были выпускниками привилегированного Пажеского корпуса, трое – Лавинский, Сулима, Горчаков – получили домашнее образование. Не подлежит сомнению, что для большинства генерал-губернаторов единственным источником доходов была служба, что в XIX и тем более в начале XX в. не было редкостью. В рассматриваемый период времени жалование сибирских генерал-губернаторов составляло 10 000 руб. в год, 12 000 руб. столовых и выплат на разъезды [4].

Таким образом, законом совокупный доход сибирского генерал-губернатора в конце первой четверти XIX определялся более 22 000 тыс. руб. в год. О том, насколько высоко оценивало правительство труд генерал-губернатора, можно судить из сопоставления размеров жалования генерал-губернатора с жалованием гражданских и военных губернаторов сибирских губерний и областей. Приведенные данные о генерал-губернаторах

позволяют охарактеризовать эту высокопоставленную прослойку царских управленцев гораздо яснее и шире, чем это делалось до сих пор. Прежде всего, отметим, что по своим возрастным характеристикам это были вполне работоспособные, а не обремененные старческими недугами люди. Большинство из них до вступления в должность имело значительный опыт военной, а подчас и управленческой деятельности, что в глазах правительства служило залогом успешного выполнения стоящих перед ними задач. Уровень образования большинства генерал-губернаторов – кадетские корпуса – был типичным для крупных администраторов империи того времени.

В Российском законодательстве XVIII в. наметилась, а в XIX в. усилилась тенденция к оформлению специальных норм, формирующих юридические основы государственной службы в Сибири. Базируясь на общеимперском законодательстве, организация генерал-губернаторской власти в Сибири в то же время основывалась на специально разработанных для данного региона законодательных актах, важнейшим из которых было «Сибирское учреждение» 1822 г.

Список источников

1. Учреждение для управления сибирских губерний // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Изд. 1. Т. 44. Ч. 1, 2. 20 июля 1822. № 29 125. [Электронный ресурс] / Сайт: «Российская национальная библиотека». URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/content.htm (дата обращения: 10.04.2022).

2. Конволют. Табель о рангах: С пополнением, какие чины состоят по особливым именным высочайшим указам и по статам сверх положенных в Табели о рангах в классах чинов. Печатана в Санкт-Петербурге при Сенате [Электронный ресурс]. СПб.: Б.и., 1771. 32 с. // Российская государственная библиотека: офиц. сайт. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003336340?page=1&rotate=0&theme=black> (дата обращения: 12.05.2022).

3. «Господин главный начальник края». История генерал-губернаторского корпуса Азиатской России, социальный портрет элиты, библиография / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, И. П. Белоус, В. К. Пешкова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 88 с.

4. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавием и пользы государства»: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск: Оттиск, 2020. 339 с.

А. В. Друзяка¹,
Се Чуньхэ²

¹ Благовещенский государственный педагогический университет
Благовещенск, Россия,

² Хэйхэский университет
Провинция Хэйлуцзян, КНР

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В ПРИАМУРСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ И В ПОЛОСЕ ОТЧУЖДЕНИЯ КВЖД

Аннотация. В статье рассматриваются исторические условия, порядок и значение учреждения органов российской юстиции в Маньчжурии. Одновременно с городами Восточной Сибири и Приамурья здесь начали свою деятельность окружные суды, осуществлявшие свою деятельность на основе российского права. В дальнейшем это сыграло важную роль в развитии территории Северо-Восточного Китая и оказало влияние на социально-экономическое развитие региона.

Ключевые слова: судебная реформа, Маньчжурия, Восточная Сибирь, органы юстиции, окружной суд

Abstract. The article deals with the historical conditions, order and significance of the establishment of Russian justice bodies in Manchuria. Simultaneously with the cities of Eastern Siberia and the Amur region, district courts began their activities here, operating on the basis of Russian law. In the future, this played an important role in the development of the territory of Northeast China and influenced the socio-economic development of the region.

Keywords: judicial reform, Manchuria, Eastern Siberia, judicial authorities, district court

В ходе осуществления судебной реформы в восточной части страны, простиравшейся от Урала до Тихого океана, 1 июня 1897 г. были введены в действие судебные Уставы и Установления Александра II, в результате чего коренным образом изменились принципы и система судопроизводства [1, с. 107–108]. Судебная система была выведена из полностью подчиненной губернаторам системы административного управления, были созданы и быстро развивались новые, прогрессивные правовые институты – мировой суд, адвокатура, нотариат, служба судебных приставов.

На рубеже XIX–XX вв. в России наметился бурный рост экономики, продолжавшийся вплоть до 1914 г. Всего за полвека в южной части Дальнего Востока быстро росли новые города – Владивосток, Благовещенск, Хабаровск, Николаевск, Никольск-Уссурийский, строились дороги, морские и речные порты, бурными темпами росло производство сельскохозяйственной продукции, развивались новые добывающие и промышленные отрасли экономики.

На территории восточной части страны реализация судебной реформы задержалась более чем на 30 лет и была осуществлена лишь летом 1897 г., когда на территории Приамурского генерал-губернаторства были официально учреждены Владивостокский, Благовещенский и Читинский окружные суды. Вскоре был поднят вопрос и о введении российской юстиции на арендованных территориях в сопредельной Маньчжурии.

Получив в арендное управление территории полосы отчуждения КВЖД и Квантунского полуострова в Маньчжурии, правительство Российской империи приступило к организации на их территории органов административно-судебного управления. Ключевой проблемой стало решение о статусе судебных органов в полосе отчуждения железной дороги за пределами Квантунской области.

Впервые вопросы о порядке судопроизводства в полосе отчуждения дороги были поставлены ещё при обсуждении проекта Устава Общества КВЖД, однако в то время определенности в этом вопросе достичь не удалось.

Контракт на постройку КВЖД и договор между строительным управлением КВЖД и Гириным цзяньцзюнем (губернатором провинции) предполагал создание в полосе, отведенной под строительство, т. н. Смешанного присутствия, состоящего из китайских чиновников и уполномоченных русского главного инженера дороги. Комиссия имела название Цзяо Шэцзюй (возможно – Цзяо Кэцзюй, Jiāo kējǔ, 娇科举 – «Комиссия императорской экспертизы»). Предположительно, широкая компетенция этого органа предполагала механическое включение русских уполномоченных в уже действовавшие структуры, для решения общих вопросов, связанных с пребыванием иностранцев в полосе отчуждения. Естественно, с ростом населения и торгово-промышленного оборота потребовалось учреждение здесь регулярных органов правопорядка и правосудия. Этот орган, ведавший вопросами взаимоотношений между местным населением, строителями дороги и переселенцами, выполнял кроме прочего и судебные функции [РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1 253. Л. 120–124].

Образованное в 1901 г. Совещание по вопросам об обустройстве судебной части в Маньчжурии в составе Министра финансов Витте, Министра иностранных дел Ламсдорфа и Министра юстиции Манухина в заседании 9 июня постановило для отправления правосудия в полосе отчуждения КВЖД учредить должности мировых судей, с их подчинением ведению ближайших окружных судов Империи. Восточный участок КВЖД и город Харбин были отнесены к зоне действия Владивостокского окружного суда, западный – к ведению Читинского окружного суда.

Эти положения были проведены в жизнь указом Николая II от 20 июля 1901 г., по рекомендации упомянутого Особого совещания министров, не подлежавшим опубликованию *«во избежание возможного превратного толкования значения мероприятий в Маньчжурии»*... [2, с. 562]. На территорию КВЖД была распространена компетенция русских окружных судов общеимперского типа – Владивостокского и Читинского (на ма-

гистраль КВЖД), и Порт-Артурского (на южную ветку от Харбина до Порт-Артура).

В свою очередь, названные суды были подведомственны Иркутской судебной Палате. Впоследствии, уже в 1920-е гг., характер этих поспешных и непродуманных действий царской администрации был однозначно осужден не только в советской историографии, но и проживавшими в Харбине русскими эмигрантами. Несомненно, введение органов российской юстиции в полосу отчуждения КВЖД противоречило частноправовому характеру контракта о её постройке и должно было опираться на более основательный межгосударственный договор.

9 декабря 1902 г. в Харбине в присутствии генерал-губернатора Приамурья Гродекова был торжественно открыт мировой суд. Одновременно в полосу отчуждения вводились мировые судьи по назначению от правительства с расширенной подведомственностью (подобно Квантунской области). Первым русским мировым судьей в Харбине был назначен бывший судебный следователь Владивостокского суда Константин Иванович Кайдо.

Расходы на содержание новых судейских чиновников были отнесены на счёт Общества КВЖД, которое воспринимало данное обстоятельство как лишнюю нагрузку и обеспечивало судей в пределах своей территории «по остаточному принципу».

В письме прокурора Порт-Артурского окружного суда прокурору Иркутской судебной палаты от 28 февраля 1902 г. отмечалось, что «Камера мирового судьи 3-го участка Порт-Артурского окружного суда на станции Инкоу – бараки из шпал, смазанный глиной, предназначенный для временного жилья низших служащих (кондуктора и телеграфисты). Дом не отапливается... Хотя инженер, его помощник, врач, начальник станции, начальник посёлка имеют каменные дома и телефоны». Не имел мировой судья и вагона для разъездов, что являлось необходимостью по причине протяжённости участка и удалённости ст. Инкоу (16 вёрст) от главной линии КВЖД и слабости местного сообщения (1 поезд в день) [ГАИО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 79. Л. 67].

В дальнейшем, вплоть до упразднения российской юстиции в полосе отчуждения КВЖД в Маньчжурии 1 октября 1920 г., деятельность российских окружных судов здесь осуществлялась на основе российского законодательства. Вместе с тем она имела и ряд особенностей, обусловленных особым положением российской юстиции на территории колоний и характером экстерриториальности иностранцев в Китае. По мнению ряда исследователей, эффективность и действенность Российского правосудия подтверждал и тот факт, что многие китайцы (в том числе и не проживавшие в полосе отчуждения), не обращая внимания на вопросы подсудности, стремились решать спорные вопросы именно в российских судах [3, с. 15–22].

Кроме того, по нашему мнению, обращение к российскому гражданскому законодательству способствовало интеграции китайского предпри-

нимательства в международный деловой оборот Харбина и Маньчжурии в целом.

В дальнейшем вопрос об организации органов юстиции в Маньчжурии так и не удалось урегулировать законным путем. Становление русского правосудия здесь сталкивалось с проблемами политического характера, в числе которых наиболее сложными были противодействие с Японией за доминирование на побережье Тихого океана.

2 февраля 1906 г. именным указом Правительствующему Сенату, «признав за благо изменить устройство судебной части на восточных окраинах империи», Николай II повелел упразднить Порт-Артурский окружной суд и учредить в составе округа Иркутской палаты новый, Пограничный суд (от названия ближайшей российской станции Пограничная), в юрисдикцию которого входила вся полоса отчуждения КВЖД, за исключением южной ветки, которую Россия была вынуждена уступить Японии по условиям указанного выше мирного договора в Портсмуте [РГИА. Ф. 323. Оп. 1. Д. 1 253. Л. 126.].

Аренда территорий в Маньчжурии и необходимость их общественно-экономического развития требовали от российской администрации скорейшего введения судебной власти и организации судебных органов по образцу современных им российских органов юстиции. Вместе с тем при этом не были учтены характер договоренности с властями Китая, что привело в результате к ликвидации российских судебных органов в 1920 г.

Список источников

1. Друзяка А. В. Нотариат в Китайской Республике и Маньчжоу-Го (1920–1937 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2018. № 4. С. 107–112.

2. Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. 1896–1923 / По поручению Правления О-ва и под ред. Специальной Комиссии сост. агент. Правления О-ва Е. Х. Нилус. Харбин: б. и., 1923. 690 с.

3. Чечелев С. В. Суд и судоустройство на арендованных территориях России в Маньчжурии в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2005. № 3 (4). С. 15–22.

Т. Г. Карчаева¹,

С. В. Осипов²

¹ Сибирский федеральный университет

Красноярск, Россия,

² Бенсхайм

Федеративная Республика Германия

ЧИНОВНИКИ ЛЮТЕРАНСКОГО И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ НА СЛУЖБЕ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Приведены статистические данные о количестве ранжированных по вероисповеданию чиновников, служивших в Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях в начале XX в. Ими были служащие православного, евангелически-лютеранского и римско-католического вероисповедания. Для иллюстрации сделанных выводов использован просопографический подход, т. е. упомянуты биографии некоторых служащих из разных уровней власти.

Ключевые слова: чиновники, государственные служащие, казенная палата, акцизное управление, Министерство финансов, Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область, Якутская область, Сибирь

Abstract. Statistical data on the number of officials ranked by religion who served in the Yenisei and Irkutsk provinces, Yakut and Trans-Baikal regions in the early twentieth century are given. They were employees of the Orthodox, Evangelical Lutheran and Roman Catholic faiths. To illustrate the conclusions made, a prosopographic approach was used, that is, biographies of some employees from different levels of government are mentioned.

Keywords: officials, civil servants, Treasury Chamber, Excise Department, Ministry of Finance, Irkutsk province, Yenisei province, Trans-Baikal region, Yakut region, Siberia

Восточная Сибирь в территориальных границах начала XX в. – это Иркутская и Енисейская губернии, Якутская область, с 1906 г. – Забайкальская область. Далекая от Европы восточная часть Российской империи была отдаленной территорией, до конца XIX в. не соединенная с Центральной Россией железными дорогами. Качество жизни в Сибири имело особенности: тяжелый климат, слаборазвитая инфраструктура подразумевали трудности [1, с. 42].

За Уралом в отношении чиновничества действовали некоторые послабления по службе, среди которых было лояльное отношение центральной власти в кадровом вопросе. При этом важным фактором в начале XX в. уже были не только социальные характеристики претендента на должность, а его профессиональные качества. Вследствие этого в учреждениях, например, по министерствам финансов, юстиции, путей сообщений Российской империи всё чаще встречались лица податного

происхождения, но имевшие специальное профессиональное образование, а на вольнонаемную службу чаще привлекали женщин [2, с. 404–405].

Цель исследования – установление исторических фактов об участии чиновников лютеранского и римско-католического вероисповедания VIII–VI классов в системе управления на территории Восточной Сибири в начале XX в.

Объектом исследования стали чиновники среднего звена местного управления по Министерству финансов, т. е. начальники отделений, казначеи, податные инспекторы, контроллеры, бухгалтеры, ревизоры и пр. Кроме того, для выявления «ведомственных» особенностей был рассмотрен кадровый состав управленцев Иркутской губернии по Министерству внутренних дел за 1906 г.

Чиновники Восточной Сибири, служащие в учреждениях по Министерству финансов, проанализированы на основе приведенных их перечней в списках личного состава, опубликованных в сборниках:

- за 1907 г.: Енисейская губерния (столбцы 237–239, 552–553), Забайкальская область (столбцы. 239–241, 553–554), Иркутская губерния (столбцы 244–246, 555–556) [3];

- за 1909 г.: Енисейская губерния (столбцы 261–263, 574–576), Забайкальская область (столбцы. 263–265, 576–577), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 268–270, 577–578) [4];

- за 1910 г.: Енисейская губерния (столбцы 261–263, 574–576), Забайкальская область (столбцы. 263–265, 576–577), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 268–270, 577–578) [5];

- за 1911 г.: Енисейская губерния (столбцы 288–290, 616–617), Забайкальская область (столбцы. 291–292, 617–618), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 296–298, 619–620) [6];

- за 1914 г.: Енисейская губерния (столбцы 343–346, 696–697), Забайкальская область (столбцы. 346–347, 697–699), Иркутская губерния и Якутская область (столбцы 352–355, 699–700) [7].

Статистические данные получены посредством случайной выборки по 50 чиновников для Иркутской и Енисейской губерний в совокупности за 1907–1917 гг. и таким же образом для Якутской и Забайкальской областей. Всего в данном исследовании рассмотрено 100 чиновников из указанных списков служащих по Министерству финансов начала XX в. (табл. 1).

Таблица 1

Чиновники лютеранского и римско-католического вероисповедания в системе управления на территории Восточной Сибири в начале XX в.

Критерий / территория	Вероисповедание		
	Православное	Римско-католическое	Лютеранское
Иркутская и Енисейская губернии	40 чел. (80 %)	6 чел. (12 %)	4 чел. (8 %)
Забайкальская и Якутская области	38 чел. (76 %)	6 чел. (12%)	6 чел. (12 %)

Анализ социального состава служащих начала XX в. на территории Восточной Сибири показал высокую долю в учреждениях по Министерству финансов лиц неправославного вероисповедания – лютеран и католиков.

Среднестатистическим примером лютеранина по вероисповеданию может быть служащий Управления акцизными сборами Енисейской губернии в 1907 г. – бухгалтер Губернского акцизного управления титулярный советник Егер Александр Христофорович, 1869 г. рождения, поступивший на службу в 1900 г., а к данной должности определенный в 1903 г. По причине небольшой выслуги лет орденов он не имел, но у него было соответствующее образование – окончил Императорский Санкт-Петербургский университет [3, стб. 238].

Устав о службе по определению от правительства вводил правило, суть которого заключалось в отсутствии запрета лицам неправославного вероисповедания поступать на государственную службу (ст. 4) [8]. Единственным в России начала XX в. был запрет принимать на гражданские должности лиц иудейского вероисповедания, если они не имели диплом на звание лекаря, ученые степени магистра, кандидата, доктора (ст. 9) [8].

Отступление в Сибири от общепринятых в России норм доказывает факт, что на должностях помощника секретаря Енисейского губернского суда, затем столоначальника Красноярского Окружного суда в 1890-е гг. находился иудей по вероисповеданию И. А. Ицын, имевший на момент 1893 г. чин титулярного советника [9, с. 243].

Если смотреть статистику по губерниям Центральной России, представленную в монографии П. А. Зайончковского «Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.», то соотношение православных, лютеран и католиков в губерниях Центральной России было выше, чем в Сибири: «Из 55 человек православных было 41, лютеран – 9, католиков – 5. Иными словами, русские составляли 74,5 %, немцы – 16,3 %, поляки – 9,2 %» [10, с. 130]. Однако стоит заметить, что данные П. А. Зайончковского представлены за 1850–1860-е гг. и без «разбивки» по ведомствам.

По Министерству внутренних дел на территории Восточной Сибири православных было больше, чем лютеранского и римско-католического вероисповедания. Например, в 1906 г. среди 40 чиновников Иркутского Губернского управления, крестьянских начальников, уездных исправников имели евангелически-лютеранское исповедание только два человека (5 %) [11, стб. 192–195]. Среди них был губернатор Иркутской губернии – тайный советник Иван Петрович Моллериус, а также во Врачебном отделении – помощник губернского врачебного инспектора, лекарь, не имеющий чина, Иоган-Артур Адольфович Браун [11, стб. 192–193].

Таким образом, согласно полученным результатам, можно сделать вывод, что в Иркутской и Енисейской губерниях, Якутской и Забайкальской областях в Казенных палатах, Акцизных управлениях, податных участках и Казначействах служили в основном служащие православного вероисповедания, но были приверженцы римско-католической и евангелически-лютеранской веры, которых, впрочем, было меньше, чем

в Центральной России. При этом в учреждения Восточной Сибири по ведомству Министерства внутренних дел чиновники неправославного вероисповедания были еще большей редкостью.

Список источников

1. Гергилев Д. Н. Исторические особенности административного управления восточной Сибирью (с 1822 г. до середины XIX в.) / Д. Н. Гергилев // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 2 (100). С. 41–45.

2. Karchaeva T. G., Severyanov M. D., Gryaznukhin A. G., Gryaznukhina T. V. «Where are you from?»: Staffing of the Public service in the Irkutsk and Yenisei provinces from XIX to early XX centuries // Bylye Gody. 2022. 17 (1), pp. 403–411.

3. Список личного состава Министерства финансов / Сост. Общ. канцелярией министра финансов. на 1907 год. СПб.: Издание Редакции «Вестник Финансов», 1907. 53 с., 674 стб.

4. Список личного состава Министерства финансов / Сост. Общ. канцелярией министра финансов. на 1909 год. СПб.: Издание Редакции «Вестник Финансов», 1909. 54 с., 692 стб.

5. Список личного состава Министерства финансов / Сост. Общ. канцелярией министра финансов. на 1910 год. СПб.: Издание Редакции «Вестник Финансов», 1910. 55 с., 710 стб.

6. Список личного состава Министерства финансов / Сост. Общ. канцелярией министра финансов. на 1911 год. СПб.: Издание Редакции «Вестник Финансов», 1911. 57 с., 736 стб.

7. Список личного состава Министерства финансов / Сост. Общ. канцелярией министра финансов. на 1914 год. СПб.: Издание Редакции «Вестник Финансов», 1914. 63 с., 824 стб.

8. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. Т. III, кн. 1, по официальному изданию 1896 г., а также в губерниях западных и Царства Польского, Т. III, ч. 3, по официальному изданию 1906 г. и продолжению 1908 г. СПб.: 1910. 362 с.

9. Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н. И. Дроздов. Красноярск: Рус. энцикл., 1998. 735 с.

10. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

11. Список лиц служащих по ведомству Министерства внутренних дел. Часть II. Губернии, области и градоначальства / сост. Общ. канцелярией министра внутренних дел на 1906 год. СПб.: Б.и., 1906.

С. А. Королёва
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦЫ ЗНАТНЫХ СЕМЕЙ В КРАСНОЯРСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ В 1905 Г.

Аннотация. Исследован вопрос присутствия среди учащихся Красноярской женской гимназии в 1905 г. представительниц знатных семей. Анализ списков учениц позволил установить, что среди них была Вера Гадалова (дочь красноярского купца П. И. Гадалова), а также девочки, происходившие из семей чиновников Енисейской губернии.

Ключевые слова: женская гимназия, Красноярск, образование, дворянство, чиновничество

Abstract. The article examines the issue of the presence of representatives of noble families among the students of the Krasnoyarsk women's Gymnasium in 1905. Analysis of the lists of students allowed us to establish that among them was Vera Gadaloova (daughter of Krasnoyarsk merchant P.I. Gadaloov), as well as girls who came from families of officials of the Yenisei province.

Keywords: female gymnasium, Krasnoyarsk, education, nobility, bureaucracy

Получение образования для женщины в начале XX в. было важным, но необязательным. Российская империя в XIX в. шла по пути бурных изменений во всех отраслях [1, с. 165]. Менялось отношение к положению женщины в обществе и женскому образованию. Кроме того, 1905 г. был новой страницей в женском движении. Борьба женщин за свои политические и гражданские права привела к тому, что и сама женщина поменяла свой облик. Теперь из примерной жены, тянувшей за собой домашнее хозяйство, женщина становится полноправной личностью, имеющей свои права и интересы. Люди из разных сословий стремились дать своим дочерям достойное образование, которое позволило бы их детям стремиться к лучшей жизни. Не оставались в стороне и семьи более высокого достатка: дворяне и чиновники [2, с. 404–406; 3, с. 1 016–1 017]. Доказательством тому служит пример Красноярской женской гимназии.

Цель данной статьи – выявить случаи нахождения представительниц знатных семей в составе учениц Красноярской женской гимназии в начале XX в. Хронологические рамки исследования определены 1905 г., что позволяет провести срез за конкретный год.

Основу источниковой базы составили архивные документы, в основном делопроизводственная документация учебного заведения. В Государственном архиве Красноярского края (далее – ГАКК) была проведена работа с фондами № 265 «Красноярская городская 1-я женская гимназия»

и № 595 «Енисейское губернское управление». В частности, интерес составили списки девочек, поступивших на обучение в 1905 г.

Красноярская женская гимназия была учреждена в 1868 г. на основании Устава о гимназиях от 1864 г., была средним общеобразовательным заведением и первым учебным учреждением, в котором девушки могли получить среднее образование в самом г. Красноярске.

Данное образовательное учреждение имело богатую историю, там были и конструктивные в сооружении перестройки, и изменения учебных планов, в общем, и трудные, и добрые времена. Так, 17 апреля 1881 г. в г. Красноярске произошел страшный пожар, выгорела половина города, сгорело и старое здание женской гимназии. После этого было принято решение о строительстве нового. Городской попечительский совет объявил о благотворительной акции по сбору средств на строительство. Крупные пожертвования были сделаны потомственными почетными гражданами А. Ф. Кузнецовой – 12 тыс. рублей, Т. И. Щеголевой – 4 тыс. рублей, каннским купцом И. Н. Некрасовым – 43 тыс. рублей. Завершено оно было лишь летом 1885 г. [4, с. 78]. Как известно, в 1891 г. Красноярскую женскую гимназию удостоил своим посещением Цесаревич Николай.

При анализе списка учениц гимназии за 1905 г. было установлено, что поступало на обучение в этот год 140 девочек, среди которых присутствуют имена представительниц знатных семей.

Угрюмова Августа – ученица Красноярской женской гимназии, поступившая на обучение 13 августа 1905 г., в общем списке учениц указана под № 48. [5, л. 13]. Она была дочерью чиновника, православного вероисповедания, была единственным ребенком в семье, родилась в 1895 г. в городе Красноярске.

Ее отец – Угрюмов Иннокентий Евгеньевич, 1860 г. р., православный, по формулярному списку за 1888 г. служил в это время по Министерству внутренних дел на должности Енисейского полицейского пристава, был местным по происхождению, поэтому кроме жалованья в 600 руб. каких-либо еще средств не получал (не квартирных денег, не столовых). Его отец происходил из детей священнослужителей, окончил Красноярскую губернскую гимназию, на гражданскую службу поступил в 20-летнем возрасте (в 1882 г.) на должность помощника столоначальника второго стола второго отделения Енисейского общего губернского управления. Был женат, имел в собственности деревянный дом в городе Красноярске [6, л. 21–34 об.].

По формулярному списку 1894 г. Иннокентий Евгеньевич Угрюмов – отец девочки Августы – ученицы Красноярской женской гимназии, занимал должность секретаря губернского тюремного комитета, имел классный чин коллежского секретаря (XI – по Табели о рангах), уже мог оплачивать обучение дочери в Красноярской женской гимназии, его жалованье составляло 400 руб., столовых денег (на питание) – 240 руб., за работу в тюрьме (тюремных денег) – 486 руб., всего – 1120 руб. [7, л. 2–4].

Другая дочь чиновника – Ветрова Екатерина, поступившая в женскую гимназию также 13 августа 1905 г., была указана в списке учениц под № 52, происходила из чиновничьей семьи, поэтому получение образования для нее было, на мой взгляд, важной задачей [5, л. 14].

Ее отец – Алексей Михайлович Ветров – 1869 г. р., по формулярному списку 1897 г. в возрасте 29 лет уже имел чин титулярного советника (IX по Табели о рангах), находился на должности товарища Енисейского губернского прокурора. Он происходил из мещанской среды, т. е. был сыном мещанина Верхнеудинска (Забайкальской области). Его жалование на 1897 г. было достойным и составляло 1500 руб. в год (жалование – 1 000 руб., столовых 500 руб.). Он окончил Императорский Московский университет, юридический факультет с дипломом первой степени по результатам испытаний. Согласно прошению, в 1892 г. он поступил на гражданскую службу по ведомству юстиции в Енисейскую губернию, т. е. в штат Енисейского губернского суда, через месяц назначен заседателем Канского окружного суда, имея высшее образование в 1894 г. уже получил чин титулярного советника [8, л. 1–3]. В 1898 г. – в семье Алексея Михайловича Ветрова (был женат на купеческой дочери) родилась дочь, Екатерина Ветрова, которая потом и поступила в Красноярскую женскую гимназию.

Гадалова Вера – также ученица Красноярской женской гимназии. Поступила на обучение 13 августа 1905 г., в общем списке учениц указана под номером 26 [5, л. 8].

Вера Гадалова родилась 21 февраля 1894 г. в знатной семье. Отцом Веры был красноярский купец Пётр Иванович Гадалов – представитель потомственной купеческой династии. Пётр Иванович родился в 1867 г. в г. Канске, получил специальное коммерческое образование в Москве. Он состоял в 1-й гильдии г. Красноярска. Его жена, Вера Николаевна, была попечительницей Ольгинского детского приюта для детей переселенцев и Владимирского детского приюта для девочек-сирот. У Петра Ивановича и Веры Николаевны было двое детей: Иван Петрович и уже вышеупомянутая Вера Петровна. Также Пётр Иванович являлся почётным членом Российского Императорского человеколюбивого общества и попечителем Красноярской женской гимназии, в которой впоследствии училась его дочь Вера.

Таким образом, мы видим, что начало XX в. ознаменовалось новой страницей в истории женщин как членов общества. Анализ списка учениц Красноярской женской гимназии за 1905 г. показал, что семьи чиновников, купцов, зажиточных мещан в начале XX в. видели будущее своих дочерей не только у домашнего очага, поэтому стремились дать своим дочерям достойное образование.

Список источников

1. Чекаленко Е. В., Гергилев Д. Н. Полномочия и деятельность государственных служащих местной администрации в конце XIX – начале XX века и ее влияние на систему центральной власти // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2022. № 1 (23). С. 164–173.

2. Карчаева Т. Г. «Из каких мест прибыл?»: о кадровом обеспечении государственной службы в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX – начале XX в. / Т. Г. Карчаева, М. Д. Северьянов, А. Г. Грязнухин, Т. В. Грязнухина // Былые годы. 2022. № 17 (1). С. 403–411.

3. Карчаева Т. Г. Материальное обеспечение гражданских чиновников Восточной Сибири в годы Первой мировой войны // Т. Г. Карчаева, М. Д. Северьянов, Г. М. Луцаева, А. С. Жулаева // Былые годы. 2021. № 16 (2). С. 1 016–1 023.

4. Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI в.) / Г. Ф. Быконя, В. И. Фёдорова, С. Н. Ценюга, [и др.]; под общ. ред. В. И. Фёдоровой; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск: 2014. 580 с.

5. ГАКК. Ф. 265. Оп. 1 Д. 189.

6. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 33.

7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 212.

8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 276.

А. И. Лойко

Белорусский национальный технический университет

Минск, Республика Беларусь

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ М. М. СПЕРАНСКОГО – С. Б. БРОНЕВСКИЙ И П. М. КАПЦЕВИЧ

Аннотация. На примере деятельности С. Броневского и П. Капцевича на губернской должности в Сибири показано как реформаторские проекты М. Сперанского реализовывались участниками Отечественной войны 1812 года. Показано как они, невзирая на инерцию и коррупцию в среде подчиненных чиновников, реализовывали задачи государственного строительства Российской империи. В числе реформаторов были и уроженцы Беларуси С. Броневский и П. Капцевич.

Ключевые слова: Сперанский, Сибирь, реформы, Броневский, Капцевич, Отечественная война 1812 года

Abstract. On the examples of S. Bronewski and P. Kaptsevich's activity in the provincial position in Siberia, it is shown how the reform projects of M. Speransky were implemented by participants in the Patriotic War of 1812. It is shown how they, despite the inertia and corruption among subordinate officials, implemented the tasks of state building of the Russian Empire. S. Bronewski and P. Kaptsevich, a native of Belarus, was among the reformers.

Keywords: Speransky, Siberia, reforms, Bronewski, Kaptsevich, Patriotic War of 1812

Вопросы исторической близости белорусского и российского народов имеют основу в виде исторического прошлого, связанного с развитием региона Сибири в составе Российской империи. За короткое время была создана уникальная инфраструктура городов, которая была интегрирована в единый оборонительный комплекс с центром в Москве. Территориальный прирост России в восточном направлении обусловил быстрое освоение Сибири и северных территорий Дальнего Востока.

В XVII столетии белорусы, представлявшие различные слои общества стали массово мигрировать в пределы Московского государства [1]. Среди них были ремесленники и такие выдающиеся представители белорусско-российской культуры, как С. Полоцкий. В это время мигрировала в Московское государство семья Достоевских. В отрядах казаков, осваивавших Сибирь, были этнические белорусы. Большинство из них осталось в регионе. Они внесли значительный вклад в строительство городов, обеспечение их безопасности.

Вторая волна переселения белорусов в Сибирь была обусловлена вхождением территории Беларуси во второй половине XVIII столетия в состав Российской империи. Это было сложное время сосуществования демократических идей и либеральных реформ Екатерины II и Александра I.

Сторонники демократических идей, начиная с декабристов, отправлялись в Сибирь в качестве ссыльных. Это были высокообразованные представители демократической интеллигенции и дворянского сословия. Они внесли огромный вклад в развитие российской науки, поскольку время ссылки использовали для проведения разнообразных научных исследований, связанных с географией, геологией, биологией, археологией региона [2]. Среди этих ученых были И. Черский [3], А. Чекановский, Н. Витковский [4], К. Богданович. Через Сибирь на Дальний Восток пролегал путь духовных миссий в Китай. В одной из таких миссий был известный исследователь китайского и японского языков И. Гошкевич. Он сыграл важную роль в установлении дипломатических отношений Российской империи с Японией. Тем самым были окончательно определены границы Российской империи на Дальнем Востоке. Россия стала евразийским государством.

Территории Сибири требовали значительного прироста населения. На уровне государственной политики была выработана стратегия привлечения в регион населения из западной части империи. На эту политику отзывались белорусские малоземельные крестьяне. В Восточную Сибирь переселилось более трехсот тысяч этнических белорусов из Витебской и Могилевской губерний, представлявших православное население. Они внесли значительный вклад в развитие сельского хозяйства в регионе Сибири, в первую очередь в практике возделывания льна [5].

В обязанность высшей сибирской администрации была введена функция изучения Сибири с целью интеграции региона в российскую экономику [6]. Учитывались также военные угрозы. До открытия в 1878 г. Томского императорского университета основные исследовательские задачи в восточной части Российской империи решал Казанский университет. Здесь функционировала школа историко-сравнительного языкознания. В ее работе активное участие принимали уроженцы Беларуси.

Основные интересы школы были сосредоточены на восточной периферии Российской империи, граничившей с Китаем, Монголией, Тибетом, Джунгарией, Средней Азией. На фоне исследований Азии малоисследованными оставались вошедшие в состав Российской империи регионы Сибири и Дальнего Востока. На первый план вышли исследования по географии, геодезии, геологии, демографии, археологии, языкознанию, биологии региона. Труднодоступные территории стали предметом изучения Ивана Черского [7]. В основном они сосредоточились на горных хребтах. Один из них назван в честь ученого. Западная Сибирь, граничившая с Уралом, не имела гор, но была еще более труднопроходимой из-за болот, рек, малонаселенной тайги.

Исследователем народов и природы труднопроходимых территорий Западной Сибири стал уроженец Слонимского уезда Гродненской губернии Беларуси А. А. Дунин-Горкавич [8]. Исследователи Сибири получали поддержку губернских властей. Эту традицию заложил генерал-губернатор Сибири М. М. Сперанский. Он начал привлекать в регион талантливых организаторов экономической и военной жизни. Одним из таких руководите-

лей М. М. Сперанским был увиден С. Б. Броневский. Он происходил из рода белорусских дворян, посвятивших свою жизнь службе Российскому государству. Он получил образование в кадетском училище Шклова. Благодаря М. М. Сперанскому он из капитана был произведен в полковники и прибыл в 1808 г. в Омск, где посвятил свою военную деятельность казачьим воинским структурам, составлявшим основу армейских подразделений Отдельного Сибирского корпуса.

В 1822 г. в должность генерал-губернатора Западной Сибири вступил герой Отечественной войны 1812 г. генерал П. М. Капцевич с белорусскими дворянскими корнями происхождения [9]. В лице С. Б. Броневского он нашел единомышленника по организации экономики и образования Сибири. Из-за больших размеров территории Сибири было принято целесообразным решение делегировать С. Б. Броневскому должность начальника Омской области. В эту должность он вступил в 1822 г. и фактически взял на себя функции военного и гражданского губернатора. На ниве гражданского губернатора его роль проявилась в создании культуры земледелия в сибирской степи. Результаты были настолько успешными, что создали основу для превращения Сибири в один из регионов производства аграрной продукции. В центре внимания С. Б. Броневского находилась также культура [10].

С результатами деятельности С. Б. Броневского был ознакомлен Николай I. По результатам этого ознакомления и представления император назначил С. Б. Броневского в 1835 г. на должность генерал-губернатора Восточной Сибири. После избрания сенатором С. Б. Броневский покинул Сибирь, но оставил уникальные сведения о регионе в виде записок [11].

П. М. Капцевич находился на должности генерал-губернатора Западной Сибири до 1828 г. О нем очевидцами оставлены противоречивые характеристики. В основном причиной называется его строгость и требовательность. В положительном плане отмечается его роль в открытии училища Сибирского линейного казачьего войска. Ему принадлежит идея открытия в Сибири университета. Он заложил основы промышленной деятельности в регионе.

Таким образом, у М. М. Сперанского в Сибири были последователи губернского уровня, которые реализовали проект либеральных реформ в рамках абсолютной монархии.

Список источников

1. Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Из истории русско-белорусских связей / Л. С. Абецедарский. Минск: Издательство БГУ, 1957. 62 с.
2. Ермоленко В. А. Открыватели мира. Уроженцы Беларуси в географических открытиях. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2015. 72 с.

3. Черский И. Д. Неопубликованные статьи, письма и дневники: Статьи о И. Д. Черском и А. И. Черском. Иркутск: Иркутское книжное издательство, 1956. 370 с.

4. Makarov N. P. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Northern Indigenous Peoples / N.P. Makarov // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6. P. 816–841.

5. Лобачевская О. А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения / О. А. Лобачевская. Минск: БГУКиИ, 2014. 33 с.

6. Игумнов Е. В. Высшая сибирская администрация и организация изучения Сибири во второй половине XIX века / Е. В. Игумнов // Научный диалог. 2017. № 6. С. 205–219.

7. Лойко А. И. Уроженцы Беларуси – участники изучения русского Севера: И. Черский / А. И. Лойко // Языки и культура народов Арктики как полиэтнического региона в условиях глобализации [Электронный ресурс]: сборник материалов I Международной научно-практической конференции (г. Ханты-Мансийск, 25–27 октября 1918 г.) / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Югор. гос.ун-т», Гуманитар. ин-т, Югор. науч. шк. регион. лингвист. исслед. Ханты-Мансийск: Ред.-изд. отд. Научной библиотеки ЮГУ, 2018. С. 143–146.

8. Исследователь Севера А. А. Дунин-Горкавич. М.: Галларт, 1995. 192 с.

9. Корнилович Э. Герои Бородинского сражения / Э. Корнилович // Беларуская думка. 2012. № 6. С. 8–12.

10. Матханова Н. П. Генерал-губернатор Семен Богданович Броневский / Н. П. Матханова // Личность в истории Сибири XVIII–XIX веков. Сборник биографических очерков. Новосибирск: ИД Сова, 2007. С. 41–52.

11. Броневский С. Б. Отрывки из записок / С. Б. Броневский // Исторический вестник. 1889. Т. 38. № 12. С. 500–512.

И. В. Неупокоев
Курганский филиал РАНХиГС
Курган, Россия

ИНСТИТУТ КРЕСТЬЯНСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ И РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ (НА ПРИМЕРЕ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1898–1917 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена влиянию института крестьянских начальников на развитие народного образования в сельской местности Тобольской губернии в период с 1898 по 1917 год. Это проявлялось в воздействии на сельские общества по открытию нового училища, выделения денег на проведение ремонта школьного здания, председательство в экзаменационной комиссии и т.п.

Ключевые слова: *крестьянский начальник, Тобольская губерния, народное образование, сельское училище, сельское общество*

Abstract. The article is devoted to the influence of the institute of peasant chiefs on the development of public education in rural areas of Tobolsk province in the period from 1898 to 1917. This was manifested in the impact on rural societies for the opening of a new school, the allocation of money for the repair of the school building, the chairmanship of the examination commission, etc.

Keywords: *peasant chief, Tobolsk province, public education, rural school, rural society*

В 1898 г. были введены «Временные положения о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской». На должности крестьянских начальников министром внутренних дел назначались лица, имеющие среднее или высшее образование, либо прошедшие «специальное испытание». Тобольская губерния была разделена на 36 участков крестьянских начальников [17, с. 2]. Главная задача этого института – надзор за крестьянским общественным управлением: административно-полицейские, судебные, попечительские функции. В сфере народного образования на новую структуру возлагалась обязанность исполнять «поручения губернских управлений по делам, касающимся <...> состояния сельских школ» [2, с. 410]. Тобольский губернатор в выступлении перед крестьянскими начальниками просил «предоставлять населению полную свободу ходатайств об открытии той или другой школы, сообразно местным особенностям и условиям. При возбуждении ходатайств об открытии министерских школ – входить в рассмотрение, не имеется ли уже в том селении церковноприходской, и в утвердительном случае, если открытие второй школы не вызывается числом детей школьного возраста, отклонять ходатайства. Если до сведения кого-либо из гг. крестьянских начальников дойдет о неудовлетворительном ходе школьного дела в церковноприход-

ских школах, то по праву попечительства над крестьянским населением отнюдь не вступать лично в дело, но доводить до моего сведения для надлежащего сношения с епархиальным начальством» [1, с. 15–16].

К моменту создания института крестьянских начальников уже сложились основные элементы системы начального образования. В сельской местности Тобольской губернии существовали начальные училища в ведении МВД (министерские школы) и Св. Синода (церковно-приходские школы и школы грамоты). Крестьянские начальники сразу же включились в работу по поддержке сферы начального образования. Такой вывод можно сделать из отчета органа по управлению церковными школами – Тобольского епархиального училища за 1899 г. Для решения поставленных в статье целей автор полагает уместным привести всю цитату из этого отчета целиком: «Гражданская администрация, особенно в лице крестьянских начальников, относилась к церковным школам благожелательно и оказывала содействие к развитию церковно-школьного дела. Многие из крестьянских начальников посещают заседания уездных отделений епархиального училищного совета и принимают участие в обсуждении поступающих в отделения дел. Некоторые из них участвовали в производстве испытаний учеников церковных школ на получение льготных по воинской повинности свидетельств. В случае обращения к ним за содействием они не отказываются и нравственно, и материально поддерживать церковно-школьное дело. Во время поездок по делам службы крестьянские начальники посещали некоторые церковные школы, располагали крестьян к открытию новых церковных школ, к постройке школьных зданий, к их ремонту и содержанию, разрешали на нужды школ расходовать общественные суммы. Так, крестьянский начальник 3-го участка К. П. Нилов разрешил употребить на устройство школьного здания в д. Меньшиковой из общественных сумм 380 р., а на устройство школьного здания в д. Зюзиной – 400 р. Крестьянский начальник 5-го участка Б. А. Шелейховский разрешил Обутковскому сельскому обществу израсходовать из общественных сумм на устройство классной мебели для местной церковноприходской школы 60 р. Крестьянский начальник 1-го участка С. Я. Деспот-Зенович с большим интересом относится к церковным школам, не делая различий между ними и министерскими училищами. В участке его одинаково пользуются вниманием учащие министерских и церковных школ; он предоставил им право бесплатно пользоваться книгами из Курганской библиотеки, дал общественную подводу для поездки раз в неделю в город, обязал сельские общества доставлять для церковных школ и квартир учащихся отопление и освещение, побуждал крестьян к ремонту школьных зданий» [16, с. 209].

Институт крестьянских начальников постоянно выступал инициатором открытия новых светских и церковных школ в Тобольской губернии. Так, например, в 1902 г. крестьянский начальник 2-го участка предписал Глядянскому волостному правлению обратиться к сельским обществам, в которых нет школ, «не пожелают ли иметь начальную школу МВД»

[4, д. 144, л. 28]. В случаях положительного решения вопроса открытия школы «общество должно представить законно составленный приговор, утвержденный местным крестьянским начальником» [9, л. 4]. Своевременный и положительный отклик на инициативы сельских обществ и разных должностных лиц следует считать вкладом крестьянских начальников в дело развития начального образования. Например, Курганский уездный наблюдатель церковных школ священник А. Коровин в 1902 г. просил крестьянского начальника 5-го участка «разрешить Чебаковскому сельскому обществу потребную сумму на страхование и другие нужды школы из прибылей от общественной виноторговли» [7, д. 27, с. 2-об]. Аналогичная инициатива присутствует и в рапорте Глядянского волостного правления за 1913 г. на имя крестьянского начальника 2-го участка о разрешении созыва волостного схода по вопросу участия в постройке и содержании училища в Кургане в память 300-летия Дома Романовых [4, д. 441, л. 2].

Институт крестьянских начальников следует рассматривать и как эффективное средство давления на крестьянские общества по всем проблемам, связанным с развитием образования в сельской местности. Примером может служить письмо за 1909 г. крестьянского начальника 5-го участка в Кривинское волостное правление. В документе требуется принять «самые энергичные меры к побуждению общества выполнять в точности все принятые на себя по приговорам относительно церковноприходских школ обязательства» [3, л. 87]. Аналогичный пример содержится и в отчете Курганского уездного наблюдателя церковных школ священника А. Коровина за 1916–1917 уч. год. Из отчета следует, что в Лисьевской церковно-приходской школе «учение началось только 3 ноября из-за того, что общество не хотело нанять квартиры, и только благодаря распоряжению г. крестьянского начальника – разложить плату на общество – школа стала функционировать» [7, д. 75, л. 59]. В этом же 1916 г., Курганское уездное отделение просило крестьянского начальника «обязать общество содержать Васильевскую церковноприходскую школу» [5, д. 26, л. 18].

Огромное значение институт крестьянских начальников играл в сфере строительства и поддержания в рабочем состоянии школьных зданий. Так, например, крестьянскому начальнику Иляхинскому «долго пришлось убеждать население» согласиться выстроить новое здание для училища в селе Сазоновском Тюменского уезда, которое было открыто еще в 1864 г. Благодаря настойчивости чиновника, крестьяне «с неохотой» согласились приступить к строительству нового школьного помещения [14, с. 2].

В 1902 г. Тобольский губернатор, на основании циркуляра министра внутренних дел, возложил на крестьянских начальников обязанность «давать надлежащие указания крестьянам о желательности последовательного исполнения принятых или принимаемых ими обязательств» по содержанию начальных светских и церковных школ, наблюдать за сборами с сельских обществ этих средств и разъяснять, «насколько всякое от сего

уклонение может иметь вредные для правильной постановки школьного дела последствия» [12, д. 262, л. 21–23-об]. Крестьянский приговор о строительстве школы передавался на проверку крестьянскому начальнику. Последний должен был убедиться в наличии в нем положений об обязательствах общества выстроить здание, отремонтировать и страховать его, нанять сторожа и финансировать отопление, а также – не использовать школьное помещение по другому назначению. После выделения кредита на строительство здания крестьянский начальник обязывался сформировать строительный комитет в составе: заведующего, законоучителя, члена волостного правления, сельского старосты, попечителя школы и двух выборных членов [10, д. 1, л. 1]. С 1914 г. крестьянские начальники обязывались участвовать в организации технического надзора за постройкой зданий для сельских начальных училищ Тобольской губернии [4, д. 523, л. 1].

Из материалов дореволюционной периодической печати следует, что крестьянские начальники оказывали большое содействие в устройстве школьных рождественских елок. Так, крестьянский начальник 4-го участка Курганского уезда М. С. Васильев в 1902 г. решил устроить елки в центральных школах своего участка так, «чтобы в эти школы могли прибыть и ученики соседних школ». По школам была разослана программа детского праздника. Программа предусматривала игру на механическом музыкальном инструменте, исполнение песен и танцев, чтение басен и стихов, показ картин с помощью «волшебного фонаря», угощение учеников чаем и раздачу подарков [13, с. 3].

Аналогичный пример можно привести и в отношении крестьянского начальника Г. П. Фирстова, благодаря стараниям которого в здании 2-х классного училища села Крутихинского Тюкалинского уезда была устроена рождественская елка. Его деятельность заключалась в поиске средств, которых было собрано в сумме 81 руб. 12 коп. Эти средства потратили на подарки и на угощение чаем учеников, а также на игрушки для украшения елки и их доставку. В празднике приняли участие 80 учеников и 20 взрослых [15, с. 2].

Среди обязанностей крестьянских начальников в сфере народного образования стоит назвать и участие в итоговой аттестации учеников начальных школ. Это следует из расписания экзаменов в начальных училищах инспекций 2-го и 7-го районов Тобольской губернии. Роль председателей экзаменационной комиссии была закреплена за крестьянскими начальниками в период с 20 апреля по 1 мая 1914 г. в селах: Елошанское, Макушино, Плотниково, Шмаковское, Давыдовское, Башкирское, Белозерское, Лопатинское, Курейинское, Камышевское, Чернавское [11, д. 86, л. 8–9]; с 10 по 20 апреля 1915 г. в селах: Моревское, Арлагульское, Марайское, Дмитриево, Михайловское, Макушино, Шмаковское, Давыдовское, Белозерское, Камышевское, Чернавское [6, д. 8, л. 176]. Необходимо указать, что просто факт председательства в экзаменационной комиссии бессмысленно анализировать без внешнего его анализа либо со стороны дру-

гих членов комиссии, либо аттестуемых учеников. Таковых внешних оценок автором не обнаружено.

Архивная делопроизводственная документация позволяет также установить факты превышения крестьянскими начальниками своих полномочий в сфере народного образования. Так, в августовском 1905 г. письме на имя инспектора народных училищ 2-го района учительница Налимовского сельского училища Баранова просила перевести ее в другую школу «из-за преследования со стороны крестьянского начальника 5-го участка Лебмана». Учительница обращалась к нему с просьбой о нуждах училища: «обить двери, купить часы и мебель и сделать шкаф, потому что старый так мал, что не вмещает всех книг и учебных пособий, которые разбросаны всюду и могут попортиться». Однако, помощи учительница не дождалась. На правах члена училищного совета Лебман стал утверждать, что он есть прямой начальник учительницы и на этом основании ее «схватил и бросил на кровать». Учительница, «собрав последние силы, вырвалась и убежала» [6, д. 3, л. 2–3].

По мнению автора, можно усмотреть наличие межведомственного конфликта между крестьянскими начальниками как чиновниками МВД и инспекторами народных училищ как чиновниками МНП. Так, в обращении крестьянского начальника 5-го участка к губернатору в 1907 г. содержится критика инспектора народных училищ Григорьева, который «без моего ведома назначает лиц, <...> доподлинно известных как политически неблагонадежных в вверенный мне участок» и просьба «убрать из Макушинского сельского училища учительницу Ремезову» как политически неблагонадежную [8, д. 11, с. 130].

Таким образом, на основании приведенных исторических фактов можно сказать, что институт крестьянских начальников оказывал значительное и непосредственное влияние на развитие и увеличение сети начальных училищ разной ведомственной подчиненности в сельской местности Тобольской губернии. Проявление чрезмерной активности в этой сфере в ряде случаев могло привести к противоречиям с чиновниками от МНП. К деятельности крестьянских начальников в сфере народного образования нельзя относиться как к основной. Главной же функцией этого института являлось рассмотрение жалоб на решения крестьянских волостных судов и утверждение приговоров волостных и сельских сходов.

Список источников

1. Введение в Тобольской губ. института крестьянских начальников // Тобольские епархиальные ведомости. 1899. № 1. С. 15–16.
2. Высочайше утвержденное Временное Положение о Крестьянских Начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. ПСЗРИ: собр. 3-е. Т. XVIII, отд. 1. 1898. СПб., 1901. С. 410.
3. ГАКО. Ф. И-117. Оп.1.
4. ГАКО. Ф. И-129. Оп.1.
5. ГАКО. Ф. И-150. Оп.1.

6. ГАКО. Ф. И-173. Оп.1.
7. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1.
8. ГАКО. Ф. И-254. Оп.1.
9. ГАКО. Ф. И-76. Оп.1.
10. ГАТО. Ф. И-1. Оп.1.
11. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И.5. Оп.1.
12. ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И-335. Оп.1.
13. Из Курганского уезда // Сибирский листок. 1902. № 5. С.3.
14. От наших корреспондентов // Сибирский листок. 1901. № 77. С. 2.
15. От наших корреспондентов // Сибирский листок. 1902. № 10. С. 2.
16. Отчет о состоянии церковноприходских школ и школ грамоты Тобольской епархии за 1899 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 209.
17. Распределение волостей и уездов Тобольской губернии на 36 участков крестьянских начальников // Тобольские губернские ведомости. Часть официальная. 1898. № 52. С. 2.

А. В. Суржко
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ РУКОВОДИТЕЛИ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты биографий первых советских руководителей Енисейской губернии, находившихся у власти в 1917–1918 гг. На основе материалов периодической печати рассмотрены их личностные характеристики, краткий социальный портрет. В качестве вывода отмечается необходимость дальнейшей разработки данной темы.

Ключевые слова: советская власть, Октябрьская революция, Енисейская губерния, РСДРП(б), Я. Е. Боград, Г. С. Вейнбаум, А. П. Лебедева, Я. Ф. Дубровинский, И. И. Белопольский, С. Г. Лазо

Abstract. The article discusses some aspects of the biographies of the first Soviet leaders of the Yenisei province, who were in power in 1917–1918. Based on the materials of the periodical press, their personal characteristics and a brief social portrait are considered. As a conclusion, the need for further development of this topic is noted.

Keywords: Soviet power, October Revolution of 1917, Yenisei province, RSDLP(b), Ya. E. Bograd, G. S. Weinbaum, A. P. Lebedeva, Ya. F. Dubrovinsky, I. I. Belopolsky, S. G. Lazo

29 октября 1917 г. Средне-Сибирское областное бюро и Красноярский комитет РСДРП (б) сообщили об установлении советской власти в Енисейской губернии. Вскоре после этого начался процесс формирования новых органов власти. Высшим органом губернской власти стал Соединенный губернский исполнительный комитет, который включил в свой состав исполком Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов, исполком совета крестьянских депутатов Красноярского уезда, а также по два представителя от каждого из уездных советов. К середине января при губисполкоме было девять, а к концу марта – 16 отделов, включая совет народного хозяйства (ГСНХ), военный, крестьянский, культурно-просветительский и др. [1].

Наиболее яркими фигурами в Енисейском губисполкоме стали Я. Е. Боград, Г. С. Вейнбаум, А. Д. Лебедева, Я. Ф. Дубровинский, И. И. Белопольский, С. Г. Лазо, А. Г. Перенсон, Т. П. Марковский, В. Н. Яковлев. Советская власть позаботилась о сохранении в истории памяти о своих героях, «лучших, самоотверженных советских и партийных вождей Енисейской губернии», назвав их именами улицы Красноярска и некоторых других городов. Сложно сказать, стал бы кто-то из них хрестоматийным героем советской пропаганды или разделил бы судьбу мно-

гих видных большевиков, расстрелянных в ходе ожесточенной внутрипартийной борьбы за власть в 1920–1930-е гг. Ни одному из них не удалось дожить до конца Гражданской войны, а период их активной государственно-политической деятельности длился не многим более полугода. Однако каждый из них оставил определенный след в истории не только Енисейской губернии, но и всей Сибири.

С другой стороны, наблюдается явный недостаток научного осмысления жизни и деятельности первых советских руководителей Енисейской губернии. Большая часть имеющихся биографических сведений содержат в себе лишь общие данные справочного характера, не раскрывающие в полной мере как личностные, так и профессиональные характеристики указанных выше персоналий и лишь поверхностно освещающие их политическую деятельность в 1917–1918 гг. Обратимся к тем характеристикам, которые давала красноярским революционерам газета «Красноярский рабочий».

Яков Ефимович Боград (1878–1919) – старый член РСДРП (до 1916 г. – меньшевик, затем – большевик), известный в партийной среде под псевдонимом «Фрей». В 1913 г. был сослан в Туруханский край, но во время Первой мировой войны по состоянию здоровья ему было разрешено переехать в Красноярск. После начала революции предпочел остаться в Енисейской губернии. К тому моменту он обладал репутацией начитанного человека, с большой эрудицией и хорошими ораторскими способностями. Вся его деятельность в Сибири протекала в агитации: он читал лекции и доклады, выступал на митингах и собраниях [2].

Григорий Спиридонович Вейнбаум (1891–1918) – европейски образованный человек, владеющий несколькими иностранными языками и хорошо разбирающийся в дипломатии. По воспоминаниям партийных товарищей, его память всегда хранила богатый архив всевозможных тайных и явных договоров, нот и посланий, из которых складывалась действующая на тот момент система международных отношений. Когда в Сибири победила революция и возникла необходимость создать местный советский дипломатический центр, выполняющий функции надзора за консулами Японии, США, Англии и Франции, возглавить его было поручено именно Вейнбауму. Вскоре специальным декретом Совнаркома РСФСР он был назначен комиссаром по иностранным делам Сибири.

Дипломатическую работу Г. С. Вейнбаум совмещал с должностью председателя Енисейского губернского исполнительного комитета советов. На этом посту он отметил, что сумел организовать подавление семёновца атамана Сотникова, который вместе со своим казачьим отрядом покинул губернию [2].

За несколько лет до революции супругой Вейнбаума стала **Ада Павловна Лебедева** (1892–1918) – по описанию «небольшого роста, выглядывавшая очень молодо, худенькая, хрупкая, но с большим сильным голосом», она быстро завоевала популярность и уважение у красноярского пролетариата.

Долгое время она состояла в партии эсеров, работала главным образом в военных организациях. После Февральской революции А. П. Лебедева вместе с мужем намеревалась отправиться в Петроград, но по решению руководства партии осталась в Красноярске. Она была одной из тех, кто инициировал выделение большой группы видных партийцев в организацию левых эсеров – первую в Сибири, инициировала издание газеты «Интернационал». Затем, будучи на съезде в Петрограде, она сыграла немалую роль в расколе эсеровского партийного центра. Наконец, весной 1918 г. Лебедева вместе с большей частью группы левых эсеров вступает в партию большевиков.

Работая в губисполкоме, она неоднократно делегировалась на всероссийские и общесибирские съезды Советов. Об авторитете А. П. Лебедевой в партии может свидетельствовать тот факт, что она была назначена редактором губернской газеты «Известия». Работая пропагандисткой в пролетарских массах, она немедленно взялась за оружие и заняла одно из руководящих мест в военной организации Совета в дни восстания Сотникова, поддержанного ее бывшей партией. Переодевшись в мужской военный костюм, именно военной деятельности посвятила последние недели своей жизни А. П. Лебедева [2].

Яков Фёдорович Дубровинский (1882–1918) был выходцем из купеческого сословия и большим интеллигентом, однако в силу своих революционных убеждений достаточно рано порвал связь со своим классом. Его, как и многих революционеров, не обошло стороной сидение в казематах, а от каторги и ссылки спасали годы нелегального положения.

В Красноярске, как и во многих городах Сибири, большевики и меньшевики долго не создавали своих отдельных организаций. Однако с началом революционных событий 1917 г. Дубровинский фактически встает во главе большевиков. Еще за три месяца до взятия большевиками власти в Петрограде он избирается красноярским городским головою. Его дальнейшая биография была связана с работой в местном самоуправлении и в Красноярском Совете, председателем которого был некоторое время. Выдвигался кандидатом в Учредительное собрание [2].

«Сухой, жилистый и нервный, вечно порывистый протестант и отличный работник в мире кропотливой и будничной работы» – таким запомнился современникам **Илья Исаевич Белопольский** (1884–1918), за чистоту и устойчивость убеждений прозванный товарищами Ильей Твердокаменным.

За годы работы И. И. Белопольский последовательно клеймил приспосабличество и «половинчатость» многих своих товарищей. Будучи большевиком, он отказался входить в состав красноярской городской думы, выступал против вхождения в партию «колеблющейся интеллигенции» и ее социал-демократических организаций. Именно в интеллигенции он видел потенциальную угрозу, способную внести сомнения, непоследовательность и разложение в стане большевиков.

Его усилиями в марте 1917 г. произошло окончательное размежевание местной ячейки социал-демократической партии, была создана первая в Сибири организация большевиков, а также Средне-Сибирское бюро ЦК РСДРП(б) и газета «Сибирская правда». После установления в Енисейской губернии советской власти И. И. Белопольский работал в губернском комиссариате, занимаясь организационно-управленческой работой [2].

Сергей Георгиевич Лазо (1894–1920) – одна из наиболее крупных фигур, среди тех, кто боролся за установление советской власти в Забайкалье. Однако немислим без него этот процесс был и в Красноярске [2]. На этом характеристика одного из героев Гражданской войны заканчивалась.

Рассмотрим социальный портрет указанных выше персоналий. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что среди первых советских лидеров Енисейской губернии практически не было не только уроженцев губернии, но и Сибири в целом. Исключение составила А. П. Лебедева, родившаяся в Иркутской губернии, куда был сослан ее отец. Остальные рассмотренные фигуры родились в западных губерниях Российской империи – в основном на территории Малороссии. Другая примечательная особенность, которую стоит отметить, – молодой возрастной состав. Так, самому возрастному из рассмотренных деятелей на момент Октябрьской революции было 39 лет (Боград), а самому молодому – 23 года (Лазо).

Все рассмотренные фигуры по состоянию на октябрь 1917 г. состояли в РСДРП (на тот момент на местах еще не произошло полного размежевания на большевиков и меньшевиков). В момент решающих революционных событий все они примкнули к большевикам. Вновь исключение составила А. П. Лебедева, долгое время представляющая партию левых эсеров. Примечательно, что лидеры рабочей партии не могли похвастаться пролетарским происхождением – они представляли различные сословия: дворянство, купечество, разночинство.

В мае 1918 г. с восстания чехословацкого корпуса началась полномасштабная Гражданская война в Сибири, повсеместно свержалась советская власть. Зная это, в июне большевистское руководство Енисейской губернии начало готовиться к эвакуации [3, с. 37–52]. Однако из-за промедления, несовершенства инфраструктуры и недооценки противника скрыться им не удалось. 26 июля зверски была убита А. П. Лебедева, которая вызывала особую ненависть в военно-офицерской среде. Ее судьбу разделил Т. Марковский. Спустя три месяца, 25 октября, чехословаками были расстреляны И. Белопольский, Г. Вейнбаум, Я. Дубровинский, В. Яковлев. Немногим дольше прожили Я. Боград и А. Г. Перенсон – они были расстреляны в мае 1919 г.

Повторно советская власть в Красноярске была установлена в начале 1920 г. Однако этот процесс был связан с другими именами. От первых советских руководителей Енисейской губернии в Красноярске остались лишь названия улиц. Таким образом, в качестве вывода отметим, что необходим качественный пересмотр места личностей первых советских руководи-

лей Енисейской губернии в истории, полное изучение их биографий, объективная оценка деятельности, разрушение многих исторических стереотипов, устоявшихся в советской и постсоветской историографии данного периода.

Список источников

1. Фёдорова В. И. Иллюстрированная история Красноярья (1917–1991 годы). Красноярск: РАСТР, 2014. 264 с.
2. Красноярский рабочий. 1920. 26 октября.
3. Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск: ООО «Версо», 2008. 416 с.

Ю. В. Элтеко
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

«ДЕДУШКА ГОШТОВТ»: БИОГРАФИЯ ОДНОГО ИЗ СТАРЕЙШИХ БОЛЬШЕВИКОВ Г. КРАСНОЯРСКА

Аннотация. На основе архивных материалов (документы личного дела имперского и советского периодов), периодической печати (газета «Красноярский рабочий»), воспоминаний участников революционных событий в Красноярске дается подробный биографический обзор с акцентом на профессиональной деятельности В. С. Гоштовта – одного из старейших большевиков г. Красноярска.

Ключевые слова: Гоштовт, Енисейская губерния, Красноярск, большевик, РСДРП, РКП(б)

Abstract. A detailed biographical review with an emphasis on the professional activities of V.S. Goshtovt, one of the oldest Bolsheviks in the city of Krasnoyarsk, is given on the basis of archival materials (documents of the personal file of the imperial and Soviet periods), periodicals (the newspaper «Krasnoyarsky Rabochiy», memoirs of participants in the revolutionary events in Krasnoyarsk).

Keywords: Goshtovt, Yenisei province, Krasnoyarsk, Bolshevik, RSDLP, RCP(b)

Владимир Симонович Гоштовт – одна из ярких личностей начала XX в. в истории Приенисейской Сибири. Однако сведения о его биографии не нашли полного отражения в исторической литературе. В советский период одни и те же фрагменты биографии переключивались из одной книги в другую, не давая полной характеристики его жизни и деятельности [1, с. 14–15, 29, 89–91; 2, с. 52–54; 3, с. 40]. В современный период появились работы, раскрывающие отдельные направления деятельности В. С. Гоштовта, в частности – процессы изъятия церковных ценностей в Енисейской губернии [4, 5].

Таким образом, цель настоящего доклада – опираясь на документальные материалы, данные периодической печати, воспоминания, литературу, дать биографический обзор с акцентом на профессиональной деятельности В. С. Гоштовта.

Источниками исследования послужили следующие материалы: личные дела В. С. Гоштовта [6, 7], хранящиеся в Государственном архиве Красноярского края, включающие в себя формулярный список о службе, автобиографии, членские билеты, мандаты, удостоверения, повестки, приглашительные билеты и прочее; воспоминания участников революционных событий в Красноярске [8]; статьи из газеты «Красноярский рабочий» [9, 10, 11, 12].

В. С. Гоштовт родился в 1858 г. по одним данным в с. Шушенском Минусинского уезда г. Красноярск [9, с. 4], по другим данным в Красноярске [8, с. 12]. В некоторых советских изданиях ошибочно указывалось, что он вместе с отцом приехал из Литвы [2, с. 52, 3, с. 40], в этих же книгах дублировалась информация о 1859 г. рождения В. С. Гоштовта. Как писал в автобиографии сам В. С. Гоштовт, его отец – Симон Фремент Карлович Гоштовт действительно был литовским чиновником и добровольно переехал в Сибирь в 1840-х гг. [7, л. 4]. Мать – Анну Хрисанфовну Гоштовт – он практически не знал, так как она умерла, когда он еще был маленьким.

Отец В. С. Гоштовта был достаточно либеральным человеком, и еще служа в г. Енисейске, до переезда в г. Красноярск, значительную часть его окружения составляли ссыльные поляки. И даже первым учителем Владимира Симоновича был ссыльный студент Малинин, который жил в их доме и считался членом семьи [7, л. 4]. Далее В. С. Гоштовт обучался в Красноярской классической гимназии, полного курса по состоянию плохого здоровья не окончил, уйдя после 6 класса [7, л. 4] (в формуляре о службе, вероятно, ошибочно указывалось после 4 класса [6, л. 2]). В 1879 г. призывался для отбывания всеобщей воинской повинности, но также по состоянию здоровья был освобожден.

В 1880 г. в Красноярске находилось несколько ссыльных народовольцев, с которыми В. С. познакомился и пользовался их доверием. Была образована инициативная группа для оказания материальной помощи политссыльным и осуществления побегов. В 1881 г. за содействие к побегу ссыльного Орлова Гоштовт был первый раз арестован [11, с. 1].

В 1882 г. В. С. Гоштовт поступил на государственную службу в штат Енисейской Контрольной Палаты в должности счетного чиновника [6, л. 2]. В 1886 г., избегая ареста в связи с побегом политссыльного Паули, уехал в Хабаровск [7, л. 4]. Там продолжал службу счетного чиновника – приказом по государственному контролю от 15 июня 1886 г. был переведен из Енисейской в Амурскую Контрольную Палату, а в 1888 г. был уволен в отставку согласно прошению по домашним обстоятельствам и вплоть до 6 сентября 1905 г. оставался в отставке [6, л. 3]. Что интересно, в формулярном списке о службе, в котором имелись данные с 1882 по 1907 г., ничего не было сказано об арестах В. С. Гоштовта. В графе о наказаниях и взысканиях было написано следующее: «Наказаниям или взысканиям не подвергался» [6, л. 4].

В 1889 г. В. С. Гоштовт вернулся в Красноярск. Сначала по приезду работал в Красноярске на лесопильном заводе Матвеева. Затем перешел на службу по постройке и ремонту железных дорог по приглашению начальника участка дороги Чиждова, бывшего офицера, сосланного в Сибирь. С переходом железной дороги в эксплуатацию В. С. Гоштовт поступил на железнодорожную службу [7, л. 4]. Но через некоторое время по требованию жандармов был уволен как «неблагонадежный» без права поступления на работы по всей линии Сибирской дороги [7, л. 1].

Между тем в 1903 г. В. С. Гоштовт вступил в РСДРП, образовавшуюся в Красноярске в начале 1900-х гг. Сначала был рядовым членом, а с конца 1905 г. был членом подпольного комитета. В разное время заведовал паспортным бюро, конспиративными квартирами, типографией, все время был казначеем комитета [7, л. 4].

По одним данным около полугода [11, с. 1], по другим около года [7, л. 4] В. С. Гоштовт оставался без работы. 6 сентября 1905 г. был принят на службу исполняющим должность помощника делопроизводителя во Врачебное Отделение Енисейского губернского Правления, где получал жалование 350 руб. в год и «стол» также 350 руб. в год. 11 января 1907 г. уволен от должности и вовсе от службы [6, л. 4]. После увольнения с Врачебного Отделения служил в частных конторах, а также был секретарем и библиотекарем в акушерско-фельдшерской школе Общества врачей [7, л. 4].

В 1905 г. В. С. Гоштовт активно участвовал в подготовке и проведении октябрьской стачки и декабрьского вооруженного восстания в Красноярске. После образования в октябре 1905 г. Красноярского Совета рабочих депутатов избирался его членом. После поражения революции продолжал борьбу в составе подпольного комитета, считавшего главной задачей организованное отступление, сохранение кадров передовых рабочих и подготовку их к новым боям. При его непосредственном участии была восстановлена и продолжала действовать подпольная типография, выпускались листовки [2, с. 52, 53].

В доме семьи В. С. Гоштовта, располагавшемся на Береговой улице (ныне Дубровинская), была явочная квартира. Вся его дружная семья, жена и дочери, умело оберегали ее. Жена Гоштовта Мария Петровна отличалась на редкость гостеприимством и душевной добротой [12]. Самого же Гоштовта так описывала А. Померанцева (участница революционных событий в Красноярске): «Худой, высокий старик, с длинной седой бородой, имел вид патриарха, говорил всегда сдержанно, тихо и невозмутимо спокойно» [8, с. 12]. Для прикрытия нелегальных собраний на квартире Гоштовта устраивались вечеринки молодежи. В случае опасности, по условленному сигналу со двора, сразу же раздавались песни или сибирские переплясы [1, с. 91]. В углу на табуретке стоял самовар, в табуретке был двойной верх, там хранилась нелегальная литература [8, с. 13]. На квартире у Гоштовта всегда могли найти себе приют бежавшие с каторги политссыльные, о судьбе которых он всегда заботился [12].

В 1908 г. охранное отделение напало на след комитета, начались повальные обыски, был арестован и Гоштовт. От ссылки спас опыт конспиратора, имеющего за плечами почти 30-летний стаж нелегальной работы [2, с. 53]. Хотя в одном из архивных дел (архивная справка о В. С. Гоштовте, подписанная заведующим партархивом Красноярского парткома КПСС Л. Павленко) указывалось, что по вышеуказанному делу В. С. Гоштовт был выслан на 4 года в Туруханский край, что не достоверно [7, л. 2]. В автобиографии В. С. Гоштовт писал, что в результате

ареста 1908 г. «отделался только отсидкой в тюрьме», при этом жандармами было сделано представление в департамент полиции о высылке в Туруханский край, но ответа так и не было получено [7, л. 4].

С 1915 г. служил в Красноярской городской управе. В 1916 г. В. С. Гоштовт вместе с Дубровинским, Боградом, Пайкисом был посажен в Красноярскую тюрьму за участие в организации забастовки типографских рабочих [11, с. 1]. Вышли на свободу незадолго до Февральской революции. Как член комитета РСДРП и депутат Красноярского Совета, после свержения самодержавия участвовал в организации массовых митингов, шествий, собраний, разрешал конфликты между рабочими и предпринимателями, способствовал расширению издательской деятельности большевиков, являлся бессменным казначеем партийной кассы [2, с. 53]. После февральской революции перешел на должность казначея в Губернскую продовольственную управу [7, л. 4]. В этой должности состоял до чехословацкого переворота в Красноярске, до 18 июня 1918 г. В первую же ночь после переворота с 18 на 19 июня был арестован. Через 6 месяцев был освобожден, но через месяц вновь арестован. Просидел 2 месяца, был освобожден, но через 2 недели опять подвергся аресту, и после случайного освобождения, избегая нового ареста, о чем был предупрежден, бежал в Иркутск [11, с. 1].

В Красноярск возвратился 3 марта 1920 г. после занятия Восточной Сибири войсками 5 армии с поездом председателя Сибревкома И. Н. Смирнова по его предложению, так как Смирнов знал его с 1914 г. (Гоштовт устраивал его на конспиративной квартире при побеге из ссылки) [11, с. 1].

При советской власти на протяжении 1920-х гг. В. С. Гоштовт занимал важные советские и партийные должности. Сразу после приезда в Красноярск, 5 марта 1920 г. был назначен членом, а вскоре заместителем заведующего Коллегии Губкоммунхоза. 1 апреля 1921 г. перемещен по постановлению Губисполкома на должность заведующего Губфинотделом. С октября 1922 г. занимал должность председателя Ревизионной комиссии Енисейского союза кооперативов [7, л. 4].

Помимо прочего, В. С. Гоштовт назначался в различные комиссии и т. п.: в марте 1920 г. – представителем в Губернскую Чрезвычайную комиссию для принятия пушнины, в апреле 1920 г. – в особую комиссию по выдаче удостоверений на выезд из Красноярска в Томск и Новониколаевск мирных граждан; на заседание ликвидационного отделения общего подотдела отдела юстиции при Енисейском губернском ревкоме по вопросу о передаче в ведение местных советских учреждений имущества, не имеющего богослужебного значения; в мае 1920 г. – членом комиссии по ликвидации имущества домовых церквей; представителем городской избирательной комиссии для проведения выборов в Красноярский городской совет рабочих и красноармейских депутатов; в марте 1921 г. – в комиссию по созданию единого хозяйственного плана в губернии. С 7 сентября 1922 г. являлся членом Учетно-Ссудного комитета при Красноярском отделении государственного банка [7].

Что касается партийных должностей, В. С. Гоштовт был членом губернской Контрольной Комиссии (далее окружной), в 1922 г. был членом комиссии по чистке партии, в 1924 г. – председателем комиссии по чистке Соваппарата, в 1925 г. – председателем проверочной тройки по проверке непроизводственных ячеек. Был избран кандидатом в члены дивизионной партийной комиссии 26 дивизии. Делегировался на 12 партийный съезд. Также являлся председателем бюро Истпарта, Уполномоченный по соби- ранию материалов о Ленине для института его имени. Три раза избирался членом горсовета [7, л. 4].

При анализе личного дела В. С. Гоштовта хорошо прослеживается, что со второй половины 1920-х гг. в основном документы в деле составили приглашения Гоштовта на мероприятия, встречи, вечера самодеятельности и прочее [7].

9 июля 1929 г. в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано объявление о смерти В. С. Гоштовта: «Окружком ВКП(б) и Окружная кон- трольная комиссия с глубокой скорбью извещают, что в Москве умер Гоштовт В.С., старый подпольщик, член партии с 1903 г.» [10, с. 1].

Всю жизнь В. С. Гоштовт отдал партии, не переставал работать, пока окончательно не обессилел. Несмотря на то, что еще в 1922 г. комиссией при Енисейском губернском комитете РКП(б) было вынесено постановле- ние, что в силу преклонных лет он может быть использован только на спо- койной партийной и советской работе, «рабочие и коммунисты Красноярс- ка великолепно помнят, что еще в 1927 г. патриархального вида старик с большой белой бородой и с теплой дружеской улыбкой, поднимался по крутой лестнице Енсоюза, присутствовал на заседаниях контрольной комиссии, выступал на совете Испарта, появлялся в красноармейских казармах». <...> Вот и не стало «дедушки Гоштовта», как некоторые называли его. И коммунисты, и беспартийные рабочие Красноярска долго не забудут этого человека» [11, с. 1]. «Все мы знали его как верного соратника великого Ленина, человека исключительно честного и скром- ного, мужественно переносившего различные лишения и невзгоды» (Е. Астанкова) [12].

Список источников

1. Между двумя революциями: (Очерки истории красноярской большевистской организации) / М. Горенский, А. Кудрявцева, В. Сафро- нов. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1960. 177 с.
2. Бойцы революции / науч. ред.: Б. Ф. Багаев, П. Н. Мешалкин. Красноярск: Книжное издательство, 1982. 280 с.
3. Бойцы революции: библиографический указатель / Краснояр. гос. краев. универс. науч. б-ка им. В. И. Ленина. Красноярск, 1990. 191 с.
4. Вдовин А. С. Изъятие церковных ценностей в Енисейской губер- нии (к вопросу о периодизации и итогах) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 162–168.

5. Дворецкая А. П. «ЛИКВИДАТОР» В. С. ГОШТОВТ (Советские кадры и отделение церкви от государства) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Международной научной конференции: в 2 частях, Иваново, 05–06 апреля 2017 года. Иваново: Издательство «Ивановский государственный университет», 2017. С. 84–87.

6. Личное дело исправляющего должность помощника делопроизводителя Гоштовта В. С. // КГКУ «ГАКК». Ф. 595, Оп. 45, Д. 275. Л. 1–5.

7. Гоштовт Владимир Симонович // КГКУ «ГАКК». Ф.П-42, Оп. 6. Д. 215. 142 Л.

8. Незабываемое: воспоминания участников революционных событий в Красноярском крае (1917–1920 гг.) / [ред. И. Г. Гребцов]. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1957. 223 с.

9. Красноярский рабочий. 1923 г. № 249 (7 ноября).

10. Красноярский рабочий. 1929 г. №153 (9 июля).

11. Красноярский рабочий. 1929 г. №154 (10 июля).

12. Красноярский рабочий. 1980 г. №20 (24 января).

*А. И. Архипова
ИГИиПМНС СО РАН
Якутск, Россия*

СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ЧИНОВНИЧЕСТВА ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ: ГУБЕРНАТОРЫ И ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРЫ

Аннотация. Объектом изучения и анализа стали персоналии чиновников назначаемых исполняющими должность губернаторов и вице-губернаторов Якутской области. Чиновники охарактеризованы по следующим параметрам: происхождение, уровень образования и возраст, продолжительность пребывания в должности, опыт службы. Изучение кадрового состава местного управления позволяет представить профессиональный облик государственных служащих, в руках которых сосредотачивалась власть, и выявить особенности кадровой политики на периферии Российской империи.

Ключевые слова: управление, Якутская область, чиновник, губернатор, вице-губернатор, биография, формулярный список

Интерес исследователей к персоналиям государственных служащих остается неизменным на протяжении последних десятилетий.

Должность губернатора была учреждена в Якутской области в середине XIX в., а вице-губернатора еще позднее с 1883 г. Губернатор выступал центральным звеном в системе местных органов власти в Российской империи. Вице-губернатор был вторым лицом в области и также играл важную роль в управлении, согласно закону, являлся председателем областного правления и помощником губернатора. В рассматриваемый период на должность губернаторов было назначено 14 человек, фактически управляли 13, вице-губернаторов 16 человек, фактически управляли 12. Несмотря на частую сменяемость чиновников, был случай, когда область в течение года оставалась без фактических вице-губернаторов.

Важным оформленным законодательно критерием при назначении чиновников являлось наличие соответствующего должностного чина. Среди служащих имеются примеры, когда чиновник назначался на должность губернатора в чине статского советника, и после назначения получал следующий чин. Среди вице-губернаторов большинство пребывали в чине статского советника, двое были действительными статскими советниками.

По сословному происхождению большинство губернаторов являлись дворянами православного вероисповедания, были и исповедовавшие лютеранство. Вице-губернаторы были православными.

Пять губернаторов являлись выпускниками высших учебных заведений В. Н. Светлицкий, В. З. Коленко, Ю. И. Штубендорф, В. К. Бодиско, И. И. Крафт (Николаевская академия Генерального штаба, Императорский Александровский лицей, Дерптский университет, Московский универси-

тет). Пять вице-губернаторов В. Л. Приклонский, А. К. Миллер, В. А. Мишин, В. И. Курилов, Д. О. Тизенгаузен имели высшее гражданское образование (Императорский Московский университет, Санкт-Петербургский Императорский университет, Александровский лицей) [1, 2].

Срок службы чиновников был неравномерен, долее других находился на должности губернатора В. Н. Скрыпицын – около 11 лет. Среди вице-губернаторов 6 лет занимал пост П. П. Осташкин. Самый короткий срок управления составлял три месяца у губернатора М. А. Пономарева.

Важным аспектом для понимания причин частой сменяемости чиновников на должности вице-губернатора является рассмотрение материального обеспечения этой должности. С момента появления должности вице-губернатора ежегодный оклад содержания равнялся 2 687 руб. (из которых 1 400 руб. жалование, 600 руб. столовых, 687 руб. квартирных) [3]. В. А. Мишин имел добавочное жалование 1 125 руб., и получал в общей сложности 5 625 руб. Доход губернатора В. Н. Скрыпицына в 1900 г. составлял 14 608 руб. (из них 5 000 руб. жалование, 5 000 руб. столовых, 3 750 руб. добавочных, 858 руб. квартирных) [4]. Для сравнения доход генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова составлял 25 935 руб. [5, с. 55].

Четверо якутских губернаторов продолжили службу в других губерниях и областях, вне Сибири лишь один – В. З. Коленко, он занимал губернаторские посты вплоть до 1898 г. Семеро вице-губернаторов Якутской области продолжили карьеру в такой же должности в других областях и губерниях. Двое губернаторов скончались, находясь на должности, пятеро уволены с формулировкой – по состоянию здоровья, пост вице-губернатора стал пиком карьеры для троих чиновников.

Подбор кадров для Якутской области в связи с региональными особенностями территории был достаточно сложным процессом.

Социальный портрет губернатора: чиновники являлись выходцами из центральных и сибирских губерний. Возрастной уровень чиновников был характерен для империи периода середины XIX – начала XX в. Большинство будущих губернаторов имели опыт военной службы и административной практики. Назначаемые чиновники имели представление о будущем месте службы, а некоторые были хорошо знакомы с условиями Якутской области. Жалование являлось основным источником дохода рассматриваемых чиновников, они активно пользовались предоставляемыми преимуществами по службе. Большинство приезжало к месту службы вместе с семьями.

Социальный портрет чиновника, занимавшего пост вице-губернатора корпуса Якутской области: православный женатый мужчина среднего работоспособного возраста с хорошим гражданским либо военным образованием. На момент назначения пребывал в чине статского советника, пользовался положенными привилегиями, основным доходом которого являлось жалование. Ни один вице-губернатор Якутской области не был впоследствии назначен ее губернатором. Суровый климат и сложные условия

службы в Якутской области являлись одной из основных причин смены чиновников.

Список источников

1. Архипова А. И. Губернаторский корпус Якутской области как отражение принципов кадровой политики российского правительства (середина XIX – начало XX в.) // Genesis: исторические исследования. 2019. № 12. С. 55–66.

2. Архипова А. И. Социокультурный портрет вице-губернаторов Якутской области конца XIX – начала XX в. // Известия ИГУ. Серия «История». 2022. Т. 39. С. 20–27.

3. Полное собрание законов Российской империи. Ч. 3. Т. 3. 1883. № 1 398.

4. Список лиц гражданского ведомства IV класса. 1900 г. С. 861.

5. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л., Матханова Н. П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства: М. М. Сперанский, Н. Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы». Иркутск: Изд-во «Оттиск». 2020. 340 с.

СЕКЦИЯ 6

СИБИРЬ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

УДК 327 (510)

В. В. Никуленков
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ СССР И КНР В 1950–1960-Е ГГ.

Аннотация. В статье анализируются двусторонние отношения КНР и СССР в сфере общественной дипломатии в первое десятилетие существования Китайской Народной Республики. Раскрывается содержание инструментов работы народной дипломатии общей системы международных отношений. Изучены правовые предпосылки появления фактов народного взаимодействия двух стран, носивших в будущем массовый характер. Авторы устанавливают причинно-следственные связи между приоритетными направлениями сотрудничества СССР и КНР и вспомогательными процессами в общественном взаимодействии государств в период становления многостороннего сотрудничества в социалистическом лагере. На основе выявленных архивных источников восстановлена переписка, публикации в печати, факты о молодежных обменах. Выявлены инструменты народной дипломатии двух стран и каналы становления такого взаимодействия посредством нормативно-правовой базы, средств массовой информации, обменов делегациями с целью культурных и научных обменов, а также переписки между профессиональными группами и отдельными гражданами в СССР и КНР.

Ключевые слова: *КНР, СССР, молодежь, обмены, делегации, СМИ, образование и наука, переписка*

Abstract. The article analyzes the bilateral relations between China and the USSR in the sphere of public diplomacy in the first decade of the people's Republic of China. The content of the tools of people's diplomacy in the General system of international relations is revealed. The legal prerequisites for the emergence of the facts of people's interaction between the two countries, which had a mass character in the future, are studied. The authors establish cause-and-effect relations between the priority areas of cooperation between the USSR and China and auxiliary processes in the social interaction of States during the formation of multilateral cooperation in the socialist camp. On the basis of the identified archival sources, correspondence, publications in the press, facts about youth exchanges were restored. Revealed the tools of public diplomacy of the two countries and channels of the formation of this interaction through the regulatory framework of the media, exchanges of delegations with the aim of cultural and scientific exchanges, as well as correspondence between professional groups and individual citizens in the USSR and the PRC.

Keywords: *China, USSR, youth, exchanges, reports, mass media, education and science, correspondence*

Развитие двусторонних отношений включает в себя несколько элементов сотрудничества, которые условно можно разделить на государственные и народные. Решая одни и те же задачи через разные инструменты взаимодействия, уровни сотрудничества начинают совершенствоваться, растет степень информированности друг о друге, очерчиваются границы предсказуемости и планы в рамках добрососедских отношений. Работа посредством дипломатических, внешнеторговых и военно-политических ведомств представляет отдельный интерес, но всегда остается прерогативой немассовой части общества двух стран. Однако залог отношений, построенных на доверии и предсказуемости, может строиться только на инструментах взаимопознания народов в целом, отдельных категорий граждан профессиональных групп, семей, друзей и т. д. Народная дипломатия – это совокупность форм, средств и методов внешнеполитической деятельности граждан КНР и СССР через работу национальных и международных общественных организаций, отдельных общественных и политических деятелей. Общегуманитарные и двусторонние интересы являются основой народной дипломатии.

Нормативно-правовое основание является важным вспомогательным элементом начала коммуникации. После признания КНР со стороны советской власти появились первые документы, определившие характер будущих взаимоотношений. Важно понять, какие ключевые документы обеспечивали условия для возникновения такого феномена, как народная дипломатия. Нормативным документом, разграничивающим хронологически историю советско-китайских отношений, стал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой, заключённый 14 февраля 1950 г. во время пребывания в Москве китайской партийно-правительственной делегации во главе с Мао Цзэдуном. В преамбуле договора говорится, что стороны исходят из решимости двух народов «...путём укрепления дружбы и сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой совместно воспрепятствовать возрождению японского империализма и повторению агрессии со стороны Японии или какого-либо другого государства, которые объединились бы с Японией в актах агрессии» [1, с. 223]. Также отмечалось, что такой договор способствует укреплению мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всём мире, добрососедству и дружбе народов двух стран, отвечает их коренным интересам.

Договор состоял из 6 статей. Первые четыре были посвящены вопросам обеспечения безопасности. В пятой же статье говорилось о двусторонних советско-китайских отношениях, стремлении сторон развивать экономическое и культурное сотрудничество, «...оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь». В шестой статье оговаривались сроки действия договора. Он был рассчитан на 30 лет, и, если за год до истечения срока ни одна из договаривающихся сторон не заявит о его денонсации, он будет оставаться в силе ещё в течение пяти лет. Премьер Госсос-

вета Чжоу Эньлай в своей речи после подписания советско-китайского договора и соглашений отметил их значение для Китая: «Заключение указанных договора и соглашений основывается на коренных интересах великих народов Китая и Советского Союза и является показателем братской дружбы и вечного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом... Не подлежит никакому сомнению, что это тесное и искреннее сотрудничество Китая и Советского Союза имеет в высшей степени глубокое историческое значение и неизбежно будет иметь огромное влияние и результаты для дела мира и справедливости народов Востока и всего мира». Он сказал, что договор и соглашения «...помогут китайскому народу ощутить то, что он является не одиноким, и окажут помощь в восстановлении и развитии китайской экономики» [1, с. 225–226].

Как результат всестороннего сближения – сотрудничество по линии дипломатии двух стран, которые синхронно действовали в решении международных проблем. Советский Союз активно поддерживал КНР в вопросе получения членства в ООН (прежде всего, в Совете безопасности) и других международных организациях. Действия дипломатов активно закреплялись массовой поддержкой населения с двух сторон, которые создавали фон идеологической поддержки всех видов сотрудничества.

Другой основополагающий документ, регламентировавший и без того массовый всплеск культурной дипломатии, был подписан 5 июля 1956 г. в г. Москве. Это «Соглашение о культурном сотрудничестве», заложившее основы для дальнейшего широкого культурного обмена Китая и СССР. Документ включал положения о всестороннем развитии сотрудничества в области науки, техники, образования, литературы и искусства, здравоохранения, печати и издательского дела, радиовещания и телевидения, кинематографии, физической культуры и спорта и др. Также было намечено расширение связей между высшими учебными заведениями, музеями, библиотеками обеих стран и взаимное направление профессоров, деятелей культуры, искусства, художественных коллективов, проведение выставок и обмен опытом работы в области культурного строительства [2, с. 316–317]. Соглашение 1956 г., на мой взгляд, можно считать основным локомотивом публичной дипломатии между двумя странами.

Рассмотрим отдельные блоки сотрудничества в сфере культурной дипломатии. Можно сказать, что в изучаемый период основным инструментом влияния на народы иностранных государств в КНР являлась государственная пропаганда, транслируемая через средства массовой информации, в том числе и на языках территории распространения. Именно этот блок стоит рассматривать прежде, нежели культурные и образовательные обмены. Приоритетная задача правительства Китая с 1949 г. – признание государства и выход из изоляции. Усилия для решения задачи сосредоточились на печатных средствах массовой информации, издательском деле (научная и популярная литература, классика), радио. Печатные СМИ как инструмент коммуникации между государствами и отдельными гражданами, общественными группами стали актуальным механизмом взаимо-

действия. Так, в КНР было развёрнуто массовое движение под лозунгом «Учиться у Советского Союза». Печатные СМИ КНР использовали такие заголовки: «Навеки вместе», «Великая беспримерная дружба», «Великая дружба, великое сотрудничество», «Наши сердца бьются вместе», «История ещё не знала такого единства!» СМИ использовались в качестве площадок обратной связи от посетивших СССР китайцев. Так с 1949 по 1951 г. СССР посетили 14 китайских делегаций, 23 советских делегации были в Китае. После возвращения члены делегации выступали в прессе, на радио, публиковали книги и брошюры. К 1953 г. в Китае большими тиражами было издано более 30 книг и брошюр [3, с. 35–36].

Необходимость в сближении поставила задачу о снятии языкового барьера. Переводы идеологической, научной и классической литературы стали важным звеном в политике «Учиться у СССР». Несмотря на то, что первая школа русского языка (первая при поддержке коммунистической партии Китая) открылась в 1941 г. в Яньани, но к 1949 г. знание русского было лишь в единичных случаях, а русская художественной литература переводилась с других языков. После 1949 г. в стране стали создаваться школы русского языка для кадровых работников и молодёжи. В 1951 г. появился Всекитайский комитет по руководству изучением русского языка и начал издавать журнал «Русский язык». В 1952–1953 гг. в Харбине было издано несколько учебников и словарей, среди них – пособие «Эвэнь юйфа вэньти цзеда» («Изучение русского языка в вопросах и ответах»). В Северо-Восточном Китае русский язык изучался почти во всех средних школах, а в Пекине – в 59. Активизировало кампанию за изучение русского языка и общество советско-китайской дружбы во всех городах страны [4, с. 17]. С 1949 по 1956 г. в Китае были переведены 184 работы Ленина и Сталина (тираж 21 927 020 экз.), 2 057 книг по философии и общественным наукам (46 176 994 экз.), 5 617 научно-технических книг (42 888 019 экз.), 2 438 по литературе и искусству (60 395 571 экз.). Только за вторую половину 1956 г. в Китае было издано 308 переводов произведений советской литературы, французской – 29, английской – 20, японской – 9 [5, с. 155–156].

Издательское дело и СМИ стали импульсом и для развития языковедения в Китае и СССР, китаеведения в СССР. Так, языковеды после широкого обмена мнениями выработали план реформы сложного иероглифического письма. Это в значительной степени устранил трудности в изучении письменности и будет способствовать быстрому развитию культуры. Такие процессы стали поддержкой для массовых переводов. Так, в КНР было переведено 12 400 названий советских книг, изданы 191 млн экз. В СССР было переведено 370 названий китайских книг, а изданы они были тиражом в 20 млн экз. Взаимному изучению языков двух стран способствовало издание словарей, одним из которых стал опубликованный в 1953 г. в Пекине в издательстве «Шидай» русско-китайский словарь, составленный в Москве Чэнь Чанхао и Б. С. Исаенко [5, с. 140]. В СССР также активи-

зировалось изучение китайского языка, что повлекло за собой выход из кризиса советское китаеведение.

В 50-е гг. XX в. в Москве большими тиражами публиковались китайские классические романы «Сон в красном тереме», «Троецарствие», «Путешествие на запад», «Речные заводи», собрание сочинений Лу Синя, книги современных китайских писателей – Ба Цзиня, Лао Шэ, Чжао Шули, Чжоу Либо, Чжоу Эрфу, Е Шэнтао, Дин Лин и др. [6, с. 347]. Союз советских писателей 7 июня 1951 г. создал отдел китайской литературы. 8 июня того же года в Ленинграде открылась выставка китайской литературы и искусства. В 1951 г. Сталинской премии был удостоен роман Дин Лин «Солнце над рекой Сянгань» об аграрной реформе в Северном Китае, Чжоу Либо за роман об аграрной реформе «Ураган» и Хэ Цзинчжи и Дин Ни за пьесу «Седая девушка» [6, с. 28–29]. К массовым периодическим изданиям можно отнести журнал «Народный Китай» и иллюстрированный журнал «Китай» на русском языке (издавались с начала 1950-х гг. для советских читателей), еженедельный журнал «Советско-китайская дружба» (с января 1958 г.) [6, с. 21–23].

Советско-китайские обмены по линии науки, культуры, образования и профессиональных интересов стали следующим инструментом формирования образа двух стран среди народов СССР и КНР. Очевидно, что технологический развитый СССР выступал в роли некоего донора не только в плане предоставления опыта и доступа к научно-техническим достижениям, но и к достижениям гуманитарного характера: образование, педагогика, воспитание, быт и образ жизни, культура, медицина и спорт. Все это с точки зрения китайской ментальности и было тем фундаментом, на который вставало здание развитой индустриальной державы. Только с 1949 по 1956 г. более 100 делегаций, в состав которых входили около 1 900 китайских ученых, работников культуры и искусства, посетили СССР. 55 советских делегаций в составе 1 500 деятелей науки, искусства и культуры посетили КНР. Интерес, который возродился к китаеведению, также обеспечивал возможность обмена учеными. Стажировки в КНР прошли М. Л. Титаренко, В. Ф. Феоктистов, Б. Л. Рифтин, М. В. Крюков и др., ставшие известными китаеоведами.

Важной географической точкой в развитии народной дипломатии в советско-китайских отношениях была станция Забайкальск. На эту пограничную станцию регулярно приезжали делегации и группы китайских специалистов для обмена опытом или совместного празднования всех памятных дат [7, л. 21].

С 29 апреля по 20 мая 1958 г. в Синьцзяне гостила делегация молодежи из Казахстана в составе 15 человек [8, л. 3], которых принимали генеральный консул и вице-консул Урумчи Г. С. Добашин и А. Я. Кряжев. С 3 по 27 декабря 1958 г. делегация работников молодежной и детской печати Советского Союза в составе 11 человек путешествовали с культурно-образовательными целями от Пекина до Гуанчжоу, были в Ухане и Шанхае [9, л. 72].

С 25 июня – 5 июля 1958 г. Приморский край в СССР посетила делегация молодежи Порт-Артура и Дальнего [9, л. 31], а с 25 июля по 10 августа в Москве и Ленинграде находилась китайская молодежная делегация в составе 13 человек [9, л. 45].

Визиты в СССР китайскими делегациями можно отобразить в табл. 1.

Таблица 1

Визиты в СССР китайскими делегациями

№	Место пребывания в СССР	Годы и продолжительность	Профессиональная группа и численность	Цели
	РСФСР, Иркутская область	август–сентябрь 1958 г. (16 дней)	молодежной организации провинции Ляо-нин КНР	культурно-образовательный обмен
	РСФСР, Якутия	1959 г.	китайская молодежная делегация	культурно-образовательный обмен
	УССР, Крым, Детский лагерь «Артек»	1951 г., июнь	группа пионеров Китая (24 человека); Делегация студентов Китая (28 человек); Делегация руководящих пионерских работников (24 человека)	культурно-образовательный обмен
	РСФСР, Москва	1953 г.	делегация молодежи Китая (26 человек)	культурно-образовательный обмен
	КССР, Казахстан (Алма-Ата, Караганда, Темиртау)	25 октября – 14 ноября 1958 г.	делегация из Синьцзяна	культурно-образовательный обмен
	РСФСР, г. Новосибирск	6 по 18 августа 1959 г.	делегация комсомольских работников г. Тянь-Цзиня из КНР во главе с заместителем секретаря горкома комсомола т. Вань-Жень» (4 человека и переводчик)	культурно-образовательный обмен на основании соглашения ЦК ВЛКСМ и ЦК КСМК

№	Место пребывания в СССР	Годы и продолжительность	Профессиональная группа и численность	Цели
	РСФСР, Пограничная встреча (Читинская область – область Внутренняя Монголия) Иркутск – Ляонин, Приморский – Гири	1958 г. (2 дня)	молодежная делегация по 40 человек с каждой стороны	культурно-образовательный обмен
	РСФСР, Свердловская, Новосибирская, Иркутская области	1959 г. (3 недели)	12 делегаций китайских спортсменов	спортивный обмен
	РСФСР, Читинская область, г. Чита	1961–1962 гг.	китайские делегации (70 человек)	по линии «Интурист»
	РСФСР, Читинская область, г. Чита	1959 г. июнь (5 дней)	делегация пионеров из АР ВМ КНР	культурно-образовательный обмен
	РСФСР, Свердловская область, г. Свердловск	25 августа – 4 сентября 1956 г.	20 китайских специалистов в области геологии	научно-профессиональный обмен с целью посещения институтов, заводов, месторождений

Из табл. 1 видно, что цели посещения китайцами можно разделить на культурные, научно-образовательные, профессиональные и туристические. Приведенные в табл. 1 регионы соответствуют не только территориальным рамкам работы, но и выходят за них с целью продемонстрировать срез ситуации в других точках СССР.

В справке об обмене молодежными делегациями отмечается регулярный процесс обмена молодежными группами между КНР и СССР. Начиная с 1949 г., когда китайская делегация в составе 117 человек проездом на фестиваль молодежи и студентов в Будапеште посетила СССР, а в Китай отправилась делегация советской молодежи под руководством секретаря ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлова в составе 26 человек в 1950 г. В составе делегации был и будущий глава ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичатный. В 1950 г. он впервые посетил КНР в составе делегации Международной федерации демократической молодежи. На площади Ворота Небесного Спокойствия

делегация отмечала первую годовщину образования КНР. По Пекину В. Е. Семичастного сопровождал сын Мао Цзэдуна, которого по-русски называли Александром Ивановичем (воспитывался в Ивановском детском доме). Поскольку сын Мао сначала научился говорить по-русски, а уже потом по-китайски, то во время поездок по Китаю он часто выполнял роль переводчика. В ходе посещения КНР делегация ВЛКСМ встречалась и с Дэн Сяопином, и с Чжоу Эньлаем.

В изучаемый период возникло и такое явление, как местный обмен, когда международные связи устанавливались между отдельными регионами СССР и КНР. Так, в Сибири установились связи «Иркутск – Шеньян». Хабаровский и Приморский края взаимодействовали с провинцией Хэйлунцзян, Новосибирск – с Тяньцзинем, а Казахстан с Синьцзян-Уйгурским автономным районом.

Важное значение нужно придать сотрудничеству между образовательными учреждениями. Обмены бригадами студентов также стали практиковаться. Этому свидетельствует письмо директора МЭИ М. Г. Чиликина, который пишет Секретарю ЦК ВЛКСМ В. Е. Семичастному о том, что «первичная организация Общества советско-китайской дружбы МЭИ считает желательным произвести летом 1959 года на взаимной основе обмен с Харбинским Политехническим институтом бригадами студентов (по 25–30 чел.). Целью стало – участие в освоении целинных земель или на стройках КНР и СССР» [10, л. 96].

Народная дипломатия характеризуется еще и наличием массовых связей между отдельными гражданами и общественными объединениями. Следующий блок сотрудничества между КНР и СССР будет представлен взаимодействием отдельных граждан, коллективов и организаций, не связанных с органами власти и СМИ. Переписки, интерактивные замыслы коммуникации (например, поиск случайных знакомых через прессу двух стран или письма нескольким разным гражданам в СССР от китайских школьников и студентов), совместные празднования, поздравления ответственных лиц и коллективов людей с праздничными датами (годовщина революции или основания республики). Так или иначе, даже то научное исследование, которое проводится в данной статье, представляет из себя не только пополнение исторического фонда научных знаний, но и действие народной, научной дипломатии, реализуемое к юбилею КНР в 2019 г.

Каждая годовщина подписания советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в обеих странах отмечалась как важное общественно-политическое событие. Большой вклад в укрепление связей между народами КНР и СССР внесли Общества китайско-советской и советско-китайской дружбы. Ежегодной массовой акцией стало проведение месячников китайско-советской дружбы, приуроченное к празднованию годовщины Октябрьской революции.

Показательным фактором в признании наставнической роли «старшего брата» в лице СССР являются письма китайских учащихся ответст-

венным лицам советского государства, в том числе приуроченные к знаковым датам. Так, например, в письме студентов 3-й группы средней школы при Пекинском институте 2 ноября 1957 г. К. Е. Ворошилову можно проследить стилистические особенности, иллюстрирующие отношение китайской молодежи к государственным деятелям СССР: «Дорогой дядя Ворошилов! Мы от всего сердца поздравляем Вас. Желаем Вам вечного здоровья... вы также, как и наш горячо любимый Мао Цзэдун, являетесь трудолюбивым садовником в прекрасном саду... С горячим пионерским приветом. КНР учащиеся нач. шк. Хайтаоюань... пр. Шаньдун 29/X-57 г.» [10, л. 100].

Советское руководство выбрало для Иркутска в качестве партнера город Шэньян. Следует отметить, что в середине 1950-х гг. в СССР для местных обменов сначала открыли только Хабаровский и Приморский края (партнер – Хэйлунцзян) и Казахстан (партнер – Синьцзян) [11]. В Сибири же первоначально партнерство формально ограничивалось отношениями Иркутская область – провинция Ляонин. Первая делегация молодежи Китая приехала в Иркутск осенью 1956 г. В конце октября 1956 г. в Ляонин уже с ответным визитом поехала иркутская молодежная делегация во главе с первым секретарем Иркутского обкома ВЛКСМ М. И. Арбатским [12].

В статье ректора Иркутского университета В. Я. Рогова, посвященной 40-летию юбилею университета, говорилось: «Крепнут и расширяются научные и культурные связи университета со странами народной демократии... Особенно большие связи устанавливаются с Китайской Народной Республикой и МНР» [13].

Совет Министров СССР в 1956 г. обязал Министерство Геологии и охраны недр СССР «принять 20 китайских специалистов для ознакомления с достижениями в области проведения геологических работ и исследований» [14, л. 12].

С 25 августа по 4 сентября эта делегация знакомится с объектами и учреждениями в Свердловске.

В письме директора Уралмашзавода главному редактору китайской газеты «Дружба» указано, что: «Уралмашзаводом получено Ваше письмо с приложением копии письма коллектива рабочих и служащих мартеновского цеха № 2 Аньшанского металлургического комбината». Китайские рабочие в письме благодарили уралмашевцев за поставляемое оборудование. Просят ускорить поставки нового оборудования [15, л. 12, 14].

Из «справки о связях научных работников Уральского политехнического института им. С. М. Кирова с учеными стран народной демократии» можно узнать, что «За последние годы в институтах КНР работали доценты, кандидаты наук Жаров Н. Т., Худяков И. Ф., Маханек Н. Г. /все металлурги/. Доцент Кропачев Г. П. /энергетик и в настоящее время читает лекции в Центральном политехническом институте КНР» [16, л. 114].

Комсомольская газета «Советская молодежь» 1 октября 1958 г. напечатала статью председателя Иркутского отделения общества советско-

китайской дружбы Г. Ф. Кунгурова «Великая дружба». В статье, в частности, говорилось: «У нас в Иркутске организовано областное отделение общества советско-китайской дружбы. Это значительное и радостное событие, современный и важный шаг нашей общественности... Мы почти ежедневно встречаем и провожаем зарубежных гостей. Быстро растут культурные и экономические связи с нашим добрым соседом – с Китайской Народной Республикой, происходит обмен специалистами, творческими работниками, туристами. В нашей области трудится много китайских товарищей. Массовый характер принимает переписка советских и китайских тружеников. Товарищ Мао Цзэдун назвал Иркутск воротами в СССР. У нас побывали, осмотрели город и его стройки... выдающиеся китайские деятели: Мао Цзэдун, Чжу Дэ, Чжоу Эньлай, Го Можо, Сун Цинлин и др. Мне вспоминается, как однажды Го Можо метко сказал: – Я так часто бываю в Иркутске, что мэр этого города скоро пропишет меня как постоянного жителя. Иркутское отделение общества советско-китайской дружбы приступило к своей работе» [17].

В конце 1958 г. в газете «Иркутский университет» была напечатана заметка «Хочу найти друга в Советском Союзе». В ней содержалось письмо китайской студентки: «Я студентка второго курса факультета китайской литературы университета Ляо Нин, комсомолка» письмо заканчивалось словами: «Хотела бы я найти в Советском Союзе друга, который помогал бы мне изучать русский язык и литературу» [18].

Стоит отметить, что блок взаимодействия по линии научной дипломатии требует отдельной исследовательской работы. В силу того, что экономические приоритеты КНР в 1950-е гг. носили всеобъемлющий и первостепенный характер, надо полагать, что их достижение реализовывалось в том числе и при помощи народной дипломатии. Взаимодействие на уровне вузов, факультетов кафедр, на уровне НИИ. Все материалы, свидетельствующие о фактах переписки, принятых решений, направленных делегации – требуют отдельного подхода при их изучении. Высшее образование и наука во взаимодействии двух стран – это особая область изучения, поскольку становление экономики КНР складывалось именно через трансляцию советской научной школы.

Таким образом, можно проследить две линии, которые являются сквозными в приведенных письмах. Во-первых, это яркая политизация содержания, а, во-вторых, это видимая доминирующая роль советской стороны, которая воспринимается в качестве некоего универсального донора во всех сферах жизни народного хозяйства, образования, воспитания и науки.

Народная дипломатия имела огромное значение для модернизации китайского общества. Тесное сотрудничество с СССР позволило привнести в жизнь китайского народа много нового из мировых научных, технических и культурных достижений. В работе нам удалось воссоздать картину масштабных молодежных обменов, массовой переписки между гражданами и коллективами, всплеска популярности на изучение языка друг

друга. Давнее стремление двух народов к добрососедству и дружбе в наиболее полной и современной форме нашло отражение исторического советско-китайского договора в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, заключённом в 2001 г., который также призван комплексно обеспечить двустороннее сотрудничество и укрепление политического согласия через инструменты народной дипломатии, в том числе.

Список источников

1. Пын Мин. История китайско-советской дружбы. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. С. 347. 360 с.
2. Хохлов А. Активизация изучения русского языка в Китае после образования КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 136–144.
3. Чжан Гу. Летописи величайшей дружбы (о книгах и брошюрах, написанных членами китайских делегаций, посетивших Советский Союз). Народный Китай. 1954. № 4. С. 35–36.
4. Лю Юнь-ань Ученые Китая в борьбе за социализм // Вестник АН СССР. 1957. № 10. С. 138–141.
5. Ли Суйань, Ли Чжаохуй. Из истории советско-китайских культурных связей (50-е гг. XX в.) / пер. с кит. Г. П. Белоглазова и О. Н. Рябченко // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 3. С. 152–157.
6. Вэнь Бянь. Издание сочинений китайских и зарубежных писателей // Дружба. 1959. № 13. С. 29.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-816 (Томский политехнический институт). Оп. 1. Д. 2 148.
8. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. Р-2883 (Иркутское отделение Российской ассоциации международного сотрудничества). Оп. 1. Д. 1.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-816. Оп. 1. Д. 83.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 30. Д. 29.
11. РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 30. Д. 85.
12. Советская молодежь, 1959, 14 июня.
13. Дацышен В. Г. Иркутск в системе советско-китайских отношений в 1950-х – начале 1960-х гг. и проблемы иркутского китаеведения // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности: материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 541 с. С. 4–17.
14. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4 (Свердловский обком КПСС) Оп. 55. Д. 113. Л. 12.
15. ЦДООСО. Ф. 1020 (Партком Уралмашзавода) Оп. 5. Д. 788. Л. 13.
16. ЦДООСО. Ф. 1910 (Уральский политехнический институт) Оп. 5. Д. 10. Л. 114.
17. Советская молодежь, 1958, 1 октября.
18. Иркутский университет, 1958, 28 ноября.

А. В. Низовских
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия

ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НА ЗАПАДНО-СИБИРСКОМ УЧАСТКЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В XIX В.

Аннотация. Вопросы, возникающие на почве разрешения территориальных споров, занимали особое место в истории взаимоотношений Российской империи и Китайского государства в XIX в. Проблемы появлялись в процессе пограничного размежевания, ведь он затрагивал интересы государств, местных властей и народов, проживающих по обе стороны российско-китайской границы. В данной работе рассматриваются проблемы, возникающие на Западно-Сибирском участке российско-китайской границы.

Ключевые слова: *российско-китайская граница, Западно-Сибирский участок границы, пограничные проблемы, международные отношения*

Abstract. The issues arising out of resolution of territorial disputes occupied a special place in the history of relations between Russia and the Qing Empire in the XIX century. The problems emerged in the process of border demarcation, because it affected the interests of the state, local authorities and the people living on both sides of the Russian-Chinese border. In this paper we consider the problem as a specific one for the West Siberian part.

Keywords: *the Russian-Chinese border, the West Siberian section of the border, border problems, international relations*

В течение XIX в. шло активное формирование Западно-Сибирского участка границы между Российской и Цинской империями и поэтому возникали разного рода пограничные проблемы. Одной из острейших проблем, которая возникала на Западно-Сибирском участке границы в XIX в., являлся её незаконный переход, а борьба с ним была сложнейшей задачей для пограничной охраны. К середине XIX в. Западно-Сибирская граница постепенно открывается, так в Кульджинский трактат 1851 г. разрешил для торговцев пересечение границы Цинской империи [10, с. 29], также договоры 60 и 80-х гг. XIX в. меняли ситуацию, новая линия границы и новые условия двусторонних отношений не позволяли оставлять Западно-Сибирский участок границы закрытым. В этих договорах разрешалось нахождение на территории Российской империи китайских подданных и пересечение границы купцами Российской и Цинской империй, а также урегулировали нелегальное пересечение границы [1, с. 81].

В XIX в. ежегодно пересекали российско-китайскую границу по разным причинам тысячи человек. Цели для перехода были следующими: пользование угодьями, торговля, заработки и промыслы [4, с. 143]. Существовали особые пограничные билеты, которые выдавались местными вла-

стями, и были необходимы для пересечения границы, без подобных разрешений проход через границу считался незаконным. Данный вопрос поднимался в «Правилах сухопутной торговли». Во второй статье правил закреплялось наказание для купцов за незаконное пересечение границы без необходимых документов. При условии, если у купца не было специального разрешения от местного пограничного начальства на переход границы, то он мог быть арестован и отправлен обратно, а товар конфискован. Хотя крайних мер в отношении торговцев, пытающихся пересекать границы без разрешения, власти не предпринимали, но активно препятствовали подобным действиям [2, л. 67об. – 68]. Документы на право посещения соседнего государства выдавались местными властями с обеих сторон. Довольно много конфликтных моментов и неразрешимых споров возникало по причине отсутствия единого документа, разрешающего переход границы. Данная проблема не была разрешена на Западно-Сибирском участке границы до конца XIX в. ни одной из сторон [4, с. 145].

Существует несколько факторов, объясняющих отсутствие положенного режима перехода российско-китайской границы, особенно на Западно-Сибирском участке. Самый важный из них – непонимание сути и смысла государственных границ у местного населения. Местные народы свободно пересекали российско-китайскую границу с целью кочевок, являясь подданными не того государства, на котором находились кочевья. Другим фактором, препятствующим нормальной работе границы, являлось сохранение традиций захватного права и развитие процессов колонизации новых территорий. Практически на всем протяжении Западно-Сибирского участка российско-китайской границы существовала ситуация, когда на сопредельной территории были земли, не осваиваемые местным населением. На данном участке границы жили кочевники, но имелись благоприятные условия для русской земледельческой колонизации и для некоторых промыслов. Практически вдоль всей границы русские имели покосы на китайской территории. Хозяйственная деятельность китайцев на российской границе вызывала еще больше проблем. Ещё одним немаловажным фактором, который осложнял пограничные отношения, связанные с переходом границы специфическая интерпретация российско-китайских соглашений цинским правительством. Объяснение было связано со специфическим пониманием китайцами мироустройства, в нем вся власть их императора охватывала весь мир, поэтому обычные китайцы считали, что Китайское государство – это вся земля вокруг и русским просто позволено на ней жить. Данную идею китайские власти упорно поддерживали путем исполнения на приграничных территориях с Российской империей своих властных функций. Таким же образом они пытались установить их и на Западно-Сибирских приграничных районах.

В XIX в. из-за постепенного формирования Западно-Сибирского участка российско-китайской границы с каждым годом все больше кочевий разделялось границей. Казачьим войскам, находящимся на границе и охраняющим её, приходилось выдворять казахов и киргизов, которые

кочевали в Российскую империю из Китая. Были и те, кто желал вступить в российское подданство, и просили об этом. По данным Е. Шмурло с 1887 г. около 300 казахов из семьи Сарыколдак (Сарыкалдак) просили российского подданства. Они кочевали по земле, относящейся к Бийскому округу, и лишь в конце XIX в. получили дозволение стать российскими подданными [16, с. 42].

Вопрос о контроле пересечения границы не был решен к концу XIX в., так как определенные пункты для перехода границы не фиксировались российско-китайскими договорами, и одновременно не запрещали пересечение российско-китайской границы в любой ее точке [4, с. 153]. В XIX в. постоянно присутствовали проблемы перехода границы на Западно-Сибирском участке границы, что в свою очередь осложняло российско-китайские отношения.

Сложнейшей пограничной проблемой в российско-китайских отношениях были вопросы, связанные с бегством через границу подданных обоих государств. В числе основных причин были политические мотивы, скрывание от погромов и преследований правоохранительных органов [4, с. 143], но бегство через границу не дозволялось [1, с. 81].

В течение XIX в. на российско-китайской границе проблемные вопросы бегства обострялись. В 60-х гг. XIX в. на территории Цинской империи происходили репрессии и массовые убийства представителей других конфессий мусульманами, поэтому усилилось бегство в Российскую империю из Западного Китая подданных по религиозно-политическим мотивам [14, с. 214]. Примером массового перехода на земли Российской империи через российско-китайскую границу на Западно-Сибирском участке с конца 70-х – начала 80-х гг. XIX в. было бегство дунган и уйгур. Причиной столь активного пересечения границы был уход от китайской армии, связанной с мусульманским восстанием. Данная ситуация решалась китайской стороной требованиями вернуть перебежчиков, провокацией пограничных конфликтов и подсылкой убийц к лидерам дунган [17, с. 20]. Несмотря на это, вопросы передвижения дунган и уйгур с территории Цинской империи через Кульджинский край на территорию Российской империи решались путем заключения двусторонних соглашений [9, с. 97]. Бегство огромных масс мусульманского населения привело к разнообразным вопросам, которые требовали незамедлительного решения. В связи с тем, что китайская сторона не всегда была готова полностью контролировать границу и обеспечивать её безопасность, то российским пограничным властям приходилось решать многие вопросы беженцев [4, с. 159].

В XIX в. факты незаконного перехода через границу наблюдались с обеих сторон. Бегство российских подданных через Западно-Сибирский участок границы в Цинскую империю создавало много проблем. Российским властям было необходимо решать эти проблемы для нормального функционирования и развития пограничных территорий. С первых лет присоединения «Киргизского края» имело место бегство российских подданных в Цинскую империю. С 80-х гг. XIX в. процесс приобретает массо-

вый характер [8, с. 31]. В XIX в. имели место случаи бегства русских староверов в Цинскую империю, об этом свидетельствует открытие колонии русских староверов Н. М. Пржевальским около озера Лобнор в Цинской империи [11, с. 81].

В XIX в. бегство по различным поводам через российско-китайскую границу на Западно-Сибирском участке в обоих направлениях вызывало серьезные трудности для властей обеих империй. Данный вопрос являлся одной из главных пограничных задач, которые приходилось решать местным властям. Для успешного ее разрешения они принимали меры путем недопущения незаконных переходов границы, а в наиболее сложных ситуациях российская и китайская стороны договаривались на различных уровнях.

Еще одной из сложных проблем на протяжении всего периода являлась преступность. Она осложняла российско-китайские отношения на Западно-Сибирском участке границы. На данном участке преступность чаще всего проявлялась в виде взаимных угонов скота – баранта. В условиях государственной границы она принимала различные формы и становилась грабежом [4, с. 173]. Самым известным барантачем на Алтае был зайсан Абдульдо Кальдеке. Он активно занимался кражей скота и успешно перепродавал его за границу [5, с. 29]. С китайской стороны шли обвинения на российских пограничников в том, что они укрывают барантачей, хотя это заявление было неоправданно, так как российские пограничники старательно противостояли преступности. В 1891 г. появилась «Инструкция пограничным отрядам Семиреченской и Семипалатинской областей». В ней одной из основных задач для пограничных отрядов ставилась борьба с преступностью. Преступления российских подданных на китайской территории осложняли двусторонние отношения. Совместные усилия как со стороны пограничных властей Российской империи, так и со стороны Цинской империи могли дать необходимый порядок на границе, но после начала восстания мусульман и ликвидации цинской власти в Синьцзяне преступность на Западно-Сибирском участке границы значительно усилилась, так как осложнился контроль над приграничными территориями. Российские и цинские пограничные войска не всегда работали согласованно, даже имели место случаи противостояния [13, с. 161]. Например, в начале 80-х гг. XIX в. после окончательного формирования Западно-Сибирского участка границы были случаи преследования цинскими пограничниками преступников на российской земле и имели место расправы над казахами и киргизами [12, с. 62] [3, с. 53]. Итак, преступность была одной из важнейших проблем на Западно-Сибирском участке российско-китайской границы, особенно осложняли ситуацию барантачи и преследования преступников китайской стороной.

В XIX в. ещё одной серьезной пограничной проблемой была контрабанда. Первопричинами были: завышенная пошлина, запрет ввоза и вывоза, регулирование торговли. Через Западно-Сибирский участок российско-китайской границы контрабандой ввозился чай [7, с. 160], а вывози-

лась соль. Контрабандный провоз на рассматриваемом участке спиртных напитков стоял менее остро. Это было связано с отсутствием интереса к китайской водке у мусульманского населения и непопулярности у местного населения, связанной с ее неприятным вкусом [4, с. 159], но тем не менее свободный провоз и реализация водки из Цинской империи все равно запрещался. Несмотря на запреты провоза наркотиков через границу, перевоз анаши доставлял много проблем пограничной охране [10, с. 037].

Преобладающими пограничными проблемами на Западно-Сибирском участке границы между Россией и Китаем в XIX в. являлись: незаконный переход границы, бегство подданных обеих стран через границу, преступность, нелегальный провоз товаров и наркотиков. Самыми часто встречающимися из них были незаконное пересечение границы и контрабанда, в основном чаем. Хотя пограничные проблемы периодически возникали на российско-китайской границе, Российская и Цинская империи не были заинтересованы в открытом военном конфликте, поэтому решение проблемных вопросов проходило путем диалогов и компромиссов на разных уровнях власти. Несмотря на противоречия, российско-китайские отношения на Западно-Сибирском участке границы оставались стабильными.

Список источников

1. Адамов Е. А. Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952.
2. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 287. Л. 67об – 68.
3. Данилин А. Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Горном Алтае. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1993. 207 с.
4. Дацышен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во второй половине XIX – начале XX в. Кызыл: Республиканская типография, 2000. 215 с.
5. Зиновьев В. П. Казахи Чуйской долины (конец XIX – начало XX) // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии (взаимодействие народов и культур). Барнаул: Барнаульский гос. пед. ун-т, 1997. С. 27–31.
6. Касымбаев Ж. К. О торговле России с Цинской империей через города Восточного Казахстана в 80–90-е гг. XIX в. // XII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. М., 1981. Ч. 2. С. 17–28.
7. Касымбаев Ж. К. Российская караванная торговля с Синьцзяном через Казахстан после заключения Петербургского договора 1881 г. // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае»: тезисы докладов. М.: Институт Востоковедения РАН, 1991. Ч. 3.
8. Коншин Н. Я. Материалы для истории Степного края. К истории Каркаралинского и Аягузского округов в 30–40-х годах XIX в. // Записки Семипалатинского Подотдела Западно-Сибирского отдела РГО. Семипалатинск, 1903. Вып. 1.

9. Костенко Л. Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк. СПб.: Военная типография, 1887. Вып. XXVIII. 359 с.
10. Матусовский З. Л. Географическое обозрение Китайской империи. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. 471 с.
11. Риттер К. Земледелие Азии. В VI т. СПб., 1877. Т. IV.
12. Сибирский наблюдатель. Томск: Паровая лито-типография П. И. Макушина, 1903. Кн. 3. С. 62.
13. Соколов И. А. Справочная книжка Амурской области на 1890 г. Благовещенск: Издательство Канцелярия гражданского управления, 1890. 222 с.
14. Тумайкина В. В. Вопрос о китайских мигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2008. №4–5 (60). С. 214–218.
15. Хохлов А. Н. Русско-китайская торговля и политика России в отношении Китая (вторая половина XIX в.) // Россия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона в XIX – начале XX века. Иркутск: Иркутский государственный педагогический институт, 1988. С. 18–38.
16. Шмурло Е. Описание пути между Алтайской станицей и Кошъ-Агачем в Южном Алтае // Записки Западно-Сибирского общества ИРГО. Омск: Типогр. Окруж. Штаба, 1898. Кн. XXIII.
17. Юрсов Х. Переселение дунган на территорию Киргизии и Казахстана. Фрунзе: Киргизское государственное издательство, 1961 г. 80 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексушин Глеб Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры коммерции, сервиса и туризма Самарского государственного экономического университета; e-mail: gva3@yandex.ru.

Артамонова Анастасия Георгиевна, специалист Законодательного Собрания Красноярского края; e-mail: nastya12.aa@gmail.com.

Архипова Алена Ивановна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; e-mail: ali-titova@rambler.ru.

Ахтамов Евгений Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: akhtamov@gmail.com.

Бакшеев Андрей Иванович, кандидат исторических наук, доцент Красноярского государственного медицинского университета им. профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого; e-mail: baksh-ai@yandex.ru.

Белгородская Людмила Вениаминовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: blv.kr@yandex.ru.

Болонкина Елена Владимировна, кандидат исторических наук, заведующая отделом русского искусства XVIII – начала XX в. Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова.

Бурлаков Василий Александрович, нотариус нотариальной палаты Республики Бурятия; e-mail: reklamauu@mail.ru.

Виниченко Наталья Вадимовна, аспирант Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail: n.vinichenko2015@yandex.ru.

Герасимов Даниил Алексеевич, студент Уфимского государственного авиационного технического университета; e-mail: daneel3000@mail.ru.

Гергилев Денис Николаевич, доктор исторических наук, заместитель министра образования Красноярского края, исполняющий обязанности заведующего кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: turilak@yandex.ru.

Головко Виталий Сергеевич, студент Алтайского филиала Российской Академии Народного хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: gvsblg@gmail.com.

Горьковская Зинаида Петровна, кандидат исторических наук, доцент Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета; e-mail: zinagor@mail.ru.

Гусева Елизавета Евгеньевна, учитель истории и обществознания Самусьского лицея им. академика В. В. Пекарского; e-mail: gusevaelizaveta0@gmail.com.

Дамешек Ирина Львовна, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета; e-mail: dameshek@rambler.ru.

Дамешек Лев Михайлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Иркутского государственного университета; e-mail: levdameshkek@gmail.com.

Дементьев Александр Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: dementjev.ap@yandex.ru.

Долидович Олеся Михайловна, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: dolidovich@mail.ru.

Друзяка Андрей Викторович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и специальных исторических дисциплин Благовещенского государственного педагогического университета; e-mail: druzyaka12@mail.ru.

Жулаева Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: annzhul@mail.ru.

Задорин Артем Викторович, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: a.zadorin2013@yandex.ru.

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета; e-mail: ottisk@irmail.ru.

Карпенко Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: sinaeva@mail.ru.

Карчаева Татьяна Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: tatyana-verkhoturva@yandex.ru.

Ковалев Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: alexkovaleff@yandex.ru.

Королёва София Александровна, студентка Сибирского федерального университета; e-mail: sonluyyou@mail.ru.

Лойко Александр Иванович, доктор философских наук, профессор Белорусского национального технического университета; e-mail: alexander.loiko@tut.by.

Малафеев Алексей Викторович, студент Сибирского федерального университета; e-mail: malafeew.alexej@yandex.ru.

Неупокоев Игорь Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Курганского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: neupokoev_i_v@mail.ru.

Низовских Анна Вячеславовна, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: annet2007@list.ru.

Николаев Даниил Андреевич, студент Сибирского федерального университета; e-mail: duinash12@gmail.com.

Никуленков Василий Валентинович, кандидат исторических наук, исполняющий обязанности директора Института Севера и Арктики Сибирского федерального университета; e-mail: vnikulenkov@sfu-kras.ru.

Почеревин Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В. М. Шукшина; e-mail: rev2@mail.ru.

Рогачев Александр Георгиевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: rogachevalex49@yandex.ru.

Рябов Юрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: ryabov.yu@gmail.com.

Садыков Азамат Камилевич, старший преподаватель Уфимского государственного авиационного технического университета; e-mail: sadykov.azamat.76@mail.ru.

Седен Алдына Викторовна, кандидат исторических наук, доцент Тувинского государственного университета; e-mail: aldynaseden@yandex.ru.

Сентябова Мария Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии Красноярского государственного аграрного университета; e-mail: m.v._redko@mail.ru.

Се Чуньхэ, профессор Хэйхэйского университета, КНР.

Ступин Евгений Олегович, преподаватель Уфимского государственного авиационного технического университета.

Суржко Антон Валерьевич, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: surzhkoanton@yandex.ru.

Хоменко Денис Юрьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Красноярского медицинского техникума; e-mail: khomenko_denis@mail.ru.

Шаламов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета; e-mail: Wladimir13x@ya.ru.

Шестакова Ксения Игоревна, сотрудник Государственного архива Красноярского края; e-mail: ksyusha-solnce@yandex.ru.

Элтеко Юлия Викторовна, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета; e-mail: yelteko@yandex.ru.